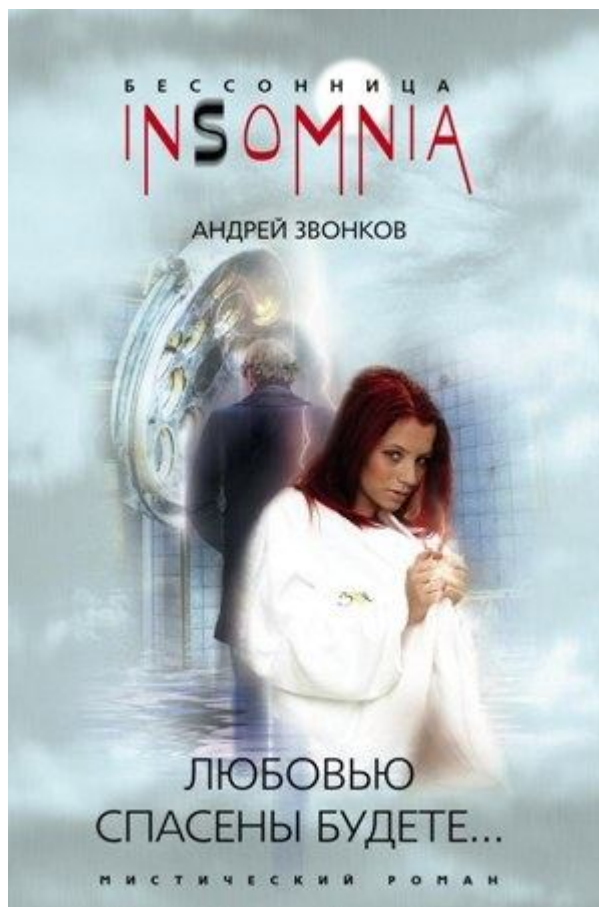

Андрей Леонидович Звонков Любовью спасены будете...

Расхожая фраза: «Словом можно ранить или убить». Врач скорой помощи Виктор Носов, как и любой медик, знал ее истинность. Но не мог допустить иного толкования, чем прямое словесное воздействие на психику. А какую энергетику несет необдуманное слово? Или сказанное в гневе?.. Любовь Виктора Носова и Вилены, яркие искорки счастливых эпизодов жизни вспыхнули и сгорели в незримой страшной битве родных людей. За что? Да ни за что! И любят и ненавидят – слепо. Жить злом и совершать зло легко, но однажды придет воздаяние. И это уже удел высших сил...

Немного забегаю вперед

Как это бывает у нас, на скорой, очень редко судьба дарит дежурным бригадам в промежуток между полуночью и тремя-четырьмя часами утра неожиданное затишье. Когда ни у кого ничего не болит, никого не беспокоят скандалящие соседи и ни у кого не текут краны... все у всех в порядке.

И тогда слетаются на подстанцию бригады, извлекается из одежного шкафчика старенькая гитара, и те, кто не ушел спать на жестком топчане, заваривают крепчайший чай, курящие сворачивают из жестких карточек фунтики вместо пепельниц и начинают рассказывать вечные скорпомощные байки или слушать скорпомощные песенки, исполненные черного юмора и здорового медицинского цинизма.

В эту ночь песен не пели. Разговор зашел о парапсихологии и экстрасенсах.

Самый старый фельдшер на подстанции Борис Акимыч Супрун затоптал докуренную

до мундштука беломорину. Вытер пальцами углы рта, отобрав у фельдшера литровую глиняную кружку, сделал большой глоток чаю и сказал:

– Про экстрасексов ничего сказать не могу, это слишком умно для меня. Но вот в бытность мою заведующим фельдшерско-акушерским пунктом в Рязанской губернии, когда я был чуть постарше вас, с колдуньей настоящей дело иметь пришлось. Вот.

Мы притихли.

Женечка Соболева вскочила и, убегая в соседнее помещение к плитам с чайниками, взмолилась:

– Борис Акимыч, подожди, я чайники поставлю!

Чайники – это важно! Собравшиеся давно выдули кипяток, и вновь прибывшим придется ждать, пока согреется новый. Поэтому к чайникам для жаждущих бригад у всех отношение было трепетное. Попил сам – подумай о других.

Акимыч милостиво сделал паузу, отпивал из кружки, копался в растрепанной пачке «Беломора», выбирая папироску поцелее, дожидался, пока Женечка вернется к столу, укутается суконной шинелькой и станет слушать, подперев кулаками щеки.

– Колдуньей, Акимыч... – подтолкнула Женька, как иногда напоминают людям, посреди фразы забывающим, о чем же это говорили?

– Ну так вот, – начал рассказ наш старый фельдшер, – земля Рязанская полнится разными чудесами, ну это вы из газет знаете. Дело было давно, еще в середине шестидесятых. Я как раз закончил училище, отслужил три года в армии, и вдруг прямо из военкомата вызвали меня в райком комсомола и говорят: «Борис Акимыч, для сознательных бойцов в деле строительства коммунизма у нас есть ответственные посты. Ты человек, прошедший армию, с китайцами повоевал, принимай должность».

Я обрадовался, решив, что направляют меня в реанимацию горбольницы. Реанимация – слово новое, модное, она тогда только-только открылась, нас туда на практику водили аккуратно между окончанием медтехникума и армией.

Ан нет! Дали мне разнарядку в деревню, название, скажем, Сосуево, кажись, Касимовского района.

Добирался я туда целый день.

Приехал, хибарку мою осмотрел – ничего домик.

Амбулатория небольшая. Аптечка при ней. И больничка на пять коек. Процедурная и операционная, она ж родблок.

Устроился я прямо там же в комнатке при амбулатории. Штат – всего ничего, я, да акушерка – она же медсестра, да санитарка – звать Тамара.

Я с делами познакомился, бухгалтерию перетряхнул, и на следующий же день в район, в рай-здрав, доложить, что дело принял, заявку оставить на медикаменты, инструменты и если им меня не жалко, то на мотоцикл с коляской, чтоб мотаться по окрестным деревням, коих всего в моем попечении оказалось шесть.

Заявку приняли, с лекарствами и инструментами обещали помочь, а по поводу мотоцикла – кукиш показали. Нету денег у райздрава на мотоциклы. Используй, говорят, смекалку и прояви находчивость. Вернулся несолоно хлебавши.

Народ потянулся на прием. У кого чирьяк, у кого радикулит, у кого зуб... разные люди. Один раз в неделю стоматолог приезжал с щипцами. До вечера надергает зубов полный тазик, и прости-прощай на неделю. А хочешь, чтоб он тебе в зубе дырку сверлил, пломбу ставил – езжай в район, сиди в очереди.

Нашим-то лень, да и как летом хозяйство оставишь? С пяти часов на ногах до позднего вечера... Не поверите, ни читать, ни радио слушать времени нету... утром какая скотина есть – кормов задать, убрать-постелить, птицу выгнать на двор, коз привязать на лугу, да бегом на ферму, там до вечера, а вечером опять – хорошо, если корова дойная, так и подоить два раза в день, скотину загнать, кормов дать и уже без ног упасть на лавки, а у кого есть – в кровать с панцирной сеткой. Вот и не ездит никто, приходят на щипцы. Почитай, вся деревня беззубая ходила, у кого одного-двух, а у кого и полрта недоставало. Ничего, деснами терли,

ели и ни про какие гастриты не вспоминали.

Но отвлекся я. Вызывают тут меня в конце лета в райком и мордой об стол:

«Комсомолец Акимыч, а почему на вашем участке процветает мракобесие и полное засорение мозгов?»

Я ни в зуб ногой.

«Ничего не знаю, – говорю. – Никакого мракобесия не встречал».

«Бдительность потеряли! Сытно спите, крепко жрете там в деревне?! А враг не дремлет!»

Тут до меня стало доходить, что они про бабу Василису.

«Ну, есть такая. Карга старая. Ей уж небось лет двести или триста... мхом поросла уж. Какой она враг?»

«Самый страшный враг, – говорят, – не тот, что из-за океана ракетами да бомбами грозит, а тот, что под боком разлагает передовое крестьянство! А фельдшер – комсомолец, спит и не видит, как вредная народная пропаганда знахарства ползет по району!»

«Хорошо, – говорю, – поеду искоренять, задание понял».

И первым же делом на перекладных в самую дальнюю деревеньку Лысково на десять дворов, где и жила бабу Василиса.

Слышать-то я про знахарку слышал, а вот видеть не приходилось. Приперся к ее избушке уже в сумерках, стучу. Тишина. Дверь в сени не приперта, значит, в доме хозяйка. А чего ж молчит?

Слышал я, что стара она. Не дай бог, померла, пока ей в райкоме кости перемывали!

Я зашел в сени, покашлял для приличия. Молчок. Сапоги скинул, стою в портянках, кепку в руки взял, не принято порог переступать в шапке-то, и вхожу.

В горнице лампочка горит. Значит, электричество есть. Чистенько, светло, все прибрано, от полов аж сверкает. Ну, думаю, неужели старуха в такой силе, что дом содержит, хозяйство блюдет и такую чистоту соблюдает?! И запах... свежего хлеба!

Я у порога стал, говорю:

«Вечер добрый, хозяйева!»

Опять тишина. И такая, знаете, тишина, ну вот, наверное, как в гробу, когда на два метра закопают. Тише не бывает. Аж уши заложило. Гляжу, из-за печки котяра выходит. Рыжий, мордатый. Глазищи желтые и так внимательно на меня смотрит, будто он тут за хозяина, а я непонятно зачем приперся. А я как прирос к порогу, не могу шагу ступить дальше. Притолока низкая, сгорбился, кепку в руках мну и ни тпру ни ну... Вдруг сзади меня кто-то толкает, и слышу голос:

«Что встал, милок, проходи давай».

И будто пленка прорвалась передо мной, я шаг вперед делаю, и вдруг разом – горница серенькая, углы в паутине, под потолком лампа керосиновая, на дощатом колченогом столе книжка толстенная с желтыми страницами, и каракулей в этой книжке... ничего не понять!

А рядом со мной и правда – карга. Нос крючком, горб угловатый, как его, этот... – Акимыч постучал пальцем по столу, – сколиоз! Бабу в тряпье каком-то. Из рта торчит один клык, руки жилистые, пальцы узловатые черные, и смотрит она на меня одним глазом, а из-под платка выбиваются седые космы.

Ну, думаю, попал к бабе-яге!

Одно утешало, что печка у нее не русская, а голландка, значит, на лопату не посадит, в топку не наладит...

И какие-то мысли бредовые бродят в голове: думаю, а чего это она? И все. Чего «чего»? Не знаю. А бабу меня протолкнула, сама в горницу прошла и все так же, глядя на меня одним глазом, вторым-то она что-то на полу высматривала, спрашивает:

«И что это в наши края ученого фельдшера занесло? Или современная наука не справляется?»

Хотел я ей ответить, как меня в райкоме настроили, да язык к зубам прилип. Только и смог выдать:

«Здравствуйте, баба Василиса...»

И все снова поменялось. Опять горница светлая, кот гуляет, стол накрыт, самовар на столе, а передо мной никакая не бабка, а молодая, лет так сорока пяти, женщина в сорочке расшитой, юбке широкой. Руки и правда жилистые, трудовые руки. Зубов как положено, и ни один не торчит, все белые, ровные. Глаза серые, с прищуром, а волосы хоть и с сединой, но туго сплетены и прибраны, только видны железные шпильки. Отвечает:

«Здравствуй, Борис Акимыч, коли не шутишь! А чего это ты меня в бабки записал?»

Я молчу. А что сказать? Что пришел искоренять ее как класс? Что я такой весь из себя активист-комсомолец, пришел бороться со знахаркой?

«Хотя, пожалуй, все верно – бабка я».

Нет. Не то чтобы я скис, испугался... Конечно, не без этого, когда она мне бабой-ягой показала, струхнул, конечно, что и говорит.

А теперь, когда вот так встречает с самоваром да за стол приглашает, ругаться как-то неудобно. Про себя думаю, надо бы миром дело решить. Она мне чашку с чаем придвигает, ватрушку с творогом кладет.

Я выдавил «спасибо» и никак о главном заговорить не могу. Так сидим, чаи гоняем из блюдечка. Молчим. Чувствую, кто-то должен первым заговорить, думаю, пусть она... Все-таки пока слово не сказал – ты его хозяин, а как выпустил, оно главней. Наконец она начала.

«Не тужься, фельдшер, – говорит. – Можешь ничего мне не объяснять. Ты еще из райкома выходил, а я уж знала, что будешь ты у меня в гостях. Только сразу скажу, ссориться нам незачем. Ты вот пришел с миром, не грубил, не угрожал, и я к тебе с любезностью. Теперь выкладывай, что сказать хочешь?»

А я дурак дураком. Про все спросить хочется. И как она лечит людей? И отчего я в дом войти не мог? И почему она то старухой кажется, то нет? Да как-то неудобно. А она, будто мысли мои прочитала, на одном дыхании говорит:

«Дурни райкомовские знать ничего толком не знают, не понимают, а судят. И мне ведомо, откуда там этот ветер дует, но тебе пока не скажу. Ни к чему. Этот ретивый деятель еще себе зубки пообломает. Я – бабка. А это знаешь, что означает?»

Мне только сил хватило головой помотать, не понимаю, о чем это она?

«Это значит, что я колдунья, ведьма по-нашему».

Мороз подрал по спине. Не поверите, задницей к скамейке примерз, так зазнобило. Но с силами собрался и говорю:

«Предрассудки это, миф».

А она смеется!

«Миф, говоришь? А то, что у тебя задница в скамейку вросла, тоже миф? И то, что ты боишься меня, тоже миф?»

Я себя щупаю, точно, вот портки, а вот уже скамейка, и между ними ни малейшей щелочки, и седало такое деревянное стало... не поспоришь. А она смеется уже вполсмеха:

«Не то беда, что маловерные вы, а то, что настоящую науку не видите, а дурь всякую наукой называете... Запомни, медик, без любви науки быть не может».

Горько так сказала, серьезно. Как мне с ней спорить? И рад бы не верить, да встать не могу. При чем тут любовь? О чем это она? Силенок, однако, набрался и говорю:

«А что ж наука-то? Какая в любви – наука? Чё я, девок не видел?»

Она совсем посерьезнела, стала чашки со стола убирать и молвит:

«Вот ты на фельдшера выучился зачем?»

Я плечами пожимаю. Что значит «зачем»? У меня сосед – шофер на скорой был, он посоветовал после школы в медики идти, работа чистая, интеллигентная, вот я и пошел. Мне понравилось. Но как это бабке Василисе объяснить?

А она продолжает:

«Наука, парень, в нас самих, в любви к природе, к людям, без нее нет понимания, научись любить, Борис Акимыч, и многие тайны откроются, поймешь, что наука вон в лесу,

каждом дереве, травинке, корешке... В тебе, во мне. Постарайся увидеть суть вещей. Учись видеть кругом себя. Говорить ученые слова – большого ума не нужно. И ворона может».

Я крикнул.

«Всю жизнь, что ли, учиться?»

«А хоть бы и всю жизнь. Иль ты думаешь, что я не училась?»

Бурчу: «Ничего я не думаю», а про себя: «Завела бодягу – возлюбите ближнего, подставь правую ягодицу, если пнули тебя в левую». А бабка Василиса опять смеется:

«И верно, к чему думать? Это ж – трудно! – На ходики глянула. – Одиннадцатый уже! Давай-ко стелиться».

Думаю, и где она меня положит? И кем я завтра встану? Колдунья ж! А она со стола убрала, ко мне поворачивается и спрашивает:

«На сеновале ляжешь или в горнице?»

«На сеновале», – отвечаю, а про себя думаю: там безопаснее, и такая мыслишка глумливая – а дочки или внучки у нее нет?

Дала она мне наволочку, одеяльце шерстяное солдатское... И провела с лампой на двор, показала, где сеновал. Я набил наволочку свежим сеном, укрылся одеяльцем, как шинелькой, и провалился. Сны снились... не то чтоб страшные, но какие-то странные.

Помню, что-то необыкновенное снилось и не так чтобы приятное, а что – не помню.

С сеновала слез, студеной водой глаза промыл – и в горницу. А там опять серые стены, стол колченогий, книги нигде не видно. Рыжий котяра на табуретке дремлет. А у стола, на скамейке, сидит ветхая старушенция, не та баба-яга, а совсем дряхлая... нос с подбородком касаются и непонятно в чем душа держится. Я ей:

«Доброе утро, баушка, а где бабка Василиса?»

Затряслась она, захихикала...

«А я это, – говорит, – или не признал, с кем вчера чай пил да ватрушки нахваливал?»

Вот и выходит – не верь глазам своим! Я хоть и комсомолец, а от страха перекрестился. Ничего – бабка осталась бабкой. Взяла она меня за руку и жалобно так просит:

«Милок, прости меня. Приезжай на Крестовоздвижение (будто я знаю, когда это?). – Она поясняет: – Двадцать седьмого сентября. Я тебе передам кое-что... гостинец приготовлю. Только обязательно приезжай. Одна ведь я!»

Ну, пообещал. И засуетился что-то, да еще меня в район в этот день опять вызвали, в общем, вспомнил я о Крестовоздвижение и обещании, когда услышал колокола. Бабку, мимо идущую, спрашиваю – почему звон? Она и сказала. Меня будто током прошибло. Обещал же! А куда? Уже вечер... Думаю, ладно, завтра к ней поеду. Велика важность?! Да вот что-то точно толкало меня. И, как назло, ни одной попутки. Смотрю, подвода, я к мужику: «Отвези!» – «А что случилось?» – «Вызов у меня к бабке Василисе». Мужик аж с лица спал. Помрачнел. Я ему – мне быстрее надо... А он словно вареный. И чем больше я его тороплю, тем он медлительнее и медлительнее... Наконец посулил я ему бутылку купить, так он, пока я из сельмага чекушку не принес, не шевельнулся.

Потом мы потрухали. В деревню въехали, я с подводы соскочил, хорошо луна полная, как фонарь. Да сам не знаю, чем еще светило, но я напрямик через огороды к Василисиному дому. Подошел, а он еще страшней, чем в первый раз. У меня часы «Победа» отцовские, там стрелки светятся, я только перешагнул порог, и стрелки на полуночи – раз, сошлись.

В горнице вижу: лежит бабка Василиса на лавке, руки на животе сложила, на груди у нее книга, а на книге – кот сидит. Ровно статуэтка. Глазищи в темноте светятся. С неба луна засвечивает в дом. Бабка лежит желтая, восковая, не шелохнется. Умерла, что ли? А она говорит не открывая рта:

«Ты опоздал, фельдшер. За опоздание – накажу! А за то, что вспомнил все-таки, я тебя награжу. Возьми мою книгу и кота. Книгу – читай, может, ума наберешься, а кота корми, дай ему дожить до старости. Если научишься людей любить и природу понимать, откроются тебе тайны, а если нет, так дураком и помрешь и всю жизнь будешь опаздывать к тем, кто от тебя помощи ждет!»

Сказала так, что я не сразу в себя пришел.

И все. Кот спрыгнул с хозяйки и стал о ногу мою тереться.

А я Василису законстатировал, написал справку о смерти, досидел до утра с покойницей. Потом справку в сельсовет отдал, чтоб похоронами занялись, и к себе в амбулаторию.

Котяра бабкин прожил у меня два года, мышей ловил до самой дряхлости, потом ослеп. Но я его кормил, витаминами подкалывал.

И ведь что обидно, наказ бабкин исполнялся на сто процентов. Опаздывал я. Уж и мотоцикл появился, и телефон провели, а все равно – опаздывал.

Когда кот умер, я его схоронил в лесу. И в ту же ночь бабка Василиса мне приснилась. Такой, как была в тот мой первый приход к ней, – молодая, сильная женщина, с сединой в волосах и серыми смешливыми глазами.

«Пора тебе жениться, фельдшер. Завтра к вам новенькая медсестричка приедет. Она – сирота. Сватайся через полгода – не откажет. А заклятие я с тебя снимаю, потому что завет мой выполнил, и награжу. Будешь теперь успевать к своим больным, никто у тебя не умрет, пока рядом будешь».

Я и в самом деле женился на новенькой сестричке, с тех пор уж тридцать лет вместе. Книгу я сберег.

В кухню вошла диспетчер. Толкнула окаменевшую Женьку.

– Соболева, поднимай своих, у вас вызов!

Женька глубоко вздохнула и пошла будить врача и водителя. А мы сидели, забыв дышать. Наконец Сашка Медведев сказал:

– Мистика с фантастикой.

Борис Акимыч хитренько усмехнулся. Фантастика в том, что мы с трех до семи просидели без единого вызова!

Все засмеялись. Действительно. А мне вдруг вспомнилось, что за долгие годы работы на скорой за Борисом Акимычем закрепились слава животворца, ведь ни разу на его руках не умер человек.

Эта история мне вспомнилась позже, хотя услышал я странный рассказ фельдшера Супруна еще до трагических событий, свидетелем которых мне довелось стать спустя несколько лет. Борис Акимыч доработал до шестидесяти пяти и ушел на пенсию. И я бы не вспомнил о нем, если бы... мне не встретились, когда я взялся за эту повесть и общался с людьми, собирая материал, названия Мещера, Рязанская область и Лысково.

Совпадения. Сперва я так думал, но чем ближе история подходила к финалу, тем крепче я убеждался, что совпадений не бывает. Как не случайно я принял решение написать эту книгу.

А дело в том...

Часть первая Сутки через двое

Памяти врача Сергея Абрамова и фельдшера Виктора Червякова, погибших 04.11.1992 года

Глава 1 Новобранцы, отравление

Дело в том, что я учился в одном училище с очень миленькой девушкой. Она была курсом младше. Мы встречались после занятий. Я никак не мог решиться сделать ей предложение, как не мог познакомить ее с мамой. Что-то внутри меня подсказывало: мама ее не примет. Интуиция меня не подвела. Что это было с ее стороны – ревность? Не знаю.

Меня распределили на скорую помощь, и на подстанции я познакомился с молодым врачом – Виктором Носовым. Мы сдружились.

С девушкой моей я встречался реже. У нее госы, у меня дежурства – сутки через двое. А потом...

Потом наступила весна. Апрель.

Пятое апреля. Время близилось к обеду. Носов поднялся на второй этаж подстанции и увидел возле кабинета заведующего маленький табунчик распределенных после окончания медучилища фельдшеров. Медленно проходя мимо, он обратил внимание на двух девушек.

Они были примерно одного роста, но на этом их сходство и заканчивалось: девушка в сером длинном пальто, со светлыми пышными волосами непрерывно говорила, и ее звонкий голосок разносился по всему второму этажу подстанции. Кто-то из работников, сидящих у журнального столика, заполняя карточку, попросил:

– Ребята, если можно, потише!

И говорунья притихла ненадолго.

Вторая, с прической темным шариком, в джинсах, заправленных в сапоги, и лохматой курточке, резинкой стягивающей узкую талию, отчего она больше всего походила на молоденькую курочку-рябу, тихо стояла у стенки и то ли думала о чем-то, то ли молча слушала. Носов не заметил, как она подняла длинные ресницы и проводила его взглядом темным и печальным. И уж тем более не заметил он мелькнувшего интереса в этом взгляде. Он зашел в комнату отдыха и, покопавшись в своей сумке, достал новую пачку чая и кулек с сахаром.

Пришло пополнение на подстанцию, подумал Носов. Он вспомнил, как сам больше восьми лет назад пришел после медучилища на подстанцию, правда на другую, отработал месяц и загремел в весенний призыв.

Они тоже толпились возле кабинета заведующего или заведующей, проходили инструктаж, расписывались, после чего их принял в теплые заботливые руки старший фельдшер и стал вписывать в график, рассаживать стажерами на бригады.

А потом через месяц повестка в военкомат, ГСП на Угрешке и тревожные сутки... Куда? Где придется служить? Виктору повезло, вечером первого же дня примчался запыленный прапор с музыкантскими значками в петлицах и, бегая по коридорам, говорил: «Мне надо успеть к фильму...» Носов сообразил, что, если сейчас 19.00, а вечерний сеанс по первой программе в девять тридцать, значит, прапор служит если не в Москве, то где-то рядом, и ходил за ним словно тень.

В канцелярии тот сказал:

– Мне нужен ветеринар.

– А вон он, кажется, – махнул офицер на маячившего одиноким привидением в коридоре Носова, который издали никак не мог разглядеть его звание.

– Точно? – спросил прапорщик.

– Точно, – убежденно сказал офицер, всегда путавший ветеринаров и фельдшеров.

Уже в газике прапорщик стал перелистывать личное дело Носова, обернулся к нему и сказал с возмущением:

– Так ты – фельдшер?!

– Да, – кивнул Носов, глядя на дорогу и отмечая, что Кольцевую они уже пересекли.

– Вот гад! – ругнулся себе под нос прапорщик, имея в виду то ли офицера на ГСП, то ли Носова... Но подумал, что если сейчас развернет машину и поедет обратно, скандалить и возвращать призывника, то к фильму точно опоздает. Поэтому прапор махнул рукой, мол, ладно, отбрешусь как-нибудь! И правда, отбрехался, мало того, на следующий день он привез ветеринара в часть, да не одного, а двух!

Вот так Виктор попал в Отдельный кавалерийский полк в одном из подмосковных городков, который был создан для съемок «Войны и мира», и с тех пор солдаты-кавалеристы снимались почти во всех фильмах с участием гусар, красных конников и в прочих исторических картинах, где не обойтись без лошадей и кавалеристов...

От армии у Носова сохранились два воспоминания: всегда хочется есть и спать. Оказалось еще, что он не любит лошадей.

Сейчас Носов сидел в кухне между холодильником и столом, прижавшись боком к теплой чугунной батарее, и заваривал чай. По кухне медленно перемещалась необъятная Павлина Ивановна и протирала тряпочкой столы, мыла плиту и в конце концов, взяв в руки швабру, потребовала от Носова:

– Поднимите ноги, доктор!

Виктор подтянул рубчатые туристические ботинки к самому сиденью и подождал, пока Павлина сделает вид, что помыла пол...

Он вспоминал последний вызов. «И смех и грех. Если будет возможность собраться и посидеть полчаса в пересменок вечером, расскажу ребятам за чаем...»

Обычная трехкомнатная квартира: прямо коридор, налево кухня с ванной и туалетом, чуть дальше по коридору налево одна комната, вторая и большая с балконом.

Дверь открыла невысокая кругленькая смуглая женщина. И заговорила очень быстро с характерным кавказским акцентом, так что слова сливались, и Носов улавливал смысл в основном по интонациям.

– Проходите, доктор, проходите. Дочка моя заболела, совсем. – Она стояла рядом с Виктором, пока он мыл руки в ванной, держа в руках свежайшее махровое полотенце, и причитала: – Живот болит. Не ест ничего, криком кричит.

Носов хмыкнул себе под нос от этой тавтологии и, вытерев руки, сказал:

– Спасибо. А где больная?

Женщина повела его в комнату. На неразложенной софе, накрывшись байковым одеяльцем, лежала девушка. Носов никогда не мог определить на глаз возраст южанок. Всегда оказывалось меньше. Вот и на этот раз он определил, что ей года двадцать три, ну, может, двадцать пять. Лежала она на боку, свернувшись калачиком и закусив губу. Длинные выющиеся сине-черные волосы разметались по подушке.

Носов перевернул девушку на спину, стал осторожно ощупывать живот, наблюдая за выражением ее лица. Та застонала, когда Виктор тихонько прошелся внизу справа, пытаясь разобраться – аппендицит или придатки? Мать стояла у него за спиной и, похоже, мучилась не меньше дочери. Он стал расспрашивать, собирая гинекологический анамнез, но, зная южную импульсивность и обидчивость, старался подбирать слова, спрашивая о последних месячных, регулярности, и все никак не мог себя заставить спросить ее о половой жизни, потому что мать стоит за спиной, а никаких признаков замужества, ни кольца, ни следа от него Носов не увидел. Он наконец сообразил и спросил:

– Вы замужем?

За девушку ответила мать.

– Да, он сейчас в армии, – она пошевелила пальцами, – служит.

Носов принялся так же осторожно выяснять, когда в последний раз у девушки был контакт с мужем. А мать, поняв, что Виктор подводит к возможной внематочной беременности, сказала просто:

– Нет. У нее не может быть беременности!

Носов удивился:

– Почему?

– У нее стоит эта... как ее? Ну, эта – пружинка! – сказала мать.

Носов удивился еще больше:

– Какая пружинка?

– Внематочная, от беременности, – простонала сквозь зубы девушка.

– Спираль внутриматочная? – уточнил Носов.

– Ну да, – подтвердила мать. – Зачем три? – удивилась она. – Одна внематочная пружинка.

Носов так и повез ее с двумя диагнозами: острый аппендицит и подозрение на внематочную беременность. В приемном отделении хирург в полтычка определил

аппендицит, и девушку сразу подняли в операционную. А Носов поехал на подстанцию и все хмыкал себе под нос. Вах! Зачем три? Пружинка!

Стажеров-фельдшеров раскидали по бригадам. А Носова обделили. Двух девчонок посадили на спецбригады: говорливую блондинку, Женю Соболеву, на детскую, а молчаливую смуглянку на реанимацию (восьмая бригада).

Как выяснилось, она оказалась дочкой заведующего подстанцией. Звали ее Вилена Стахис.

Носов с ней не знакомился до мая. Нет, конечно, они знали друг друга, здоровались, когда встречались, но поговорить им как-то не удавалось... Носов немного стеснялся ее и первым с разговором не лез... Они только переглядывались, как пассажиры в метро, если случалось в большой компании сидеть на кухне и пить чай...

Носов вышел на дежурство первого мая и с удивлением узнал, что к нему в бригаду записана В. Стахис... Он обрадовался и, когда они наговорились, вечером предложил ей съездить после дежурства куда-нибудь погулять, например в парк Горького. Вилена неожиданно согласилась... Покачиваясь от усталости после бессонной ночи и дневного променада, Виктор провожал ее домой и поцеловал в щечку у подъезда. Вилена, не кокетничая, взмахнула пушистыми черными ресницами и сказала весело:

– Пока! Если хотите, доктор Витя, можем завтра увидеться снова.

Виктор хотел. Дома вдруг на него навалилась бессонница, и он проворочался до четырех, потом уснул, и ему снилась Вилечка Стахис, только у нее почему-то были волосатые отцовские руки и толстые короткие пальцы, вместо изящной тонкой ладошки, которую Носов держал сегодня весь день и не мог отпустить...

Виктор жил с мамой и собакой колли по кличке Дина. Он был поздним ребенком. Ну, наверное, все-таки относительно поздним. Его маме Анастасии Георгиевне было тридцать два, когда она второй раз вышла замуж и у нее родился Витя. К этому времени она успела овдоветь и потерять дочь. Ее первый муж – врач, профессор-морфолог Михаил Яковлевич Исаковский, известная в медицинском мире сороковых – пятидесятих годов величина, был подметен делом врачей и скончался от сердечного приступа в Бутырке. А через год, по нелепой случайности, купаясь в Клязьме, утонула ее дочь Таня. Что толку описывать горе Анастасии Георгиевны?

Прошло время, раны утрат немного затянулись, и тут за ней стал ухаживать молодой и красивый Вася Носов, фронтовик, инженер-технолог. Они встречались меньше года, Вася сделал предложение, и Анастасия Георгиевна согласилась, но с одним условием: что сохранит фамилию первого мужа, которого продолжала любить и после смерти. Вася все отлично понимал. Анастасия была старше его на пять лет и никогда ничего не говорила о любви, но Васиных чувств с избытком хватало на двоих.

Через год родился Витя, и у Анастасии Георгиевны появился объект для искренней любви. Василий Васильевич дожил до пятидесяти пяти лет, сильно располнел и, уже когда Виктор учился в институте, на почве увлечения рюмочкой схлопотал инсульт, из которого еле-еле выбрался, а в больнице, за день до выписки, его накрыл второй, еще более тяжелый удар, и спустя неделю Анастасия Георгиевна овдовела во второй раз. Виктор смерть отца перенес тяжелее матери. Он очень остро ощущал свое бессилие, перелопатил горы книг, поднял всех друзей и знакомых, доставал дефицитные препараты, даже сверхдефицитный церебролизин, вечерами сидел у отца в больнице, подменяя мать, и мыл, и перестилал, и выносил, умом понимая, что надежды нет. А после института распределился на скорую. Да его не особо и спрашивали – почти весь курс загнали на 03. В памяти сохранился месяц работы фельдшером до армии. Каких-то специфических интересов за время обучения Виктор не обрел, поэтому динамичная работа на машинах пришлась по сердцу.

Через год после смерти отца к Виктору однажды вечером приехал старый армейский друг с большущей сумкой на «молнии». Из сумки доносилось сопение и повизгивание. Друг поставил сумку и, видя недоумение Носова, спросил:

– Ты кого больше любишь – блондинок или брюнеток?

– Ну блондинок, – с опаской сказал Виктор.

– Тогда держи. – И друг извлек из сумки рыжего щенка, похожего на лисичку с белой стрелочкой по носу. Щенок, расплзаясь лапами на линолеуме, тут же присел и напрудил. – Кличку придумаешь на букву «Д», отца Дарьялом звали. Я потом позвоню, скажешь, как назвал. Это нужно для родословной.

Носов удивился, присел на корточки, погладил щенка.

– Это так серьезно? Именно на «Д»?

– Очень серьезно. Но только не Джесси, Долли или Дженни, их сейчас много по Москве. Придумай пооригинальнее. – Друг процитировал из «Гусарской баллады»: – «Цыганка нагадала любить шатенку мне...» А ты, значит, блондинок предпочитаешь?

Носов отмахнулся:

– По мне все хороши, лишь бы человек хороший попался. Шатенки тоже вполне...

Так в доме появилась огненно-рыжая Динка, а вместе с ней драные обои, изгрызенные ботинки, провода и ножки стульев.

Носов не был мизантропом или женоненавистником, пожалуй, наоборот, изрядно погулял на первом и втором курсах, дело чуть не дошло до отчисления... Но ректор пожалел его, и ограничились лишением стипендии на один семестр да выговором по комсомольской линии... За время учебы у него было несколько подружек, по очереди. Одновременно он нескольких романов не заводил, и к концу интернатуры ничего более прочного, чем ночное дежурство с ординаторшей под одним одеяльцем, в личной жизни не было.

Строже всех, пожалуй, к прогулкам Виктора относилась собака. Подростая и повзрослевшая, каждый раз, когда он приходил после двенадцати, Дина встречала его в коридоре и, пока Виктор, сидя на корточках, расшнуровывал и снимал ботинки, шумно обнюхивала пахнущую косметикой шевелюру, щеки и воротник, после чего презрительно фукала и уходила. Она этих встреч явно не одобряла.

Анастасия Георгиевна вздыхала и непрозрачно намекала Виктору, что пора бы остепениться и найти, наконец, себе невесту. Ведь уже скоро тридцать лет стукнет.

Встреча с Виленой Стахис оказалась для Носова роковой. После первого же свидания он понял, что наконец нашел ту, единственную. И как ни странно, на запах, приносимый после встреч с Вилечкой, Динка реагировала нормально, несколько раз дружелюбно мотнув хвостом, совала длинный нос в ладони Виктору – почеси! А уж знакомство Дины с Виленой и вовсе замечательно прошло.

Они прогуляли следующий день и потом как-то легко и незаметно отработали следующие сутки. И дальше, дальше... Заведующий подстанцией почуял неладное, когда было уже поздно. Он сделал робкую попытку перевести дочь в другую бригаду, но та, не особенно стесняясь в выражениях, объяснила папе, что с другими ей совершенно неинтересно! Он возражал, что его, как заведующего, совершенно не волнует, интересно ей или нет! А она очень грамотно ответила, что ведет он себя не как заведующий, которому и в самом деле должно быть все равно, лишь бы дело делалось, а как ревнивый папочка!..

Герман сдался, Носов был симпатичен и ему самому.

Так и повелось... Они работали вместе – Виктор и Вилена. Иногда третьим к ним садился фельдшер Володя Морозов или еще кто-нибудь.

Вилечка однажды призналась Носову, что, когда отец думал, куда бы ее посадить, она сама попросилась к нему в бригаду. Но этот разговор случился уже значительно позже, когда они уже не только гуляли по паркам или целовались на последнем ряду в кинотеатре.

Виктор растоптал в пепельнице коротенький «столичный» окурочок и со вздохом принялся вылезать из узкого пространства между холодильником и кухонным столом. Вилена открыла вечернюю бригаду, и он остался один на четыре часа. Из селектора под потолком тихо потрескивало и похрюкивало.

– Двадцатая бригада! Доктор Носов! У вас вызов, – вкрадчиво повторил голос

диспетчера.

Носов не торопясь ополоснул кружку от остатков грузинского чая и пошел к окошку диспетчерской. Оттуда уже торчала свернутая в трубочку карточка. Носов прочитал повод, и ему стало нехорошо... Поганее повода не было. «Ребенок трех лет, отравление клофелином», мощнейшим антигипертоническим препаратом. Он позабыл о своей нарочитой медлительности и, вернув былую упругость ногам, почти бегом вошел в водительскую. За обшарпанным от постоянного биения костяшек столом сидел его водитель – Толик Садич и двое других водителей: с акушерской бригады и перевозки.

– Толик! Погнали! У нас ребенок... – сказал Носов, пытаясь всем своим видом передать тревогу.

– Ну чего ж, ребенок так ребенок. – Толик не отрываясь махнул по столу доминушкой. – А вот так! Шершавого?! – объявил он.

– Толик! Я серьезно... – проговорил Носов тихо, но закипая. – Отравление клофелином...

Водитель с «акушерки» бросил костяшки на стол.

– Езжай, Толик.

– Ну ладно! – занял Толик. – Ну чего ты, Михалыч, щас доиграем, и поеду.

– Вали, салага, – добавил водитель с перевозки и тоже скинул свои костяшки. – И моли Бога, что это не твой ребенок... Пацан.

Толик расстроено положил свои костяшки, еще раз с сожалением посмотрел на стол с выигрышной партией и, тяжело вздохнув, вышел. Он и впрямь не понимал, с чего переполох.

К дому подъехали без особого шума. Дверь в квартиру была открыта. Носов на всякий случай надавил на кнопку, дождался «Бим-бом» и прошел в прихожую. Навстречу ему устремилась встревоженная женщина.

– Где ребенок? – спросил Носов.

– Она здесь, в гостиной, спит, – ответила женщина. Высокая, ростом почти с Носова, она ломала тонкие пальцы и прерывисто вздыхала, будто сдерживая рвущийся плач. А Носов второй раз почувствовал предательскую слабость в ногах – «спит!». Он быстрым шагом прошел в гостиную и увидел лежащую на диване девочку. Бросил ящик и, наклонившись, потряс ее за плечи, легонько похлопал по щекам. Девочка поморщилась, вяло попыталась махнуть рукой. Носов обернулся к матери.

– Когда и сколько она выпила клофелина? – спросил он.

Мать протянула ему пустой флакон:

– Я только сегодня для мамы купила полный.

Носов готов был лечь рядом с девочкой. Мыслей не было никаких. Это конец, подумал Носов. И на ум ему тут же пришло неуместное: «Но он ошибался; конец был в другом кармане...» Это вдруг отрезвило и придало энергии.

– Когда?! – почти проорал он.

– Минут пятнадцать назад, – спокойно сказала женщина. – Я на секунду вышла из комнаты. Мать у меня, тварь, – произнесла она вдруг с ненавистью, – гипертоник, пьет его и бросает где попало.

Она еще не понимала, что произошло. Это Носов знал, что чудес не бывает. Но и он надеялся на маленький шанс.

«Пятнадцать минут! Пятнадцать минут!» – думал он, скачками спускаясь по лестнице – лифта ждать некогда... В машине он рывком распахнул дверь и выволок на середину салона брезентовый мешок с разными прибаблами, нашарил вслепую пакетик с желудочным зондом и тупо уставился на него, зонд был толщиной с его палец. «Господи, как же я его запихну?» И, сунув зонд в карман, он влетел в распахнувшийся лифт, чуть не сбив выходявшего старика с клюкой, тот зашипел, стал плевать сквозь дырки во рту, однако Носов ничего этого уже не видел, лифт понес его на десятый этаж.

В комнате Носов еще раз примерил зонд, ужаснулся: «Нет, я не смогу!» И, перевернув девочку на живот, вдруг засунул ей свой толстенный палец прямо в горло, та конвульсивно

изогнулась, и на пол вылетели желто-коричневые комки, среди которых белели маленькие точки. «Есть БОГ на свете!» – подумал Носов. Сколько там их? Все-таки полный флакон. И сколько успело всосаться? Девочка уже в сопоре, и сопор этот нарастает, дальше – кома и... финал! Носов еще раз покопался в памяти. Желудок надо мыть! Он снова примерил зонд на длину, сантиметров двадцать – двадцать пять, может, и меньше... Как же его туда впихнуть?

Он послал мать девочки на кухню за ковшом с водой и тазиком, а сам, пока она ходила, попробовал протолкнуть в горло малышки зонд, та опять выгнулась и выдала на пол еще одну порцию каши, но беленьких точек там уже не было... Черт! ЧЕРТ! ЧЕРТ!!! Девочка становилась пластилиновой, она вываливалась из рук, расползалась на диване и уже никак не реагировала на попытки Носова еще и еще раз поставить зонд.

Носов, весь в мыле, оглянулся на мать, стоявшую за его спиной с тазиком и ковшом.

– Уберите, пожалуйста! – кивнул он на лужи на полу и рванулся к ящику с лекарствами. Набрал что-то из дыхательных аналептиков... «А сколько? Дозы? Это ж дети, у них все не как у людей! Половину, четверть ампулы? Не помню...» Набрал половину, развел физраствором и попытался найти тонюсенькую венку на такой же тонюсенькой ручке... Куда там! Потыкавшись, Носов ввел все под кожу.

В этот момент в прихожей хлопнула дверь, и старушечий голос произнес:

– Ну вот и я! А там к кому-то «скорая» приехала...

Носов поглядел на мать и ужаснулся: такой дикой ненависти он не видел никогда... Казалось, от одного только вида ее надо было умереть на месте.

– Тварь! – закричала она. – Стерва старая! Погляди, что ты наделала!

В комнату вошла полная пожилая женщина в вязаной кофте, пуховом платке и, увидев белый халат, лежащую на диване девочку и разъяренную мать, охнула, всплеснула руками и, закатив глаза, повалилась на бок... Угол рта быстро пополз вниз.

– Тварь! – кричала женщина. – Это ты оставила лекарство! Ты вечно их раскидываешь где попало!

Носов подбежал к бабушке, осмотрел бегло – insult! Снова чертыхнулся и стал набирать лекарства в шприцы. Тут он уже быстро нашел вену, ввел все, что считал нужным, и повернулся к матери малышки, та уже просто плакала, держа дочь на руках.

В комнате опять назревали события. Бабка пришла в себя, явления insultа почти прошли, она сидела на полу и, растрепав волосы, тихо выла: «Леночка, Леночка...»

Мать уже ничего не говорила, лишь мерила комнату из угла в угол, глядя остекленевшими глазами перед собой, дочь висела у нее на плече. Носов присмотрелся: девочка дышала, тихо-тихо, распустив губки. Носов стал спрашивать имя и фамилию девочки, мать отвечала как сомнамбула и не останавливаясь ходила по комнате под бабкин вой.

– Положите девочку, – строго сказал Носов. Женщина выполнила приказание, положила Леночку на диван, отошла в сторону и сложила руки на груди, будто молилась. – Ее надо везти в больницу...

Мать мотнула головой, словно отмахивалась от комарья...

– Не отдам! – сказала вдруг хриплым низким голосом. – Нет.

– Она может умереть, – сказал Носов, пытаясь вложить в свои слова максимум убедительности.

Мать кинулась к ребенку, будто Носов уже увозил ее, и подхватила на руки.

– Пусть! Я не отдам ее! – В глазах женщины появился безумный блеск, она периодически встряхивала дочь, целовала, не видя, что та никак не реагирует на ее ласки...

– Где телефон?

Женщина кивнула в сторону прихожей:

– На кухне.

Носов перешагнул через растянувшуюся поперек комнаты бабушку и, оглянувшись на мать девочки, принял решение. На кухне он быстро дозвонился до диспетчера.

– Юленька, миленькая, – затараторил он, – мне нужно место в больнице, отравление

клофелином, полный пузырек, – на том конце провода тихо охнули, – у бабушки инсульт, а мать не отдает девочку в больницу, давай милицию...

– Уверен? – спросила диспетчер Юленька.

– Да! – подтвердил Носов. – Глаза сумасшедшие, держит ее, не вырвать!

– Хорошо, я вызову, – грустно сказала Юля, – но ты же знаешь, они в эти дела не любят вмешиваться...

– Да знаю я, но попробуем, может, уговорим...

– Повезешь... в Филатовскую, – сказала диспетчер центра, дождавшись ответа отдела госпитализации.

– Спасибо, – сказал Носов и положил трубку.

Носов померил девочке давление. Очень низкое, но есть, и пульс, хоть и слабый, определяется... «Сколько у меня еще времени? Сколько его у нее?» Кто б знал? Ну где эта чертова милиция?! Черепашьим шагом, что ли, идут, здесь отделение через три дома, или тоже, как Толик, в домино играют? Да нет, эти, наверное, не играют.

В дверь позвонили, мать рванулась было в прихожую, но, увидев, что туда устремился Носов, опять пошла по комнате.

Бабка возилась на полу, пытаясь встать, – видно, мочегонное подействовало...

Носов вышел в прихожую, входили двое – маленький в штатском, с папкой под мышкой и здоровенный сержант с буденновскими усами. Носов его узнал, встречались раньше... И сержант узнал Носова, пробубнил: «Здравствуйте, доктор». Тот, что в штатском, деловито осмотрелся...

– Что случилось? – спросил он. – Нам толком ничего не объяснили...

Носов, прикрывая их спиной от женщин в комнате, стал вытеснять в сторону кухни и, когда вытеснил из прихожей совсем, прикрыл дверь и стал горячо объяснять:

– Здесь девочка, три года, выпила смертельную дозу лекарства, бабка забыла на столе... А мать не дает ребенка в больницу... Я даже не стал уговаривать, она ничего не понимает...

Штатский смотрел с сомнением, видимо, решал, как поступить, а сержант пробубнил: «Ну это ж не наше дело... бытовуха...» – однако штатский вдруг проникся серьезностью момента и строго одернул сержанта:

– Нет, это уголовное дело! Халатность, повлекшая тяжелое увечье или смерть.

Сержант посерьезнел и закивал.

– Пошли! – И штатский, решительно отодвинув Носова, прошел в комнату.

Они вошли в гостиную. Женщины разом замолчали и уставились на сержантские погоны. Носов сурово сказал:

– Это товарищи из милиции, они должны разобраться, в чем тут дело...

Штатский строго и хмуро поглядел на женщин, достал из папки сколотые через копирку листы протокола и сказал матери:

– Положите девочку, и пойдемте, расскажете мне, как все произошло...

Мать послушно положила Леночку на диван и пошла за штатским на кухню, процессию замыкал сержант. Бабка, почувствовав, что дело пахнет керосином, потащилась следом за ними... А Носов, видя, что до него уже нет никому дела, дождался, когда все прошли на кухню, тихонечко сложил ящик и, подхватив девочку на руки, так же тихо вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, стараясь не хлопнуть.

Он бегом спустился по лестнице и, ворвавшись в салон рафика, проорал:

– Толян! В Филатовскую! Мухой!

Толик, неизвестно с какого перепугу державший машину под парами, утопил педаль газа в пол и с визгом стартовал... Носов оглянулся, когда рафик уже выворачивал на улицу, увидел растрепанную мать девочки и бежавшего за ней усатого сержанта...

Толик без напоминаний включил и маяк и сирену. РАФ несясь по вечерним улицам, наступали сумерки, несмотря на будни, машин было много... Толик распахивал всех, он наседавал на бестолковых чайников, светил фарами, и через десять минут они уже подъехали к

Садовому кольцу. На перекрестке их ждала пробка. Толик секунду постоял в левом ряду и решительно выехал на встречную, обогнул всех и стал первым, дальше ехать он не осмелился, поперек шел сплошной поток машин. Посередине перекрестка стоял стакан с регулировщиком.

– Он, видно, сам регулирует, – предположил Толик. – Гад, ведь слышит же сирену...

– Сейчас, – сказал Носов, – партию в домино закончит, переключит...

– Да какое у него... – начал было Толик, но тут до него дошло, и он густо покраснел. Толик включил галогеновый фараискатель на крыше рафика и направил ослепительно-белый луч на стакан регулировщика. Тот прикрыл глаза рукой и, потерпев еще несколько секунд, переключил светофор.

Они быстро проехали по территории старой больницы до приемного отделения, и Носов внес девочку в смотровую... Доктор, моложе Носова, оформлял историю и, не отрывая глаз от бумаги, спросил:

– Что?

– Отравление клофелином, – ответил Носов, ощущая, как его покидает безумное напряжение. ВСЕ! ВСЕ!

– Мыли? – спросил доктор, по-прежнему не отрываясь от писанины.

– Пытался, – честно ответил Носов, – вызвал два раза рвоту, ввел стимуляторы дыхания и привез сюда...

– Родители здесь? – спросил голубой колпак, потому что лица врача Носов так еще и не увидел. Девочку он положил на кушетку.

– Нет, – ответил Носов, заводясь, – мать не хотела отдавать, я привез ее сам.

Врач наконец оторвался от бумаги и посмотрел на Носова.

– Вы что, доктор, с ума сошли? – спросил он. – А если она умрет?

– Видно будет, – ответил Носов. – Сейчас времени жалко, прошло меньше часа. Действуйте же, доктор... – он посмотрел на табличку на столе, – Бурда.

Доктор Бурда пожал плечами, взялся за телефон без диска и сказал в трубку:

– Приходите, девочка три года, отравление клофелином, сколько? – поднял он глаза на Носова, тот повторил. – Пятьдесят таблеток, без промывания желудка... – Он положил трубку, взял девочку и, кивком пригласив Носова идти следом, перенес ее в соседнюю комнатку. Уложил на кушетку, достал из-под нее тазик с зондом точно таким же, как лежал в мешке у Носова, кувшин и, кивнув опять, держи, мол, голову, за секунду ввел Леночке зонд в желудок.

– Давай, доктор, отрабатывай. Сейчас придут из реанимации, ты пока отмывай, а у меня там еще полный коридор.

У Носова вдруг куда-то исчезла вся злость на этого Бурду, он взял кувшин и стал набирать в него воду...

– Да, доктор, – сказал голубой колпак Бурда уже в дверях, – ты свою фамилию напиши в сопроводилровке разборчиво. Может, искать придется...

Носов заливал, сливал, заливал-сливал... Потом из какого-то коридора вывернулись двое с каталкой, погрузили Леночку и укатали вдаль...

Носов закурил в машине, Толик молча смотрел на него, потом спросил:

– Чего было-то?

– Чего, чего, – проворчал Носов. – Поехали обратно.

– Куда? – удивился Толик.

– На вызов, где были...

– Ты забыл там чего?

– Забыл, – ответил Носов, затягиваясь. – Может, и выживет?.. А?

Когда они приехали к дому, у подъезда все было тихо, а в квартире по комнате ходил хмурый мужчина, женщин не было... Он поднял глаза на Носова и посмотрел вопросительно.

– Это я отвез девочку в больницу, – словно в омут бросаясь, признался Носов.

Мужчина качнул головой и сказал:

– Ну и правильно сделал. Я ей уже вмазал... – хмуро добавил он, имея в виду свою жену. – А как дочь?

– Очень тяжелая, – сказал Виктор, чтобы не обнадеживать. – Ее увезли в реанимацию... Можете поехать к ней.

– Само собой, – кивнул мужчина. – А эти две стервы пошли в милицию заявление на тебя подавать... Но ты не дрейфь, я заберу. В какой она больнице-то?

– В Филатовской...

Носов обо всем рассказал на подстанции старшему врачу. Тот качал головой и сказал, когда Виктор закончил:

– Ну и дурак же ты, Витя... Надо было мне позвонить. Может, вдвоем разобрались бы, а ты накрутил... Но знаешь, вдруг повезет, отмажешься...

Старший доктор пошел звонить в больницу. Через два часа, когда Носов в очередной раз вернулся с вызова, сказал:

– Бог тебя бережет, Носов. Девочка хоть и без сознания, но ее уже подключили к искусственной почке... Шанс есть, жди.

– Сколько? – спросил Виктор, облизывая пересохшие губы.

– Я думаю, недели две, не меньше. – Старший доктор сочувственно глядел на Носова. – Ладно, я буду им позванивать, успокойся.

Неделя прошла. Старший доктор сказал: «В сознание пришла». Еще через неделю: «Без изменений». И только к концу месяца сообщил: «Все нормально, почки заработали, девочку перевели в отделение». Дорого стоил Носову этот месяц... Только встречи с Вилечкой немного снимали тревогу и напряжение.

Глава 2 Самолет, морилка

День прошел спокойно, катались с вызова на вызов, изнемогая от жары, пили квас, останавливаясь почти у каждой бочки... Вечером рассаживались, пересаживались, и наконец сложилась любимая троица: Носов, Морозов и Вилена Стахис. Ближе к ночи скатали в инфекционную больницу на Соколиной горе, отвезли абитуриента ТСХА с отравлением, – пирожки, будь они неладны! После полуночи уже из другой больницы Носов предложил, не отзваниваясь, махнуть в Шереметьево, глотнуть кофейку... Сказано – сделано. И вот уже с мигалками рафик летит под песни итальянцев по Ленинградскому шоссе... Из Шереметьева они получили вызов и успели полечить пожилую женщину с приступом бронхиальной астмы, но на всякий случай и ее отвезли в больницу – приступ оказался тяжелый, и бригада Носова за этот день была у нее уже третьей. Около четырех утра они получили добро возвращаться на подстанцию...

Сиреневый рассвет, оранжевые огни фонарей, рафик скоропомощный, шурша крышками, неся над шоссе. Доктор Носов дремал на переднем сиденье, время от времени приоткрывая один глаз и скашивая его на водителя. В салоне в большом удобном кресле свернулась калачиком Вилечка Стахис, упиравшись коленками в подлокотники и покачиваясь на поворотах, а на носилках, подвешенных к потолку, спал второй фельдшер – Володя Морозов.

Ночь кончалась, остывал асфальт, четыре утра, конец июня... За бортом свежело после душного дня, и Носов, вдруг открыв глаза, опустил стекло. Предутренний ветер влетел в кабину и, смешавшись с таким же ветром из окна водителя, ворвался через открытую переборку в салон, растрепал Вилечке волосы, забрался под тоненький халатик, и Носов от всей души ему позавидовал. Сна не было. Утренняя прохлада выгнала его без остатка... На носилках зашевелился Морозов. А Вилечка, потянувшись и торопливо сводя расходящиеся на груди отвороты халата, попросила сонным хрипловатым голосом:

– Виктор Васильевич! Прикройте окошко! Прохладно что-то...

– Да вот покурить хотел, – ответил Носов, – скоро уж приедем, чайку попьем...
– Кто чайку, а я посплю... – пробасил с носилок Морозов.
– Ну и ради бога... – откликнулся Носов. – Пока ты спишь, все тихо...
– Это в каком же смысле? – поинтересовался Морозов.
– А то ты не знаешь! – встряла в разговор Вилечка. – За каждое твое дежурство не меньше двух авто подбираем...

– Ну и что, – обиделся Морозов, – а при чем тут я?
– А в остальные их бывает значительно меньше, – пояснил Носов. – Давно говорят, что тебе везет.

Владимир Владимирович Морозов пришел на скорую еще до объединения ее с неотложкой и в первый же день попал на большую авиакатастрофу – при посадке упал самолет военно-транспортной авиации с двумя сотнями новобранцев... С тех пор не было у него дежурства, когда обошлось без сбитых пешеходов или покалеченных водителей и пассажиров. «Везучесть» его стала на подстанции притчей во языцех.

Морозов слез с носилок и уселся на боковое креслице.

– Ну, я вообще-то человек неконфликтный, – начал он. – Но за то, что разбудили, щас обижусь...

– Если обидишься, дальше не повезу! – откликнулся Толик. – Обиженные сами возят!

Морозов сопел, насупясь.

– Володька! – повернулась к нему Вилечка и тут же радостно воскликнула: – Да он притворяется! Толик, давай его высадим, пусть пешком до подстанции идет!

Толик открыл окошко в переборке пошире и сказал, чуть обернувшись:

– Вот спали люди, и спали бы дальше... Чего разбудил ребят, доктор?

Носов выпустил густое облако, часть которого унесло в салон, и произнес, прищурившись:

– Ничего... Сейчас такая ночь... – и задумался.

Толик залез рукой за сиденье, нащупал кнопку приемника и покрутил настройку, ловя «Маяк». По кабине разнеслась негромкая музыка...

– О! – сказал Носов, – оставь, «Щелкунчик», люблю...

– А больше ничего и нет. Сейчас только «Маяк» и работает, остальные с шести.

Толик вдруг принял вправо и стал притормаживать. По тротуару медленным, прогулочным шагом шла девушка. Толик остановился возле нее, перегнулся через Носова и позвал:

– Девушка! Подскажите, пожалуйста, где тут Колчаковский переулок? Нам сказали, что как свернем с улицы Деникина, так и найдем... Уже полчаса крутимся...

Девушка остановилась и, развернувшись к Толику, которому Носов прошепел: «Что ты делаешь?», задумчиво потерла лоб, помолчала, будто что-то вспоминая, и наконец сказала:

– Я не знаю, наверное, это не здесь, а в Ворошиловском районе, там всякие улицы Тухачевского и по имени разных генералов...

– Спасибо, девушка! – проникновенно сказал Толик. – А здесь точно нет ни улицы Деникина, ни Колчаковского переулка? А проспект Врангеля?

– Нет, в нашем районе точно нет, – оставалась серьезной девушка. – Но вы знаете, тут рядом есть станция скорой помощи, вы спросите у них.

– Мы так и сделаем, – не менее серьезно произнес Толик.

Носов с трудом сдерживал смех. Совершенно искренняя серьезность Толика сместила больше всего. В салоне тихо умирали Вилечка и Морозов. Уже когда они отъехали и девушка как ни в чем не бывало пошла дальше, Носов проговорил, вытирая слезы:

– А завтра она обязательно спросит у кого-нибудь, где улица Деникина...

– И проспект Врангеля, – стонала Вилечка.

Толик улыбался.

– Эх, весь эффект остался за кадром, – посетовал он. – Все самое интересное будет сегодня утром или днем...

– Слушайте, но ведь это невероятно, – разволновался Носов, – что случилось? Ведь ты очень точно подметил, что многие уже не помнят ничего и никого... Для них Гражданская война и белогвардейские генералы – все одна эпоха и одни герои... Как же так?

– Да что ты, доктор, – успокоил Толик, притормаживая, – кому это все теперь нужно? Мы еще помним, так нам в школе об этом долбили, и в Чапаева мы играли, а они? Для них Отечественная война уже история.

Он объехал огромную клумбу и свернул в проезд к подстанции. Двор был забит машинами.

– Ребята, – радостно сказал Носов, – кажется, мы последние.

Мимо диспетчера не проскочишь.

Вилечка побежала на кухню, проверить чайники, есть ли вскипевшие? Носов отдал карточку в окошко диспетчерской и, засунув туда всю голову, поглядел в список подъехавших бригад, пошевелил губами, считая, и радостно объявил Морозову, в нетерпении топтавшемуся на кафельном полу холла:

– Восьмые! Иди спи!

Морозов, радостно приговаривая «Два часа, два часика...», пошел в фельдшерскую, нащупал в полной темноте свое уже разложенное кресло, развернул тонкое шерстяное одеяло, взбил жиденькую подушку, снял кроссовки, халат и, устроившись на жестком раскладном кресле, натягивая до подбородка одеяло, проговорил:

– Что-то самолеты не падали давно...

– Ты это к чему? – раздался с соседнего кресла совершенно несонный голос Сашки Костина.

– Ни к чему, так, – ответил Морозов и уснул.

Носов постоял еще несколько минут, читая на доске свой график и прикидывая, как распланировать свободное время, если к концу месяца останется трое суток, а в начале следующего будет хотя бы двое свободных, итого – четыре дня. Можно махнуть на рыбалку... И пошел на кухню.

Его любимое место между холодильником и столом занял суровый заведующий подстанцией Герман Исаевич Стахис – отец Вилечки. Очень моложавый, хотя ему было уже больше сорока пяти, он отхлебывал душистый смоляной чай без сахара и о чем-то негромко выговаривал дочке. Когда вошел Носов, он замолчал.

К приходу Носова на подстанцию Герман уже девять лет был заведующим и, несмотря на резкость, любим и уважаем сотрудниками. Отработав положенные годы в районной больнице в Рязанской области, Герман вернулся в Москву и пошел устраиваться на работу. Однако в одной больнице его не устраивала зарплата на предлагаемой должности, в другой начальство было недовольно фамилией Германа. Так ничего подходящего не найдя, он пришел в главк и наткнулся на табличку: «Отдел ординатуры». Заглянул. Здесь просмотрели его бумаги и сказали, что с сентября начнется набор в ординатуру по скорой помощи, но для этого надо устроиться работать на скорую.

После семьдесят третьего года, когда объединили скорую и неотложку, обнаружилась острая нехватка заведующих подстанциями, и Герману, к тому времени уже около пяти лет проработавшему старшим врачом, предложили возглавить новую подстанцию на окраине Москвы. Он подумал и согласился.

Стахис подвинул Носову чашку со свежесваренным чаем – Вилечка позаботилась – и спросил:

– Ну, как работается? – Он всегда так спрашивал, когда в неформальной обстановке сталкивался с Носовым. Его мартышка, как он называл дочь только с глазу на глаз, по-домашнему, сидела напротив, размешивала ложечкой сахар в изящной перламутровой чашечке и изображала пай-девочку. Маленькая, Носову она была чуть выше плеча, с очень гармоничной фигуркой, выющимися каштановыми волосами и огромными, чуть выпуклыми (в отца) глазами, поверх которых опускались пушистые ресницы, она сидела, помалкивая, лишь тихонько отхлебывала с ложечки горячий чай.

Носов пожал плечами:

– Да в общем все нормально. Рутина...

Стахис понимающе кивнул. Они еще некоторое время молча потягивали чай, потом Вилечка вылезла из-за стола, при этом край ее халатика зацепился за угол и растянул пуговичку, открыв совершенно голенький смуглый живот. Герман сверкнул глазами. Вилечка спокойно застегнула пуговку и сказала:

– Жарко же...

Носов сделал вид, что ничего не заметил.

– Иди поспи! – приказал заведующий подстанцией. – Вы же последние...

В этот момент под потолком кухни загудел селектор, усилитель, выключенный с вечера, разогревался. Стахис удивленно поднял брови. Он не успел ничего сказать...

– Всем бригадам на вызов! – сказала диспетчер и добавила: – Герман Исаевич, доктор Стахис! Зайдите в диспетчерскую!

Стахис начал выдираться с любимого места Носова, при этом у него на халате оторвалась пуговица, открыв покрытое густым черным волосом пузо, он чертыхнулся, но тут же добавил: «на мне свитер» – и быстрым шагом направился в диспетчерскую... Носов, как всегда, не спеша допил остывающий чай и, ополоснув кружку, пошел следом.

– Володя! Морозов! Вставай! У вас вызов. – Костин тряс Морозова за плечо.

Морозов открыл один глаз:

– Чего?

– У вас вызов, – сказал Костин, – у всех вызов, самолет упал.

Морозов закрыл глаз и открыл рот.

От такого многоэтажного мата, да еще с закрытыми глазами, Сашка отскочил к двери.

– Ты Михалыча своего разыгрывай, – шумел, не открывая глаз, Морозов. – Я тебе не салага, чтоб со мной так... – Он замолчал, перевернулся, дрыгнул ногой в направлении Костина и накрылся одеялом с головой.

В этот момент открылась дверь фельдшерской и вошел Носов.

– Володя! Подъем! Под Зеленоградом на взлете упал Ил-62, девяносто шесть пассажиров. Пошли! Вилена останется на подстанции...

– Таскать нам не перетаскать... – проворчал Морозов и, вздыхая, принялся обувать кроссовки и натягивать на голое тело халат...

Рейс на Аддис-Абебу вылетел из Шереметьево-2 в четыре тридцать, через пять минут после отрыва бортинженер доложил о пожаре в правом двигателе. Самолет шел на форсаже, но командир приказал применить систему пожаротушения. Сразу после аварийного пlegирования зажегся сигнал о пожаре в левом... Самолет рухнул в лес в тридцати километрах от Москвы, едва не зацепив антенны последней высоты поселка Менделеево, пропахал в лесу полосу в полкилометра и взорвался, оставив после себя вывороченные стволы и комья мокрой земли... Одна пара двигателей полностью погрузилась в болотную жижу, а вторая застряла на островке среди тлеющих берез. Изломанное тело самолета зарылось в грунт. Топливо, распыленное в воздухе, вспыхнуло ослепительно-белым шаром и, погорев несколько минут, утихло, остались лишь вывороченные стволы да горящая земля.

Герман Стахис возглавлял колонну из восьми машин своей подстанции. Шли быстро, с маяками, им было ближе всех ехать. Далеко сзади мигали маячки других колонн. Светало. Скоро пять...

Носов перевернулся и влез в салон через окошко.

– Володя! – распорядился он. – Приготовь перевязку, косынки...

– Какие косынки? – удивился Морозов. – Сейчас мешки нужны! Будем руки-ноги собирать по всему лесу...

– Ну, может быть, кто-то выжил... – неуверенно сказал Носов.

– Доктор! Виктор Васильевич! – вытаращил глаза Морозов. – Там же по тридцать тонн керосина в каждом крыле, они ж в Африку летели с дозаправкой в Тунисе. Дай бог вообще хоть что-нибудь найти...

– Это точно! – подтвердил Толик.

При проезде через Зеленоград колонна въехала в облако с резким запахом керосина... Морозов проговорил:

– Вдруг найдем?... Горючку-то они успели слить, хоть часть... Черт! Как в солярке искупались!

Носов старался дышать через рот, зажимал нос, Толик чертыхался. Наконец выехали из облака, но в салоне еще долго сохранялся приторный нефтяной запах. Морозов распахнул все окошки в салоне, а Носов с Толиком в кабине. В рафике гуляли сквозняки... Прохладный утренний ветер уже не бодрил...

К месту падения машины не прошли, РАФы запарковались вдоль шоссе, и все пошло в лес, ориентируясь на столб дыма. Следом подъезжали милиция и пожарные... Стахис обернулся, увидел Носова с Морозовым, подождал, когда они подойдут, и спросил:

– Вилена в машине?

– Нет, – ответил Носов, – я оставил ее на подстанции.

Стахис стал надуваться, выкатывать глаза, но вдруг сник и пробурчал:

– Если она моя дочь, это не значит, что ей должны быть поблажки, она обычный рядовой сотрудник... и... Вы не имели права... – Он в последний момент заметил внимательно слушающего Морозова. – Ладно, на подстанции разберемся...

– А я ее оставил не как вашу дочь, Герман Исаевич, – возразил Носов, – а как рядового сотрудника, которому здесь совершенно нечего делать. Не будет же она носилки таскать! Пусть лучше диспетчерам помогает...

Стахис подождал, пока Морозов уйдет подальше, и прошипел:

– Мог бы хоть у меня спросить...

Носов улыбнулся и развел руками. Сквозь деревья виднелся голубой кусочек неба... Они вышли на край кратера. Ни Носов, ни Стахис такого не видели никогда...

Земля горела... из трещин в грунте вырывались язычки пламени, вспыхивая, трепетали и гасли, будто души рвались на волю, среди торчащих из земли черных рук и ног... Носов окаменел... В страшном сне такое не приснится... Он припал к наклонившемуся дереву... У самого края огромной воронки, в полуметре от своей ноги, он увидел круглый темный предмет и присел на корточки, чтобы рассмотреть в сумерках. Среди комьев лежала черная голова с открытыми белыми глазами, будто росла из земли. Носов полез в карман за резиновыми перчатками, но в этот момент к нему подбежал Морозов.

– Виктор! Носов! – кричал он, запыхавшись. – Я нашел... кажись, еще живая!

– Кто?! – в один голос вскрикнули Носов и отошедший подальше Стахис.

– Да тут что-то такое... – проговорил Морозов, махнув в сторону черных кустов, – черная вся, то ли негритянка, то ли обгорела...

Носов, насколько позволяла чавкающая земля, побежал за Морозовым. Среди кустов волчьей ягоды лежала, неловко вывернув руку, одетая только в бестолково-оранжевую маечку девушка-мулатка. Это Носов понял уже потом, когда осматривал ее в машине. Носов извлек из кармана тонометр, попробовал померить давление, по пульсу нащупал тоненькую ниточку сердечного ритма. Жива!

– Володя! – крикнул он Морозову, не заметив, что тот стоит рядом. – А, ты тут... Быстро за носилками и захвати шприц! Да! – крикнул он уже вслед удаляющемуся Морозову. – Толика не забудь!

– Это уж как положено, – махнул рукой Морозов.

Подошел Стахис, и они вместе потихоньку вытащили девушку на открытое место.

В лесу светало. Над деревьями с востока пробивались солнечные лучи. Тени от голых стволов ложились поперек кратера и придавали жуткую фантазмагоричность месту катастрофы: среди горящих комьев земли бродили белые халаты, время от времени нагибаясь и извлекая из земли части тел...

В ямках набиралась розовая вода... На краю кратера отдельно складывали белые тела в остатках летной формы – экипаж.

Прибежали Морозов с Толиком, раскинули дерматиновые носилки, аккуратненько, не за руки за ноги, а под плечи и таз, подхватили легонькую девушку и уложили на носилки. В обрывках света Носов увидел, что вся кожа на ногах покрыта какими-то лоскутами. Не задумываясь он принял у фельдшера шприц, достал из кармана брюк маленькую коробочку с наркотиками, покопавшись, выбрал фентанил, как раз на полчаса, ввел то ли в вену, то ли нет, в сумерках не видно, и, ухватив одну ручку носилок, скомандовал:

– Понесли!

В машине Носов еще раз померил давление, ни черта не слышно, чуть больше пятидесяти. Он включил большой плафон и увидел, что лоскутья, на которые он обратил внимание в лесу, – остатки колготок и кожи, а поясok на талии – все, что осталось от юбки, или что там у нее было? Кожа на спине местами обуглилась, и Носов, покрываясь липким потом, насчитал больше шестидесяти процентов поверхностей ожога...

Морозов оттеснил его:

– Виктор Васильевич! Дай-ка я венку поставлю! Прокапаем хоть баночку...

– Давай! – сказал Носов, не решаясь даже попытаться попасть в вену... У Морозова руки половчее.

Дверь в машину открылась, и в салон заглянул солидный дядя в очках и при галстукe.

– Я дежурный врач оперативного отдела, – сказал он, забыв назвать свою фамилию, – Вы, я слышал, нашли кого-то еще живого?

– Да, мулаточка, сильно обгорела, – объяснил Носов. – Шок.

– А еще что? – деловито осведомился очкастый дядя.

– Да бог ее знает? – завелся Носов. – Кости в руках и ногах вроде бы целы, а что там внутри, вскрытие покажет...

Очкастый дядя позеленел и отрывисто приказал:

– Везите в Склифосовского, там разберутся.

– Попробуем, – сказал Носов, – но восемьдесят первая ближе.

– Везите, не рассуждайте! И чтоб довели!

Носов протянул руку и захлопнул дверь, мужик начал его раздражать. Умница Морозов умудрился поставить иголку в венку и начал капать кровезамещающий раствор...

– Поехали, Толик! Гони! Чтоб через полчаса были в Склифе!

Толик в два приема развернул рафик и погнал...

Они ехали тридцать пять минут. Во время перегрузки на каталку Склифа у нее остановилось сердце. Носов ввел внутрисердечно адреналин, стукнул, качал непрямой массаж, пока катили ее по коридору к реанимации, там ей разрядили дефибриллятор пять, шесть, семь киловольт – без толку. Девушка потеряла много крови из-за внутреннего кровотечения... «А если б мы все-таки не послушались этого пердуна в золотых очках и повезли в восемьдесят первую, черт его знает?... – думал Носов. – В конце концов, он ведь и фамилии даже не назвал... Можно было бы послать его куда подальше... А там что – они ждали нас с банками крови? Конечно же нет! Так что так и так шансов у нас не было... И у нее».

Отзвонившись из Склифа, они получили приказ ехать на подстанцию... «У меня ни одной бригады, – сказала диспетчер, – и пачка вызовов...»

На подстанции им сразу дали вызов. «Рутинa» – как говорил Носов. Вилечка сидела в кухне и подновляла макияж. Носов полюбовался ею несколько секунд, она краем недокрашенного глаза увидела его и проговорила невнятно: «Сейчас, сейчас...» Носов подождал минутку, пока она доведет начатое дело до конца. Вилечка встала и прошлась походкой фотомодели, дразня Носова, тот поймал ее за талию, пользуясь моментом, что никого нет, и, чмокнув в щечку, шепнул: «Беги в машину, я сейчас...» В руке он держал карточку с последним вызовом за эти безумные сутки.

В машине Вилена доводила Морозова:

– Володя! Владимир Владимирович! Вовочка!

Морозов опять лежал на верхних носилках, он на них залез, еще когда выезжали из

Склифа. «Поспать, когда есть время, – это святое», – говаривал Морозов и действовал согласно этому правилу... Вилечка тыкала кулачком в брезентовое дно носилок в проекции ребер Морозова, и тот наконец сдался:

– Ну что тебе, егоза?

– А говорят, это ты самолет уронил!

– Ага! Щазззз! С чего это?

– Сашка Костин сказал, что ты наколдовал, чтобы он упал.

– Да ладно чушь молоть! – Морозов разозлился. – Что ты сплетни собираешь?

– Он сказал, что ты, когда ложился, произнес: «ЧТО-ТО САМОЛЕТЫ ДАВНО НЕ ПАДАЛИ!» – произнесла Вилена гробовым голосом.

– Я не помню! Ну и какое имеет значение?

Носов привел Толика и сел в кабину. Услышав последнюю фразу Морозова, он спросил:

– Во сколько упал самолет?

– В четыре тридцать пять – четыре сорок, – ответил Морозов.

– А ты во сколько лег? – уточнила Вилечка.

– Я что, помню?

– Мы приехали с последнего вызова в четыре двадцать пять, – сказал Носов, подыгрывая Вилечке, – пять минут, чтоб постелиться и лечь, вот и выходит, что, кроме тебя, никому... Морозов, ты – террорист!

– Ну вас к лешему, – обиделся Морозов. – Куда мы едем и на что?

Носов поглядел в карточку.

– Тут рядом, мужик пятидесяти лет – посинел...

Морозов чертыхнулся:

– Еще один кадавр...

– Я же говорю, – засмеялся Носов, – твое дежурство без приключений не обходится... Проверь кислород. Я, когда принимал бригаду, смотрел – было достаточно.

Рафик, преодолев земляные раскопы на территории подстанции (уже год не могут закопать отрытую траншею), выкатился за ворота... Бригада Носова ехала на последний за сутки вызов.

Остановились у последнего подъезда пятиэтажки. Носов присвистнул: на пятый, без лифта... Вилечка тяжело вздохнула, а Морозов сказал:

– Может, не будем брать кислород?

– Ага, а потом ты сам за ним побежишь. Туда и обратно! – ответил Носов. – Пошли.

Он взял ящик, отдал Вилечке карточку и помог Морозову навьючить на себя сумку с кислородной аппаратурой.

Поднимались медленно, сказывалась усталость, накопившаяся за сутки... Подошли к двери.

– М-м-м-да, – сказал Морозов. – Замок здесь выбивали раз... пять, не меньше, и кнопки нет, одни проводки, и в них двести двадцать вольт.

Вилечка по малоопытности спросила:

– Может, не пойдем?

Носов толкнул дверь коленкой, и она, отвисая на одной петле, медленно отворилась. Глазам бригады предстал темно-коричневый коридор трехкомнатной квартиры. Стояла гробовая тишина, в которую Носов тихо бросил:

– Есть кто-нибудь?

Тотчас же открылась дверь дальней комнаты и им навстречу побежала, кренясь, как Паниковский, немолодая женщина. Она не добежала до бригады, свернула в ближайшую комнату.

– Идите сюда! – позвала она. – Посмотрите!

Из комнаты ударил мощный запах перегара, коричневый свет прорвался в коридор, ненадолго осветив обстановку. Морозов укоризненно посмотрел на Виктора и, вздохнув

особенно тяжело, обрушил свои вериги на пол. Носов пожал плечами и решительно прошел в комнату. Обстановка не поддавалась описанию. В глаза Носову бросилась фигура лежащего ничком на кушетке одетого мужчины. От фигуры раздавался приглушенный храп, совершенно не похожий на хрип... Женщина вхохочушей курицей налетела на спящего:

– Вставай, вставай, врачи приехали...

Носов спросил тихо:

– А нас зачем вызвали? Нам что, пьяных на улице не хватает? – и замолчал, остолбенев. «На него смотрела поразительная харя...» Слова Ильфа и Петрова лучше всего характеризовали то, что предстало перед ошеломленной бригадой. Морозов и Вилечка застыли в двери.

Опираясь на багрово-фиолетовые руки, совершенно пьяный мужик смотрел ярко-голубыми глазами, причем голубыми у него были белки, из-за чего зрачки казались черными, кожа лица отливала густой синевой, переходящей в фиолетовый на шее. Он открыл рот, чтобы сказать... и Носов увидел черный, как у чау-чау, язык.

– Дура! Брядь! – выругался синий мужик, шевеля черным языком и фиолетовыми губами. Он потянулся к большой алюминиевой кружке, на дне которой плескалась какая-то коричневая жижа. Отхлебнул, облизнулся и продолжил: – Кто тебя просил, звезда, людей беспокоить? – Он привстал на кушетке и попытался замахнуться кулаком. Отчасти солидарный с ним Носов спросил:

– А что случилось-то?

– Вы посмотрите, что он пьет, – закричала женщина и, уже адресуясь к синему мужчине, зло бросила: – Алкоголик! Ты посмотри на себя, до чего допился! – Она вцепилась в его плечо и стала трясти. Синий мужик отмахивался от нее, словно от надоедливой мухи.

Носов отобрал у мужика кружку и понюхал. От жижи шел отчетливый запах спирта. Вот только какого? Если метиловый...

– Мужчина! – сказал Носов. – Ты меня видишь?

– Вижу, – уверенно кивнул синий мужик, не глядя на Носова, и потянулся за кружкой. Носов повел его из стороны в сторону, и синюшная рука уверенно переместилась в пространстве, не выпуская из виду кружку. – Ты тоже хочешь, – сообразил синий мужик. – Там еще есть... – И качнулся в сторону окна.

Женщина распахнула занавески, на подоконнике в ряд стояли три полные бутылки и одна почти пустая с коричневой жижой. Носов взял ее и стал разглядывать этикетку. «МОРИЛКА спиртовая. Для окраски дерева под дуб. 83% этилового спирта» – значилось в самом низу.

Морозов спросил:

– Кислород отнести?

– Да, – сказал Виктор, – и принеси желудочный зонд. Будем его отмывать...

Морозов подмигнул и потащил кислородные баллоны вниз.

Вилечка решительно оторвала от синего мужика вцепившуюся женщину и увела на кухню, расспрашивать.

Мужик еще раз попытался хлебнуть из кружки, но Носов не дал.

– Пить хочу! – сказал он и вывалил язык, отчего еще больше стал похож на безумную собаку чау-чау.

– Вилена! – крикнул в кухню Носов. – Приготовь воды! Литров пять!

Синий мужик покачал головой:

– Не, я столько не выпью... Дай кружку! – вдруг потребовал он.

Прибежал запыхавшийся Морозов, сунул Носову желудочный зонд с воронкой и сказал:

– Толик нервничает, до конца смены меньше часа осталось. Я сказал, что еще долго, пусть себе ждет...

– Правильно, – одобрил Носов. – Сажай его на стул.

Вилечка, сгибаясь пополам, принесла из кухни пятилитровую кастрюлю с водой и таз.

Носов выплеснул из кружки жижу, зачерпнул воды и протянул синему мужику.

– Пей!

Тот принял кружку и стал пить, морщась, будто ему дали невероятную гадость. Носов легко приподнял его и пересадил на стул, завел руки за спину (мужик совершенно не сопротивлялся), кивнул Морозову: держи и, придерживая синего за нижнюю челюсть, сказал ласково:

– Открой рот и покажи язык!

Заправив зонд до третьей метки, Носов стал методично промывать желудок. Когда кружка зашоркала по дну кастрюли, а таз до краев наполнился водой с коричневыми пленками, он скомандовал:

– Это вылить и еще литра полтора в кастрюлю.

Синий мужик стойко переносил процедуру, только глядел на Носова выкатив глаза и дышал со свистом носом.

Когда Носов убедился, что отмывать больше нечего, он быстро удалил зонд, и мужика передернуло, как от электрического тока. Он утерся синей ладонью и почти трезвым голосом сказал:

– Спасибо, ребята.

– Не за что, – ответил Носов и приказал: – Собирайся, поедem в больницу.

– Зачем? – удивился синий мужик. – Вы же все сделали. Я в порядке...

– Это ты так думаешь, – сказал Носов, и тут до него дошло, что тот еще ни о чем не догадывается. Он скомандовал Вилечке запросить место и, подняв мужика со стула, подвел к большому тусклому зеркалу, стоявшему в коридоре...

Из мутного полумрака зеркального стекла на мужика надвинулось синее, совершенно вурдалачье мурло. Он заслонился руками, закричал и, теряя сознание, опустился на пол. Носов понял, что перегнул палку, покопался в нагрудном кармане и достал пластмассовый флакончик из-под капель от насморка. Во флакончике был нашатырь, или, как его называли на скорой, «живая вода».

От «живой воды» синий мужик пришел в себя, и был он уже не синий, а нежно-голубой.

– Мужик! – сказал Носов голосом Арлазорова. – Ты посинел оттого, что пил... – И он показал на батарею бутылок на подоконнике.

– Кореша посоветовали. Я хотел андроповской купить, а они – рупь восемьдесят, рупь восемьдесят! – с тихой ненавистью пробурчал голубой мужик, и Носов подумал, что одним потенциальным убийцей стало больше.

Вилечка выглянула из коридора:

– Они спрашивают – какой диагноз?

– Отравление спиртовой морилкой, – объявил Носов.

– В центр отравлений Склифа, – почти тотчас же откликнулась Вилечка.

– Поехали! – в который раз за сутки скомандовал Носов.

Не сопротивляясь, мужик накинул брезентовую куртку и смирный, как щенок, спустился в машину. Здесь он, правда, ни в какую не соглашался лечь на носилки, пришлось посадить его на откидное креслице, а Морозов опять залез на свою «плацкарту». Вилечка страшными глазами показала ему на больного, но Морозов отмахнулся, плевать...

Расстроенный Толик, у которого через двадцать минут кончалась смена, недовольно ворча, терзал стартер...

– Толик, все в твоей власти! – усмехнулся Носов. – Теперь все зависит от тебя!

– Ага! Как же, от меня, – ворчал Толик, сдавая задом и разворачиваясь, – щас, будете там сидеть...

– Толик! Мы не будем там сидеть... Сдадим голубого... и домой.

Толик перестал ворчать и заинтересовался.

– А он чего, правда голубой? – спросил он, вкладывая в это слово совсем другой смысл.

– Правда! – ответил Носов, не замечая интонации Толика. – Не веришь – посмотри. Ты

его раньше не видел, как баклажан был!

Толик, умирая от желания увидеть настоящего голубого – в середине восьмидесятых это было редкое зрелище, – остановившись на перекрестке, выглянул в салон. И застрял. Носов, которому стало неудобно, осторожно вытащил Толика и усадил на место.

– Гудят! Толик, зеленый! – говорил Носов ничего не слышащему водителю.

– Ага, – выдавил наконец окаменевший Толик, включил передачу и тронулся... на красный. Спас его только включенный маячок, – поперечные машины терпеливо пропустили сумасшедшую «скорую», которая стоит на зеленый и трогается на красный свет.

У отделения токсикологии Толик первым выскочил из машины и побежал открывать дверь салона... Он хотел еще разочек увидеть настоящего голубого! Правда, голубой мужик уже опять стал синим. Он отрезвел, пришел в себя, оценил обстановку и понял, что на улицу днем ему выходить нельзя, а вечером – тем более... Надеялся он на чудо и на советских докторов, которые мертвого могут из могилы поднять, а уж убрать его синюю окраску и подавно...

Носов постучал в белую дверь, запертую специальным психиатрическим ключом, синий мужик занервничал: такие двери он уже хорошо знал. Открыла высокая пышная медсестра, которая тут же удалилась, а Носов, Морозов и синий мужик вошли в приемную.

Им предстала нормальная картина. Наклонившись над столом, не садясь, что-то писал в карте врач.

– Что привезли? – спросил он, не оборачиваясь.

– Отравление спиртовой морилкой! – бодро доложил Носов, кладя сопроводилку на стол.

– Он уже синий? – спросил доктор, не дрогнув.

– Да, – заинтересованно проговорил Носов.

Морозов слушал молча.

– Ну, пусть посидит.

Синий мужик сел, все еще на что-то надеясь.

Носов обошел стоящего врача и, наклонившись рядом, спросил негромко:

– А отчего он синий?

– В морилке содержится краситель – нигрозин, – охотно пояснил врач, – почти нетоксичный, окрашивает дерево в коричневый цвет, а человека, если он его выпьет, в синий. На этом многие накалываются.

– И что дальше? – спросил опять Носов. – Куда его?

– Как – куда? – удивился врач. – Домой пойдет, он же не самоубийца?

– Нет, – подтвердил Носов.

– Ну вот, – сказал доктор, – а через полгодика, когда выцветет...

За его спиной раздался стук, синий мужик во второй раз потерял сознание... Носов вздохнул и полез в карман за «живой водой»...

На подстанцию они, конечно, приехали с опозданием, на пятнадцать минут... Но, как оказалось, почти все бригады опоздали из-за авиакатастрофы... По холлу носились фельдшеры и врачи, таскали оборудование, проверяли ящики, пополнялись медикаментами и шприцами... Отработавшие бригады собирались в конференц-зале – рассказать о выполненной работе.

Когда все отчитались, поднялся из-за стола президиума заведующий подстанцией и произнес такую речь:

– Уважаемые женщины, врачи и фельдшеры! Я прекрасно понимаю, что лето выдалось жаркое, но я убедительно прошу вас носить под халатом что-нибудь, кроме бюстгалтера.

В зале установилась мертвая тишина, а Морозов произнес тихо, но ясно:

– Труссы, например... – и тут же получил свернутой пачкой карточек по голове от фельдшера Сашки Гаранкиной (бывший мастер спорта по гребле и лыжам).

Когда в зале восстановилось спокойствие, Стахис продолжил:

– И, напоследок, фельдшеру Морозову объявляю благодарность за обнаружение еще

живой пассажирки разбившегося самолета, а доктору Носову – выговор за нарушение трудовой дисциплины!

Ввернул-таки Стахис, не удержался, ибо дисциплина на подстанции должна быть, какая разница, чья дочка работает на бригаде?

Глава 3

Новый год, старик

Есть два дня в году, на которые смены комплектуются в течение всего года. Это тридцать первое декабря и первое января. Смена уже не имеет значения, все считают, сколько Новых годов они отработали, отстаивая свое право не работать. Трудно сказать, что происходит, но для скорой эти дни самые плохие.

Старший фельдшер постарался. Тридцать первого декабря бригады были укомплектованы и переукомплектованы. В течение дня вся подстанция готовилась к Новому году. Плюнув на риск получить нагоняй от линейного контроля, лишние девчонки трудились на кухне, готовя салаты, нарезая колбасу, сало и копчености. В одежных ящиках в глубоком секрете покоились несколько бутылок шампанского и парочка пятизвездочного коньяка.

Заведующий подстанцией встречал Новый год в кругу семьи. Из этого круга, несмотря на прямые родственные связи, выпала его дочь Вилена, добровольно возжелавшая работать в компании с Носовым и Володией Морозовым. Герман раздражался, убеждая дочь, что все будут дома! Гости должны приехать! Он специально пригласил своего одноклассника Яшу Левинсона с двадцатидвухлетним сыном Мишей, надеясь познакомить его с Виленой. Никаких стратегических планов он не строил, но регулярные намеки мамы, что неплохо бы познакомить Вилечку с хорошим мальчиком, его уже достали. И вот тут эта обормотка, в обход папиных планов, договаривается со старшим фельдшером о дежурстве под Новый год! А они с женой Машей теперь должны веселить всю ночь приглашенных гостей. Использовать власть и прослыть интриганом на подстанции Герман не хотел. В конце концов, все уже взрослые люди! Сколько можно нянчиться?

С утра бригада Носова работала в полном составе, на подстанцию они заезжали, только чтобы заправиться лекарствами, шприцами и выгрузить купленные продукты.

В большом холле на втором этаже устанавливались столы, сносились все стулья из конференц-зала, в одной из фельдшерских открыли окна нараспашку и устроили импровизированный холодильник, в котором все разложенные кресла были уставлены салатницами, блюдами и тарелками.

В семь, как обычно, начались рассаживания и открывания ночных бригад. Володя открыл двадцать седьмую бригаду и оставил Носова с Вилечкой на дневной вдвоем. По неписаному правилу вновь открытые бригады ставились в очередь первыми. Поэтому, пока Морозов готовился к выезду, Витя с Вилечкой пошли на кухню, по смачному выражению Сашки Костина, чайку испить – кишочки всполоснуть.

На подстанции царил нормальная вечерняя суeta: все ходили туда-сюда, громыхали крышки алюминиевых ящиков, тонко звенели перебираемые в карманах халатов ампулы, для восполнения истраченного на вызовах, периодически взрывывали динамики селектора, выкрикивающие «Бригадам на вызов!».

Для удобства столы выдвинули на середину кухни и обставили стульями.

Во главе стола сидел одинокий Костин, перебивавший гитарные струны и что-то негромко мурлыкавший себе под нос.

Носов отодвинул для Вилечки стул и спросил:

– Не помешаем?

Костин, не отвлекаясь, мотнул головой – нет проблем! Он перестал мурлыкать, принялся тренькать струнами и настраивать гитару.

– Концерт запланирован? – спросила Вилечка.

– Угу, – сказал Костин, – Марина Ивановна, может, еще споет. В общем, все по

эстафете, кто приедет, тот и будет петь.

– А Женька где?

– Только что уехала. – Костин взял несколько аккордов, потом перебором проиграл вступление и пропел из Дольского: – «Мне звезда упала на ладошку. Я ее спросил – откуда ты? Дайте мне передохнуть немножко! Я с такой летела высоты! А потом добавила, сверкая, будто колокольчик прозвенел, – не смотрите, что невелика я, я умею делать много дел!» – Голос его был совсем не похож на мягкий баритон Александра Дольского, был он ниже и глубже, и песня звучала в других интонациях. – Потом. – Костин отложил гитару. – Женька поехала на отраву неизвестно чем.

Носов насторожился:

– Это как?

– Вот так. Пришел вызов – отравление. Без уточнений, ни возраста, ни пола, один адрес и повод.

– А почему она?

– Не было никого. Я сижу – резерва жду. Моя машина сломалась. А Женька только приехала, ей сразу вызов без задержки.

Женя Соболева поднялась на третий этаж фешенебельного кирпичного дома. Эти дома в районе назывались цековскими, и жил там контингент. Это выражение пошло от двух ребят: Витьки Степанова и Коли Короедова, перешедших на скорую в Четвертое главное управление, там зарплата на двадцать пять процентов больше – за контингент. Вот этот самый контингент и жил в элитных домах из желтого кирпича, с переходами, совмещенными с детским садом, с закрытым для неконтингента магазином и крепким пенсионером в подъезде у лифта в роли цепной собаки. Однако, несмотря на свою исключительность и особое обслуживание, контингент не брезговал вызывать простую скорую, хотя бы потому, что легче вызвать.

Дверь в квартиру была не заперта. Нехороший признак, значит, вызывавший человек не рассчитывал, что сможет открыть, когда приедет скорая. Женька настойчиво позвонила и только потом вошла. Никого. Просторная, как стадион, прихожая, по периметру обставленная под самый потолок ломящимися от томов Всемирной библиотеки и подписных изданий книжными шкапами. Бросился в глаза красиво оформленный плакатик за стеклом: «Не шарь по полкам жадным взглядом, здесь книги не даются на дом!» Толкнув высокие двойные двери с витражом, Женька вошла в гостиную. Богатый гарнитур, огромный телевизор «Сони» и видеомаягнитофон. На журнальном столике огромной горой валялись выпотрошенные упаковки из-под реланиума, седуксена, радедорма, тазепама. Среди бумажек виднелись прозрачные и коричневые ампулы, от которых поднимался знакомый приторный запах. Количество таблеток поражало. Не меньше трех сотен. Женька огляделась, в гостиной никого. Бросила ящик и выбежала в прихожую. Квартира огромная, запутанная, как лабиринт. Женька неслась по коридору, залетела в кухню, пусто! В одну комнату, другую, спальню. В недоумении постояла в прихожей и рванула дверь в ванную комнату. К таким ванным Женька не привыкла, тут больше подходило бы слово «бассейн». В большой круглой ванне, до середины наполненной теплой водой, лежали две девушки, голые, ярко накрашенные, лет им было по пятнадцать – шестнадцать.

Женька кинулась к ванне, пнула ногой валявшийся на полу радиотелефон с выдвинутой антенной, ухватила за плечи ближнюю девочку и попыталась выволочь ее на пол. Мокрое вялое тело выскальзывало из рук. Женька упиралась в край ванны, но ноги в сапожках с металлическими набойками скользили на мраморном полу. Она чуть не нырнула следом, когда девушка выскользнула из рук и с головой погрузилась в воду. Вторая слегка приоткрыла глаза и чуть-чуть пошевелила губами. Женя схватила утопнувшую за волосы и приподняла ее голову над водой. Потом, перегнувшись через край, начала шарить по дну руками в поисках пробки. Она нащупала слив, он заткнут, и на пробке ничего не было. Не за что ухватиться. От бессилия у Женьки навернулись слезы. Что же делать? Вторая девушка, что еще была в сознании, прошептала еле слышно:

– Рычажок.
– Что? – не поняла Женька.
– Рычажок, – повторила девушка, – там, – и мотнула головой в сторону смесителя.
Носов встал из-за стола. Вилечка подняла на него глаза:
– Ты что?
– Пойду позвоню.
– Зачем?
– Не знаю, – сказал Виктор и ушел из кухни. – Тревожно как-то. Сам не пойму.
В диспетчерской он спросил:
– Куда Соболева уехала?
Диспетчеры ответили.
– Она не звонила?
– Нет.
– А старший здесь?
– Уехал с Гусевым на повтор «плохо с сердцем», после Гусева же.
– Ясно.
– Надо позвонить на вызов к Женьке.
– Зачем?
– Какой-то странный вызов. Повод нечеткий, ни пола, ни возраста. А если суицид? Есть телефон?

Диспетчеры просмотрели журнал.
– Нету.
Носов помолчал секунду и спросил:
– Женьку вы послали, потому что некого было? А Костин сачкует в столовой!
Диспетчеры завелись разом.
– Костин резерва ждет. А Соболеву послали посмотреть и разобраться!
В этот момент зазвонил телефон, и одна из диспетчеров схватила трубку:
– Да! – Прикрыв ладонью микрофон, сказала: – Это она. Что у тебя? Ясно, сейчас, подожди, – сунула трубку Носову, – поговори с ней, – а сама взяла трубку другого аппарата.
Носов спросил:
– Женя? Что там?
Женька сквозь слезы прокричала:
– Здесь их две, отравление снотворными, в ванне! Я не могу их достать!
– Успокойся, Женя, – кричал Носов. – Они живы? Дышат? Пульс есть?
– Одна пока еще в сопоре! – кричала Женька. – А вторая в коме. Чего делать?
– Жди! Сейчас приедем! – сказал Носов и, уже выходя, обратился к диспетчерам: – Возьмите на меня наряд, я уехал. С вызова отзвонюсь, дадите номер, хорошо?
– Давай, – махнули рукой диспетчеры.

К приезду Носова и Вилены Женька нашла-таки рычажок и спустила из ванны воду. Носов вошел в квартиру вместе с милицией.

Пустая огромная квартира в секунду ожила, наполнилась людьми, стало шумно и тесно. Быстро и легко извлекли девушек из ванны, принесли одеяла из спальни и покрывала. Носов разложил их на диване в гостиной и с помощью Жени и Вилены обоим юным самоубийцам ввел желудочные зонды. Одновременно их промывали. Одна, та, что была еще в сознании, когда Женя пыталась их вытащить, начала приходить в себя и путано разъяснила, что они уже давно с подружкой решили покончить с собой. Вторая, несмотря на промывание желудка, была хуже, и Носов наладил ей капельницу, ввел стимуляторы дыхания и сердечной деятельности. Они запросили место сразу на две бригады и вместе повезли в токсикологию Склифа. Пока длилась эпопея с промыванием желудков, поиском документов, родителей и прочих формальностей, в спальне на письменном столе была обнаружена записка, что Лена и Оля решили покончить с жизнью, потому что не видят в ней никакого смысла. Однако никто не смеялся. Прозвучала брошенная кем-то в воздух фраза:

«С жиру бесятся». Кое-кто из милиционеров недоуменно пожимал плечами, хмыкал, когда девчонок нагишом укутывали в одеяла. Носов же был предельно серьезен. Родители одной из девочек уехали к друзьям за город на Новый год, а второй, подружки, пришли по приглашению милиции для разбирательства. Носов не стал их дожидаться, но уже на улице, при погрузке носилок в карету, к ним подошли родители Оли. Носов не стал через плач и сопли объяснять что да как. Милиция объяснит. Сказал только, что увозят девочек в НИИ имени Склифосовского.

Уже в машине Носов, сидя вместе с Виленой в салоне и время от времени измеряя давление тяжелой девочке, сказал:

– А все от бедности!

Вилечка спросила:

– Какой бедности?

– От духовной бедности, Вилечка. Когда все есть и не о чем мечтать, теряется смысл жизни. И еще я почти на сто процентов уверен, что дело здесь в личных отношениях...

– Каких это?

– Ты помнишь – не видят смысла в жизни... А он был у них? Видимо, был, а теперь вдруг не стало. Не когда-нибудь, а именно под Новый год. Мы с тобой уже видели, как идут на суицид пятнадцатилетние из-за того, что мальчик начал дружить с другой девчонкой... Вот скажи, у тебя в этом возрасте были такие закидоны?

Вилечка скромно прикрыла глаза.

– Ну, до суицида я не доходила... Я думала о маме с папой, и все прошло. Наверно, я их тогда больше любила, чем того мальчика...

– Вот и я о том же. У этих суицидов, очевидно, одна травилась всерьез, а вторая за компанию. Могу поспорить, что все дело в том, что их не пригласил самый красивый мальчик в школе, – делано прогнусавил Носов, – на новогодний вечер. А пригласил вместо них кого-то еще.

– А почему ты решил, что всерьез хотела умереть одна?

– Ты сама посмотри. Пили лекарства они вместе. Но одна была уже почти в коме, когда Женька звонила, а вторая еще в сопоре, вторая и скорую вызвала, и дверь незапертой оставила. А это значит, что она не могла не пить таблеток, вроде как – слабо? Но и умирать ей совсем не хотелось. Но вообще девочки постарались. Бедная Женька! Под Новый год в такую бяку влететь!!! – Носов обратился к дыре в переборке салона и прокричал: – Семен Семеныч, топи как следует! Холодно!!! И поспешай! Надо к Новому году успеть на подстанцию!

Вилечка удивленно подняла бровки:

– А почему в бяку?

Носов покрутил пальцами, формулируя мысль:

– Вот смотри, она первая вошла в квартиру, не пригласила свидетеля, хотя бы того деда, что сидел в подъезде. Потом, например, приедут родители этой Лены, – Виктор кивнул на девочку на носилках, – и чего-нибудь недосчитаются, ну, скажем, какой-нибудь бижутерии или денег. Кого будут первым дергать? Женьку. – Он перегнулся назад и, отдернув занавесочку на заднем стекле, поглядел на машину Соболевой, идущую сзади. – Вот такая бяка! Ясно?

Вилечка покачала головой и сказала:

– Так что же, то, что она спешила оказать помощь, ничего не значит? Ведь если бы она побежала за дедом, время ушло бы. Разве не так? Мало ли что могло бы за это время произойти!

– Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, – грустно усмехнувшись, произнес Носов. – Минутой больше, минутой меньше ничего не изменит. Да, кстати, к тому же она не догадалась сбегать за помощью и позвать деда или водителя, а стала звонить на подстанцию. Сколько мы ехали?

Вилена пожала плечами:

– Ну, минут семь – десять.

– Вот. А если бы она была не одна, то вытащила бы этих суицидов на десять минут раньше и помощь соответственно оказала бы раньше. Я прав?

Вилечка согласно кивнула:

– Прав, конечно. – А помолчав, добавила: – Но как ты ее почувствовал?

Носов не понял.

– Кого?

– Женьку. Ты ж тогда пошел в диспетчерскую, помнишь?

– Сам не пойму.

– Это ж мне полагается, у меня мама такая чувствительная, а вдруг ты...

Носов засмеялся, перегнулся через кресло и, притянув к себе Вилечку за отвороты шинельки, поцеловал.

– Наверное, заразился от тебя и от твоей мамы...

На подстанцию они вернулись точно к одиннадцати и попали в атмосферу невероятного галдежа и возбуждения.

Носов скинул оборудование возле материальной комнаты и обернулся к пробегающему Боре Котову:

– Что случилось?

– В Конькове АТС горит! Вот ребятам повезло, до утра вызовов не будет! – Боря имел в виду тамошнюю подстанцию.

Носов пожал плечами:

– Да уж. А что у нас?

Боря попрыгал на месте.

– Столы ломаются на втором этаже! Извини, мне надо! – И улетел в направлении туалета.

Виктор закинул оборудование на стеллаж, расписался в журналах и пошел наверх.

Морозов был еще на вызове и только что отзвонился. Сразу получил команду возвращаться. Вызовы капали медленно по одному, чем ближе к двенадцати, тем их становилось меньше.

Без пятнадцати двенадцать хлопнула входная дверь, и голос Морозова проорал:

– Эй! Помогите мне!

Высочившие на крик диспетчеры увидели, что Володя сгибается под тяжестью невероятного количества полиэтиленовых пакетов, из которых торчали горлышки водочных и шампанских бутылок, куриные ноги, просвечивали оранжевые мандарины и нежно-желтые яблоки гольден. Что еще было в пакетах? Неизвестно, но запах истекал не менее мощный, чем со второго этажа.

– Откуда? – хором спросили диспетчеры.

– На вызове подарили, – ответил Морозов. На диспетчерских лицах отразилось недоверие. – Я серьезно, – подтвердил Володя. – Ну, возьмите сумки-то!

– Но как? – Недоумению не было предела.

– Да сам удивляюсь. – Морозов, разминая натертые тонкими ручками пальцы, рассказал: – Они там ждали гостей, хозяева харчей наготовили, а хозяин выходил с собакой и поскользнулся, да головой о скамейку. В общем, мне его пришлось увезти в нейрохирургию. Праздник у них накрылся. Хозяйка тоже уехала с ним, гости разбежались. А мне отдали все со стола. Так и ехали.

– И бутылки тоже отдали? – недоверчиво спросили диспетчеры.

– Естественно! А на фига нам столько закуски, если пить нечего? Ну, беленькую я домой заберу, а шампанское на стол. Это святое. Ребята собрались?

– Все наверху. Торопись.

Диспетчеры ушли к себе с несколькими сумками.

– Ты не против?

– Да ради бога! – крикнул на бегу Морозов. – А вы подниметесь?

– К двенадцати придем!

Две трети подстанции собрались за столом. Шумели, звенели, хлопали пробками, пенилось и шипело разливаемое по кружкам и чашкам шампанское. Покрывая рокот, поднял голос старший врач:

– Друзья, прошу тишины!

Все замолчали.

– До Нового года осталось десять минут. Давайте проводим старый! Коллеги, врачи и фельдшеры, водители, я буду краток. Год прошел, и нельзя сказать, что был он плох. Но пусть новый будет лучше! – Старший протянул чашку к середине стола. Зазвенели, застучали, чокаясь, кружки и стаканы. У приглушенного телевизора прибавили громкость. С последним ударом курантов к столу подошла диспетчер с пачкой вызовов в руках.

– С Новым годом! – И стала раздавать карточки. За столом расхохотались. Кто-то возмущенно сказал:

– Ну ничего себе? В двенадцать ночи боли в животе! Дня не хватило, чтобы вызвать?!

За столом заметно поредело. Носовская бригада стояла по списку последней, и ее вызов миновал. Костин, дождавшийся резерва, вошел в холл с гитарой в руках. Он только что приехал с вызова. Увидев его, новогодний «Огонек», начинавшийся в телевизоре, умолк. Для тех, кто остался за столом, начинался концерт. Сашка пел. Он знал невероятное количество песен. Он пел Дольского, Окуджаву, Егорова, Никитина, Городницкого, Визбора и еще бог знает кого, каких-то неизвестных казспэшных авторов. «Колокольчик все звучал, переливом трогая...» Он не делал только одного: он не пел на заказ. Все знали: стоило только кому-нибудь попросить его спеть что-нибудь, Сашка пел прошеное и умолкал. Больше ему петь не хотелось. Время от времени он прополаскивал горло глотком шампанского. Прошло два часа, и народ вновь накопился на подстанции, а очередь носовской бригады переместилась на первое место. Носов, под мышкой которого примостилась Вилечка, протянул руку к уставшему Костину.

– Отдохни, Саня. Дай-ка мне.

Костин протянул ему гитару. Виктор чуть отодвинулся от Вилечки, поелозил ногами, устраивая гитару на коленке.

– Это «Воскресенье», – сказал он. И начал: – «Повесил свой сюртук на спинку стула музыкант...» – Голос Виктора то поднимался, то опускался до речитатива. – «Подойди скорей поближе, чтобы лучше слышать, если ты еще не слишком пьян...»

Вилечка отодвинулась и удивленно смотрела на Носова, она первый раз слышала, как он поет.

– «О несчастных и счастливых, о добре и зле, о лютой ненависти и святой любви...»

За столом прекратили жевать, диспетчер с карточкой замерла у стола, «...все в этой музыке, ты только улови...» – Он замолчал, перебирая струны, и начал следующий куплет. Все молчали, затаив дыхание, а Носов пел:

– «И ушел, забыв немой футляр, словно был старик сегодня пьян, а мелодия осталась ветерком в листе... еле уловима. О несчастных и счастливых, о добре и зле, о лютой ненависти и святой любви».

Носов замолчал. Тишина сохраняла звучание струн и голоса... Диспетчер вышла из оцепенения, протянув карточку Сашке Гусеву, сказала:

– Ты здорово поешь. А чья песня?

Носов глотнул лимонаду и ответил:

– Никольский. Константин Никольский.

– Я? А почему? – спросил Гусев с набитым салатом ртом. – Носов же передо мной?

Диспетчер ответила серьезно:

– Вызов фельдшерский, съездишь и вернешься, будешь последним.

Гусев разочарованно полез из-за стола.

– Ну вот, всегда так!

Виктор усмехнулся:

– Ничего, Саша... Дальше фронта не пошлют, больше пули не дадут... – процитировал он слышанное где-то выражение. – Я вот о другом думаю. Выходит, я шесть лет на врача учился, чтобы отлично фельдшерскую работу делать?!

За столом оживились. Особенно фельдшеры.

Старший врач, уже собравшийся пойти покемарить, остался.

– А что? Не устраивает?

– Вообще-то да! Не устраивает. – Носов нацедил из заварочного чайника полкружки густой заварки. – За этот год я сто двадцать раз промывал желудок, шинировал, бесчисленное число раз делал инъекции в разные места. И я по пальцам могу пересчитать вызовы, где бы мне приходилось в самом деле напрягать мозги, чтобы разобраться в проблемах больного. Я не говорю о реанимационных случаях. Но и они не особо нуждались в моем высшем образовании.

– Ну, тут я не согласен, – хмыкнул старший врач.

– Да в самом деле! – продолжал Носов. – В основном в серьезных случаях это – бери, обезболивай и вези! И чем быстрее довезешь, тем больше шансов, что больной выживет. Я точно могу сказать, что чем меньше мудрствуешь на вызове в одиночку, тем меньше проблем с больным. А для этого достаточно двух толковых фельдшеров мужского пола на бригаде.

– И что ты предлагаешь? – спросил старший, вновь собираясь отойти ко сну. – Оставить одних фельдшеров на скорой? Как в Штатах? А куда врачей денем?

– В больницы. – Носов полез в карман за сигаретой.

Володя Морозов усмехнулся:

– Это на полторы сотни в месяц? Ты уйдешь со своих двухсот семидесяти?

– Э! Виктор Васильевич! – повысила голос сидевшая у края стола диспетчер. – Курить идите на кухню. Не надо здесь!

Носов послушно потушил зажженную спичку и поднялся. А Морозов, перехватив у него гитару, снова сунул ее Костину.

– Что-то мы как лесорубы. Давай, Сашка, сбацай что-нибудь!

Тот жевал привезенную Морозовым с вызова мандаринку и сказал:

– Сейчас, доем, – а потом, вспомнив, что за столом присутствует еще и доктор Захарова, передал гитару ей: – Марина Ивановна, спойте вы.

Вилечка спросила:

– А почему как лесорубы?

Носов усмехнулся, пробираясь между столом и рядом кресел:

– А потому, что у лесорубов особенность такая – говорить в лесу о женщинах, а с женщинами о лесе!

Марина приняла инструмент и, подумав секунду, глядя в спину Носову, выходящему на лестничную площадку, запела:

– «Не уходи, побудь со мною...»

Ее сильный голос прошел над головой Носова и, отразившись от стен и потолка, вернулся в холл эхом. Кто-то засмеялся. У Вилечки сладко заныло сердечко, и она беспокойно заерзала. Ей хотелось пойти составить Вите компанию, но она не курила, а просто так вылезать из-за стола ей казалось глупым. Она прекрасно понимала, что доктор Захарова на самом деле никаких чувств, вроде огневой страсти, к Носову не питает, однако попавшая в ситуацию песня зажигала тихую ревность. Но, несмотря на томные призывы, Носов ушел на кухню. Вилечка дослушала романс из пушкинской «Метели» и приготовилась послушать еще что-нибудь, но Марина замолчала и передала гитару Костину. Подсевшая возле телевизора Женя Соболева покрутила громкость. «Огонек» заканчивался, и начинались «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». На Вилечку вдруг накатила усталость, глаза ее закрылись, и она, привалившись к морозовскому плечу, тихонько засопела. Еды на столе убывало, грязную посуду Женька собрала в горку и понесла на кухню.

В холл вдруг вбежал Носов.

– Бутылки уберите! – шепотом приказал он. – Контроль на подстанции!

Морозов переложил дремлющую Вилечку на плечо Бори Котова, а сам стал собирать в разложенную на диване шинель пустые и еще не пустые бутылки. Укутав все это в узел, крадучись утащил в фельдшерскую. Когда он вернулся, Носов покрутил у него перед носом карточкой.

– Едем. У нас ребенок – шесть месяцев, температура.

Морозов показал глазами на Вилечку:

– Оставим?

– Это при контроле? Давай в другой раз. – Виктору очень не хотелось тащить на этот вызов с собой уставшую Вилену, но нарываться на скандал хотелось еще меньше.

Морозов сбежал вниз будить водителя, а Носов, присев рядом с Вилечкой, зашептал в розовое ушко:

– Вставай, красавица, проснись! Открой сомкнуты негой взоры...

Вилечка сладко потянулась.

– Вызов, ды?

– Ды, – подтвердил Виктор. – Человеческий детеныш, шести месяцев от роду, затемпературил.

У диспетчерской они столкнулись с тем самым золотоочкастым доктором, что лез к ним в машину летом, когда самолет упал. Очкастый их не узнал, он, благожелательно улыбаясь, протянул руку:

– Дайте, пожалуйста, вашу карточку, доктор.

Носов протянул ее. Очкастый посмотрел время получения вызова бригадой, глянул на часы и вернул Носову. Прошло три минуты.

Морозов привел зевающего водителя, и они пошли в простывшую насквозь машину. Шел четвертый час ночи.

В квартире на вызове было очень жарко и шумно. Детеныш орал. Самозабвенно и старательно. Он орал на выдохе и вдохе, он закрыл глаза от удовольствия и, распахнув красные беззубые десны, так что во рту помещались оба его кулачка, орал, пуская слюнявые пузыри. Молодые нарядные родители сустились с градусником вокруг кровати.

Носов помыл руки горячей водой, чтобы согреть озябшие пальцы, и стал осторожненько ощупывать выпуклый красный животик. С животом все было нормально. Ребенок на носовские ощупывания отреагировал странно, он замолчал, агукнул и вдруг залился хихиканьем, особенно когда Виктор начал пальпировать мошонку, пытаясь найти паховую грыжу. Там ничего не было – ни яичек, ни грыжи. Как только наступила тишина, Носов вытащил из подмышки согретый фонендоскоп и стал выслушивать легкие и сердце. Детеныш на эту сверкающую штуку, которая щекотала не меньше пальцев, снова расхохотался. С легкими тоже все было нормально. Виктор в задумчивости склонился над кроватью. Он не любил детские вызовы, особенно младенцев. Вот что тут? Родители намерили температуру под тридцать восемь. С чего бы это? Пацан снова засунул оба кулака в рот, почмокал и, медленно расходясь, как сирена ПВО, завел старую песню. Носов попытался извлечь кулаки изо рта. Парень уступил, но тут же схватил носовский палец и больно прищемил его деснами, после чего сразу пустил обильную слюну.

Морозов дремал в уютном кресле, а Вилечка проявила неожиданный интерес и, склонившись над кроватью, сказала:

– А может, это зубы лезут?

Носов хмыкнул.

– Похоже. – Он поднес настольную лампу к лицу ребенка и стал внимательно разглядывать красные набухшие десны. Наконец внизу он увидел две беленькие точки. Пробивалась первая пара.

Родители обрадованно вздохнули. Лишних слов не требовалось.

– Вы потерпите или надо обезболить? – спросил Носов.

Родители пожали плечами.

– Мы уже напраздновались, – сказал молодой папа, – хотели спать, а тут Олег начал плакать. И температура поднялась.

Носов попросил чайную ложку, открыл ящик, достал ампулу анальгина и вытряхнул три капельки в ложечку, развел кипяченой водой. Младенец от горького анальгина стал плевать и орать еще громче. Однако, пока Носов описывал карточку, утих, некоторое время молча грыз большие пальцы на обеих руках, пытаясь туда же воткнуть и одну ногу, а потом в позе хенде-хох уснул, причмокивая пухлыми губками.

– Ну вот, – сказал Виктор, когда они вернулись в прогретую машину. – Слава богу, что в больницу везти не пришлось. А я уж поначалу расстроился. Хорошо бы я был, если бы их отправили из приемного отделения с прорезающимися зубами?

– А ты говоришь, врачи на скорой не нужны! – подцепил Морозов.

– И сейчас скажу. Не нужны! Это блажь чья-то, гнать врача к больному. Понимаешь? Вот тебе простое объяснение – здесь через три улицы детская больница, где минимум два педиатра дежурят. Родители взяли бы свое чадо да прогулялись туда. И был бы профессиональный осмотр, и не то что я, врач скорой помощи, фельдшер с высшим образованием, а специалист. Понимаешь?! И в деньгах это практически ничего бы не стоило. А так мы вчетвером только что полсотни деревянных выкинули псу под хвост! Согласен?

Морозов вынужден был согласиться.

– И еще, если здраво подумать, в идеале все неясные случаи надо везти в больницу, где малая кучка специалистов с аппаратурой и лабораторией за полчаса поставит диагноз, а если и не сможет, то оставит больного под наблюдение на несколько часов. Но, к сожалению, это пока все в будущем.

До утра они сделали еще пару вызовов, все, как говаривал Носов, – рутина. И в полдесятого разъехались по домам, поздравлять родных и отсыпаться.

Наступил восемьдесят пятый год.

Первое воскресенье после Нового года. Носов любил дежурить по выходным. Как правило, с утра все тихо, вызовов мало, что летом, что зимой. Народ просыпается и начинает болеть с полудня. Вот и в этот раз, приняв бригаду, Носов огорчился только из-за того, что по случаю эпидемии гриппа на подстанции открыли еще две дополнительные дневные бригады, для чего пришли машины с неотложки —

«Волги» санитарные, или, как их называли водители, – сараи. Во время эпидемии все трудятся по одному, особенно мужчины. Поэтому Вилечка ездила с Мариной Захаровой, а Носов, Морозов и многие другие особи мужского пола трудились в одиночестве, за исключением спецбригад.

Виктору достался сарай с незнакомым шофером. Они встретились в водительской, пожали руки друг другу, представились: Виктор – Владимир Михайлович – и, довольные друг другом, разошлись по своим делам в ожидании вызова. Номер их бригады был тридцать три – резерв.

Но, несмотря на тихое воскресное утро, народ с подстанции утекать на вызовы. Наконец очередь дошла и до Носова, который неизменно сидел на кухне, прижавшись к батарее, и цедил сквозь зубы крепкий чай, заваренный прямо в пол-литровой фарфоровой кружке, которую ему подарила Вилечка.

Диспетчер Катя Новикова, кругленькая, рыжая до неяркого свечения, вся в конопушках, называемая нежно и ласково Солнышком, приняла носовский вызов и сочувственно позвала его по селектору. Дверь в диспетчерскую была открыта, и Носов, не кланяясь окошку, зашел внутрь. Катечка протянула карточку и сказала, извиняясь:

– Поедешь в деревню Рогожино, это по Иваньковскому шоссе, и там будет поворот с указателем. В общем, их с этого года присоединили к Москве, мы их обслуживаем! Мужчина семидесяти двух лет – умирает! Вызывала дочь.

Носов присвистнул: ни фиги себе?! Туда минут тридцать добираться, а то и час! О чем они думают?

Тут спеша, не спеша, как судьба распорядится. Носов ничего не стал предполагать.

Повод к вызову – это только слова. Сколько раз он убеждался, что повод не совпадает с реальными событиями. Поэтому, приняв к сведению, что все вполне может быть и на самом деле, Витя нашел своего Владимира Михайловича сидящим в водительской у телевизора и спокойно пригласил его на вызов, не забыв, однако, уточнить, что пациент собрался умереть. Водитель выслушал адрес, почесал блестящую лысину и сказал:

– А я не знаю, как туда ехать. Придется искать.

– Значит, придется искать, – согласился Носов, и они пошли к машине.

На съезде с кольца Носов узрел затаившийся в засаде гаишный жигуль, они припарковались рядом, и водитель пошел уточнять, как найти деревню Рогожино, которая теперь вошла в состав Москвы. Он вернулся минуты через три и, довольный, сообщил:

– Порядок, третий поворот направо, на бетонку, а там еще километр – и деревня, но там грунтовка! Лейтенант сказал, что, пока морозы – дорога твердая, а в оттепель только на тракторе или грузовике можно пройти.

– Ну что ж, ежели что – толкну, – пообещал Виктор. Он хотел, еще когда выезжали с подстанции, закурить, но увидел огромную табличку на торпеде «Просьба не курить!», свинченную с такси, и, уточнив на всякий случай у Владимира Михайловича, действительно ли курить не надо, маялся от дикого желания затянуться.

С бетонки они съехали в две огромные колеи с окаменевшим бугром посередине, проложенные в чистом поле, и после третьего удара дном по этому горбу Михалыч попытался вырулить на него, а левым колесом съехать в целину или хотя бы на краешек дороги. «Волга» вдруг резко вильнула, слетая со скользкого бугра, и, погрузившись боком в рыхлый замороженный снег, стала. Левое заднее колесо лихо выкидывало снег, поднимая метель позади машины.

– Хана, – сказал водитель и, открыв дверцу, утонул в снегу по колено. Он, конечно, произнес другое слово, но «хана» соответствует ему почти полностью.

Носов вышел в колею и, козырьком приложив руку ко лбу, чтобы не слепило солнце, попытался разглядеть на горизонте деревню Рогожино. Вдали среди деревьев белели крыши деревенских домиков. Виктор сел в машину, немного согрелся, затем, выйдя, запахнул суконную шинельку, нахлобучил черную ушанку с кокардой СМП и красным крестом, извлек из салона ящик и сказал унылому водителю:

– Я пошел, если там хоть какая-нибудь машина есть, пришлю, но вы и сами ловите. Пока.

Водитель махнул рукой. День начинался плохо.

Носов похвалил себя за теплые шерстяные носки, надетые под любимые туристические ботинки с мощной рифленой подошвой, или, как он их называл, дерьмодавы. Все-таки ноги не замерзнут, надо только идти, а вот рукам хуже. Не было ни варежек, ни перчаток. Поэтому он правую руку засунул за обшлаг шинельки почти под мышку, а когда замерзала левая, то, перехватив ящик в теплую правую руку, он левую прятал в глубокий карман с дыркой, поэтому там тоже было тепло. Так, перекидывая ящик из одной руки в другую, он постепенно приближался к деревне. У первого же двора Виктор увидел невероятную картину: седой старик в одних портках и валенках с седой развевающейся бородой колот на морозе дрова. От красной спины шел пар. Топор со звоном раскалывал прокаленные морозом березовые поленья. Чурки от невероятных ударов разлетались в снег, и две приличные горки уже возвышались по бокам огромной колоды.

Носов подошел к остаткам забора и окликнул:

– Дедушка!

Старик остановился и обернулся.

– Это Рогожино?

– Рогожино, – подтвердил старик и крепко вогнал топор в колоду.

– А где мне найти Веселкина Петра Ивановича?

– А это я, – сказал старик и тут же пригласил: – Пойдемте в дом, что мерзнуть?

Носов послушно протопал сначала в сени, там отряхнул от снега ботинки и вошел в

просторное натопленное помещение. Старик сразу натянул на голое тело серый свитер крупной вязки, выпростал бороду из воротника и, повернувшись к Носову, спросил:

– А в чем дело?

Витя, протягивая ему карточку, сказал:

– У меня вызов, что вы умираете. Вот, мужчина семидесяти двух лет – умирает. Это к вам?

Старик отвел протянутую карточку, забрал у Носова из застывшей руки ящик и подвел к столу с самоваром.

– Вы не сердитесь, – сказал он, – это дочка. Ей некогда, а обо мне заботится. Вот опять скорую прислала. Ну а я, как видите, жив-здоров и пока умирать не собираюсь.

У Носова потемнело от ярости в глазах, дыхание перехватило. Это ж какой стервой надо быть!

– А сама она к вам приехать не может?

Старик развел руками:

– Выходит, не может. Вот прислала мне грузовик березовых дров, теперь колю. А сама никак не приедет – дела... – Он вздохнул, хотя по виду деда ясно было, что он уже и не надеется на приезд.

Носов не решался спросить, что ж мешает ей из Москвы, которую в ясную погоду, наверное, с крыши видно, приехать хоть в воскресенье? Да и какой же наглости и беспардонности надо набраться, что к здоровому, крепкому человеку прислать скорую на всякий случай? Он принял алюминиевую кружку с душистым чаем, забыв, что только полчаса назад как пил его, и стал отогревать руки.

– А вы как себя чувствуете? – на всякий случай спросил Носов, просто для очистки совести.

– Нормально я себя чувствую, по-стариковски.

– Может, давление померить?

– Ну, померьте. – Веселкин закатал рукав свитера. Как же эта рука была не похожа на привычные дряблые старческие конечности, покрытые пергаментной до хруста сухой кожей. Крепкая жилистая рука пожилого человека. Давление нормальное, пульс, несмотря на колку дров, как после сна. Носов сложил тонометр и спрятал в ящик.

– У меня машина застряла на дороге в снегу, – сказал он старику, который пошевеливал кочергой дрова в голландской печке, что стояла посреди горницы. – Здесь есть телефон или машина у кого-нибудь?

Старик закрыл дверцу, поставил кочергу на прибитый к полу лист железа и сказал:

– Нет здесь ни телефона, ни машины, сейчас попьете чаю, согреетесь, и пойдем доставать.

Носов удивился:

– Это как?

– Так, – старик поплевал на ладони, – руками.

Носов выхлебнул чай, ощущая, как тепло разливается по продрогшему организму, как отогревается кончик носа, и встал из-за стола. Старик протянул ему вязанные из той же серой, что и свитер, шерсти варежки.

– Это вам, берите, берите, сам вязал.

Носов взял варежки, поняв, что и свитер тоже сделан руками деда. Это что ж за натуральное хозяйство? Но задавать этот вопрос он не стал, а пошел следом, прихватив вспотевший в тепле ящик.

Старик Веселкин взял из сарая совковую лопату, лом и две широченных двухметровых доски. Доски он погрузил себе на плечо, а лопату вручил Носову.

После жаркой печки и чая, а особенно ощущая невероятный жар в вязанных рукавицах, Носов бодро шагал за летящим над дорогой стариком. Веселкин шел, как и был, в свитере, портках и валенках, облепленные снегом доски лежали на его плече, он их только придерживал, а лом качался в левой руке, перехваченный точно посередине. На руки старик

Веселкин все-таки надел точно такие же варежки, только размера на два побольше.

В машине никого не было. Носов подергал ручки – заперто, понял, что Владимир Михайлович пошел к шоссе ловить машину. Старик Веселкин положил доски рядом с «Волгой» и начал лопатой выгребать снег из-под машины. Носов хотел ему помочь, но лопата была одна, а старик в этот момент сравним был с небольшим экскаватором. Поэтому Виктор поставил ящик рядом с колесом в колее и зашагал в сторону шоссе на поиски водителя.

Владимир Михайлович, до костей продрогший в своей куртке-аляске, безбожно материвший и этот вызов, и эту деревню, и этот мороз, и всех проезжавших мимо водителей, обнаружился на перекрестке. Он увидел Носова и крикнул еще издали:

– Ну что? Нашел машину? – О вызове он уже не думал, видел он этот вызов на одном месте...

Носов покачал головой и улыбнулся:

– Нет. Там нет машин. Всего три дома. А что тут? Нет никого?

– Почему нет?! До хрена! Только никто не хочет помочь! Кто спешит, кто без троса. Черт! Воскресенье гребаное, хоть бы один грузовик! – Водитель перешел на крик: – А один гад червонец заломил! Сволочь. Я их что – кую? Эти червонцы?

– Ну, пойдем, – позвал Михалыча Виктор, – погреемся в машине, а мы пока обкопаем и доски подложим. Я помощника привел! Вытолкаем мы ваш сарай! Во! – И он, стянув с рук варежки, протянул водителю. – Дед дал, погреемся!

Михалыч всунул побелевшие руки в теплые рукавицы, и блаженство разлилось на физиономии.

– Класс! Ну, пошли. Будешь вместо трактора!

Когда они вернулись к машине, старик Веселкин уже обкопал снег вокруг левых колес, основательно утоптал его валенками, подложил под переднее и заднее колеса по доске и вырубал ломом канавку в срединном горбу колеи. Снежно-ледяное крошево брызгало от мощных ударов во все стороны. Работа спорилась. Старик, краем глаза увидев водителя, на секунду разогнулся и кивнул ему.

– Еще немного осталось, – сказал он, проведя варежкой по распаренному красному лицу. – Вот прокопаю путь для колеса – и порядок.

Носов протянул руку, чтобы взять лом у старика Веселкина.

– Давайте, Петр Иванович, я подолблю!

Старик не дал.

– Руки пристынут, а где варежки? – спросил он, увидев, что Носов опять с голыми руками.

– Водителю отдал, погреться, – объяснил Виктор.

Старик кивнул и продолжил молотить ломом, откалывая куски льда.

– Ты, доктор, лучше лопатой расчищай, там она у машины лежит.

Водитель уже заперся в сарае, завел мотор и отогревался. Минут через десять широкая ровная канава была пробита в горбу против правого колеса. Старик отошел в сторону и махнул водителю: давай!

Владимир Михайлович мягко поддал газку и, как будто не сидел в сугробе левым боком, выкатился на дорогу. Он вылез из машины и принялся собирать доски, что остались вдавленными в снег позади.

– Оставь! – крикнул старик. – Я заберу.

Но водитель все же вытащил доски и, сложив, подал старику, тот положил их, как и раньше, на плечо, Михалыч снял варежки и протянул, возвращая. Старик взял их, подержал и отдал Носову.

– Держи, доктор, на память. И не помни зла. – Он повернулся к водителю: – А ты сейчас лучше задом, прямо по колее, а там, на бетонке, развернешься.

Водитель кивнул, мол, ясный перец, так лучше всего!

Виктор закинул ящик в салон, поближе к печке, чтобы ампулы оттаяли. И перед тем

как сесть в машину, сказал отошедшему старику:

– До свидания! Спасибо.

Старик качнул рукой с ломом и, повернувшись, пошел домой все той же стремительной, летящей походкой. Седая борода его и волосы развевались на ветру, а Носов только сейчас заметил, что старик не надел шапку. Ему очень не хотелось уезжать. Он чувствовал невероятное восхищение этим необычным характером, старым, но не сдающимся человеком. Да и каким старым? Вот уж правда, нам года – не беда!

Михалыч, уже на шоссе, спросил:

– А что тот-то? Умер?

– Кто? – не сразу понял Носов.

– Ну, к которому вызывали?

– Да вот это он нас и вытягивал! – сказал Носов. – Здоров, как видишь.

– А что ж вызывал? Пошутил, что ли? – не понял водитель.

– Да нет, не пошутил, – сказал Виктор, – это его дочь так проявляет заботу о папаше. Сама приехать не хочет, так вот на всякий случай скорую посылает. – Отошедшая было ярость вдруг накатила с прежней силой. Обидно было даже не за себя, не за застрявшую машину и не за мороз, обидно было за старика, к которому проявляется какая-то формальная, не человеческая, а канцелярская забота. Вроде как галочку поставили. Этот пункт выполнен. Ведь родной отец! Носов достал из кармана варежки, крупная серая нить переплеталась в незамысловатый узор, шерсть грубая и кололась, наверное, оттого и было так тепло рукам. А может, и оттого еще, что теплыми руками они связаны и впелась в них частичка огромной души старика Веселкина.

Водитель молча помотал головой и, только уже въезжая на подстанцию, проговорил:

– Невероятный старик, не от мира сего, и такая дочь!

– Ладно, – сказал Носов, – не будем судить, что мы знаем о ней?

– И то верно, – согласился Михалыч.

В диспетчерскую Виктор отдал карточку с надписью «Ложный вызов» и рассказал всю эпопею, не упомянув о варежках. Ему почти сразу дали следующий рутинный вызов, и он уехал. Потом еще и еще... Где-то около пяти он приехал на подстанцию и увидел в списках отдыхающих Вилечкину бригаду, а саму Вилечку обнаружил на кухне. Она собиралась после чаепития обновить губки и уже приготовила карандашик с помадой, однако, увидев вошедшего Носова, все это убрала. Носов не любил вкус губной помады. Он вообще не очень терпимо относился к парфюмерным запахам. Ему нравились нежные духи с запахом сирени и ландыша, и он не любил мужских одеколонов, хотя и пользовался сам, но очень ограниченно. Особенно после случая, когда с одной молоденькой стажеркой, еще до знакомства с Вилечкой, он приехал к больной с бронхиальной астмой. Приступ на духи стажерки развился столь мощный, что Носову пришлось выставить ее за дверь и работать одному. Поэтому он старался никогда не курить перед вызовом, а только после и мало пользовался лосьонами и одеколорами.

В кухне, кроме них, никого не было. Носов наклонился к Вилене и поцеловал нежную щечку, а та пощекотала его ресницами и спросила:

– Чай будешь?

Носов в уме пересчитал объемы, выпитые за сегодняшний день, получалось не много, но и не мало: кружку утром, кружку у старика Веселкина, кружку после обеда, чуть больше литра...

– А ты будешь?

– Я только что попила, – сказала Вилечка, – просто с тобой посижу.

– Тогда я потом.

Виктор думал, рассказать ли ей про первый вызов, про удивительного старика и его подарок сейчас или оставить на потом? Когда они окажутся вместе не на работе и надо будет о чем-нибудь говорить. В этот момент включился селектор и голос Солнышка объявил:

– Доктор Носов, к телефону!

Виктор выскочил в коридор, недоумевая, кто может ему звонить, – мама? Что-нибудь случилось?

Солнышко протянула ему трубку и сказала тихо:

– Это она.

– Кто? – не понял Виктор.

– Ну, та самая, что к деду в деревню вызвала.

Носов взял трубку.

– Алло?

– Это вы сегодня ездили на вызов к Веселкину Петру Ивановичу в деревню Рогожино? – спросил начальственный женский голос. Это был голос директора завода, главка, школы или магазина. Таким голосом разговаривают завучи с двоечниками.

– Да.

Голос вдруг чуть-чуть потеплел.

– Ну, как он себя чувствует? Какое у него давление?

Носова скрутило от ненависти к этой женщине. Не зная, что сказать, он выдавил:

– Секунду, – и зажал ладонью трубку. Переведя дыхание и чуть-чуть успокоившись, он как можно равнодушнее сказал: – Вы знаете, он умер.

Солнышко побледнела, замахала руками – ты что? Ты что?

Не дожидаясь реплики с того конца, Носов положил трубку.

– Зачем? – только и сказала Солнышко.

– А затем, – ответил Носов. – Может, хоть теперь съездит к отцу, стерва. А то, видишь ли, забота о папочке, волнуется, видишь ли?!

– Ну, все равно так нельзя! – сказала Солнышко. – Этим не шутят.

– А с чего ты взяла, что я шутил? – раздраженно ответил Носов. – Мне совсем не до шуток. – Он вышел из диспетчерской.

В кухне Вилечка сразу почувствовала его состояние.

– Ты что такой колючий?

И Носов выложил ей всю историю от начала и до конца. Она посидела, помолчала и, положив на его руку свою маленькую ладошку, проговорила нежным голосом:

– Я думаю, ты не прав. Конечно, за деда обидно. Но это его семья и его отношения с дочерью. Ты не должен был ей этого говорить. Но что сделано, то сделано, – и вздохнула.

Носов понимал, что она права. Но в памяти стоял седой крепкий старик с топором в руках, развевающаяся на морозном ветру борода и свежие чурки в березовой коре. И варежки, что лежали в кармане шинели. Да, они должны делать свою работу, а эмоции – это лишнее. Это все должно идти мимо...

Спустя две недели, когда Виктор и Вилена встретились в выходной, наступила оттепель. Вилена шагала рядом с Носовым в раздумье, куда бы податься. Вдруг предложила:

– А что, если нам навестить того старика? Давай узнаем, как он там?

Носов, которого давно мучил этот же вопрос, согласился:

– Давай. Надо извиниться.

Они разыскали автобус, который идет по Иваньковскому шоссе в ту сторону, Носов помнил, что по бетонке ехали они километра два, а по грунтовке и того меньше. В общем, через полтора часа они уже топали по краю раскисшей колеи, и перед ними вырастала из чистого поля деревня Рогожино. Носов узнал первый дом старика Веселкина, кивнув Вилечке, показал:

– Вон его дом!

Они подошли вплотную. Дом был пуст. Окна заколочены, дверь заперта. Во дворе аккуратно вдоль стены сарая уложена давешняя поленница. Носов обошел вокруг дома. Тишина. Что же случилось?

– Может, его дочь забрала к себе? – предположила Вилечка. – Представь, ты ей объявил о его смерти, она примчалась сюда, увидела, что он жив и здоров, совесть в ней проснулась, и она забрала его к себе. А? Как говорит папа, совесть просыпается в

четырнадцатой серии.

Но Носов не засмеялся. Он готов был с ней согласиться, но кое-что не укладывалось в версию Вилечки. Не поехал бы отсюда никуда старик Веселкин. Тут он дома. И никакие заботы не вытащили бы его из своего рая, каким бы адом ни казался он его дочери. И видно было, что не погостить уехал он отсюда. Дом опустел насовсем. Когда уезжают на короткое время, окна досками не заколачивают...

От соседнего дома в сторону Носова и Вилечки направлялся мужичок.

– А вы чего это? Дом хотите купить?

– Да нет, – сказал Носов, – мы приехали к Петру Ивановичу Веселкину, – не знаете, где он?

– Петр Иванович? Да он умер, с неделю назад, – сказал мужичок и стал набирать дрова, складывая их на левую руку. – Вот дочка его приезжала, дрова мне продала и попросила за домом приглядывать, ежели вдруг покупатель найдется. Мы ж теперь в Москве!

Носов стоял ошарашенный этим известием. Вид старика, колющего дрова на морозе, в портках и валенках... А как он вытаскивал машину, очищал снег, колот лед? И его крепкая жилистая рука... Этот человек и вдруг вот так умер? Нет, не вязалось...

Вилечка повернулась к мужичку:

– Он что – болел?

Мужичок, набрав дров, собрался уходить.

– Да нет, здоровый был старик. Всегда все сам делал. Вот дров нарубил сам. И по дому сам.

– А что ж тогда так внезапно? – хрипло спросил Носов.

– Да кто ж знает? – пожал охапкой дров мужичок. – Дочка-то его давно забрать хотела, да он отказывался. Она ему все скорую вызывала, считай, каждое воскресенье... Он их встречал, чаем угощал и отправлял.

Носова при этом передернуло. Мужичок развернулся и пошел к своему дому. Виктор его окликнул:

– А где его похоронили?

– Не знаю, – отозвался тот от крыльца, – нашито все на Химкинском лежат, а куда его – не знаю.

Ничего не хотелось. Ни в кино, ни гулять. Настроение было препоганым. Носов, нахмуясь, шагал к шоссе, рядом почти вприпрыжку бежала Вилечка, повиснув у него на локте. Наконец она взмолилась:

– Ну не беги ты так! Я не успеваю.

Носов сбавил темп. Он еще некоторое время шагал молча.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала вдруг Вилечка. – Ты винишь себя в его смерти. Так?

– Почти, – пробурчал Виктор. – Эх, если бы я не брякнул тогда? Это все, конечно, суеверия, но я суеверный человек. Я не могу избавиться от мысли, что сглазил деда. Хотя и не очень верю в сглаз. Я врач – прагматик. Деду семьдесят два года. Он полное право имеет умереть просто так. Но я же видел его, он абсолютно здоров... был! Вот и станешь тут суеверным, – добавил он спустя еще несколько минут.

Вилечка ничего не ответила, помолчала и, пытаясь собрать в ясные слова одолевавшие мысли, сказала:

– Я, конечно, не могу судить о нем, болел он или был здоров... Но я знаю одну историю, мне мама рассказывала. Так вот ее бабушка, которая ее воспитывала, бабушка Марфа, дожила до девяноста лет и до последнего момента была здорова и активна. Она держала свое маленькое хозяйство, там, в деревне, в Рязанской области, а мама к ней ездила каждый отпуск, навещала. В последний мамин приезд бабушка ни на что не жаловалась. Мама была с ней, помогала ей по дому. Бабушка приготовила ужин и легла подремать, пожаловалась, что устала. А когда мама ее стала будить через полчаса к ужину, оказалось, что та умерла во сне. Тихо и спокойно. Ты понимаешь? Нет никакой связи между тобой и

им. Просто ему пришел срок. И не казни себя. Все это только совпадения.

– Да, – сказал Виктор, – совпадения... Но ведь зачем-то все это совпало? И то, что я приехал, и его подарок, и мой ответ его дочери, и наш приезд сюда. Зачем?

– Я не знаю, – пожала плечами Вилечка, – и никто не знает. Может, просто, чтоб нам впредь была наука, что делать и что говорить?

– При чем тут ты? – угрюмо проговорил Носов. – Это мне наука.

– Нам наука, – повторила Вилена упрямо, – я ж с тобой! – И прижалась к его плечу. – А вообще что значит «зачем»? Зачем мы вообще?

Подошел автобус, они сели и поехали в Москву.

Глава 4

Игроки, абитуриенты

В середине июля Вилечка, как и еще девять фельдшеров, работавших на подстанции, подала документы в мединститут и принесла старшему фельдшеру справку на двухнедельный учебный отпуск. Тот схватился за голову. Пора отпусков, и еще десять человек выбывают на две недели. Кто ж работать будет? Наскрести бы еще хоть по одному работнику на бригаду. Некоторым, тому же Носову, тому же Морозову и еще кое-кому, можно предложить поработать в режиме сутки через сутки хотя бы пять-шесть дежурств... Заставлять, естественно, нельзя, но попросить – можно. Ребята понятливые, выручат.

С Носовым говорил Стахис. Двумя словами обрисовал ситуацию и предложил на август взять еще четверть ставки к уже имеющимся полутора. Носов, у которого месяц назад мама вышла на пенсию, а деньги нужны были всегда, согласился. Морозов же сам пришел к старшему фельдшеру и попросил подкинуть дежурств, потому как он женился весной, это все знают, и нужно поднабрать деньжонок на мебель. Любезный старший фельдшер Иван Афанасьевич даже не ожидал. С остальными было ненамного сложнее. Костин в четвертый раз поступал в институт, он выпадал из круга интереса, Золочевская малость покочевряжилась и согласилась на условия, что в сентябре она получит пять дней свободного пространства, чтобы поправить подорванное интенсивным трудом здоровье. Белобрысый Валька Гусев, пришедший вместе с Виленой на подстанцию, оказался комиссованным от армии по состоянию здоровья, в институт пока не собирался и брать на себя больше полутора ставок тоже не хотел, но при этом согласился работать в одиночестве. За себя и того парня. Боря Котов и Женя Соболева согласились трудиться в любом графике, лишь бы в одну смену. В конце концов Иван Афанасьевич с горем пополам составил график на август, глядеть без слез на который было невозможно...

Летом, как правило, вызовов меньше, чем в любое другое время года, но и летом бывают свои безумные дни, когда вся больная Москва сходит с ума и вызовы сыплются пачками... В журнале диспетчера на подстанции их набирается десяток, полтора, два десятка. Старший врач начинает обзванивать болеющих, чтобы хоть немного выяснить важность и первоочередность, это давало небольшой эффект. Иногда он делал невероятное: определив для себя несколько несложных вызовов, где было более или менее все ясно, он садился на первую попавшуюся фельдшерскую бригаду и объезжал их по определенному маршруту, как врачи неотложки. А однажды вечером, когда на подстанцию как гром среди ясного неба вдруг разом за полчаса обрушились три десятка вызовов, – Носов с Морозовым в этот момент курили в стеклянной пристроечке у входа, – им одновременно пришла в голову мысль разгрузить этот завал. Диспетчер им уже сунула по карточке, водители запустили двигатели, а Виктор, затянувшись в последний раз, сказал Володе Морозову:

– Ну что, боец-сверхсрочник, покажем салагам, как надо работать?

– Запросто! – ответил Морозов и шлепнул по подставленной Виктором ладони. – Водил предупредим?

– Как хочешь! – крикнул уже на ходу Виктор, стараясь попасть окурком в мусорный контейнер. Водители были во дворе, РАФы готовы к старту.

Задуманный ими сценарий не был новостью для скорой, исполнять его могут только ярые энтузиасты и хорошие опытные спецы. Молодые и стажеры для этого не годятся. Смысл прост – все надо делать предельно быстро, при условии, что не надо отвозить в больницу. В этом случае влетевший в эту неприятность участник игры узнает телефон вызова партнера и сообщает тому, что выбывает на некоторое время.

Носов получил вызов: женщина сорока пяти лет – плохо с сердцем в десяти минутах езды от подстанции, Морозов тоже женщину, шестидесяти лет – плохо гипертонику, расстояние примерно такое же. Цель игры – кто больше наделает вызовов, пока оба не встретятся на подстанции, в этом случае выигравший отдыхает очередь проигравшего. Носов на вызове провел не больше пятнадцати минут, ровно столько ему нужно, чтобы разобраться в проблемах сорокапятилетней женщины. После чего последовали три укола в разные места, внутрь дано пятнадцать капель концентрата валерианы, действующего сильнее седуксена, пять минут на писанину в карточку и отзвон, он тут же получает следующий вызов: мужчина пятидесяти двух лет – почечная колика, колом скатывается по лестнице в машину, общее время тридцать две минуты! Поехали на следующий! Через четыре таких вызова одуревший от скорости выкатывания водитель молит: «Ну посиди ты там, хоть полчаса!» – «Низя, – говорит игрок, – слишком большие задержки, вызовов много на подстанции!» Через три-четыре часа игры на подстанции накапливается народ, перегруз разобран, игроки приезжают на подстанцию, начинается разбор. Обычно он заканчивался в пользу Морозова. Носову по причине его врачебности подсовывали детские вызовы, а там быстро не поработаешь... В конце концов они договорились, что если у Морозова на один вызов больше, то это ничья, а уж если на два, то это чистый выигрыш! Если же поровну – то выиграл Носов. Проигравший отдает очередь.

В этот вечер выиграл Виктор, но правом своим он воспользоваться не сумел, ему снова дали детский вызов, и он уехал в далекую больницу с подозрением на аппендицит. Вернулся уже под утро, когда все собрались на подстанции, и торговаться со спящим Морозовым было просто глупо.

Пока Носов, играя, работал, а работая, играл, Вилечка готовилась и сдавала вступительные экзамены в институт на вечерний лечебный факультет. Конкурс составил три целых пять десятых человека на место. Парни ходили среди девушек-абитуриенток, кто в армейской форме, кто в штатском, спокойной и уверенной поступью. На всех были нацеплены разного размера комсомольские значки. Им проходной балл обеспечен. Девушки глядели на них с нескрываемой завистью. Мандраж пробирал нешуточный: первый профилирующий экзамен – химия.

Вилена приехала рано утром, за час до экзамена, и хотела пройти в первых рядах. Она терпеть не могла оттягивать экзамен до обеда. С утра все еще довольны, бодры и преподаватели и студенты, ранних птичек уважают, ценят. А уж на химии Вилена рассчитывала получить не меньше четверки. В аудиторию запустили первую партию, отобрали экзаменационные листы с паспортами и сложили их на столе секретаря. Вилена зашла вместе с тремя парнями и еще одной девушкой. Все выбрали билеты, сели.

Задача оказалась невероятно тухлой и фигурально, потому что там в результате цепочки органических превращений образовывался сероводород, и реально, потому что количественного анализа произвести Вилена не смогла. Она решила легко и непринужденно окислительно-восстановительные примеры, расписала все формулы, касающиеся возможных соединений алюминия, нарисовала колонну крекинга и описала процесс, ни на строчку не отклонившись от учебника органики за десятый класс. Эх, вот только задача подвела! Что же делать?

Парень, что сидел перед ней, тупо глядел в совершенно белый лист бумаги. Вилечка с немалым удовольствием оглядела свою пачку исписанных листов, но нерешенная задача портила все удовольствие.

За столами сидели два преподавателя, невысокий бородатый мужчина лет пятидесяти и полная пожилая женщина в очках. Мужчина допросил с недовольным видом одного из

парней, брезгливо поставил какую-то закорючку в экзаменационном листе и выпроводил абитуриента за дверь, затем встал и, наклонившись к полной женщине, прошептал: «Я покурить...» Женщина кивнула.

Как только за бородатым препом закрылась дверь, сидящий впереди парень встал и пошел отвечать.

Вилена прислушалась. Разговор был негромкий, и приходилось напрягать слух.

– Но вы ж не ответили ни на один вопрос... и задачу не решили.

Бу-бу-бу... Аргументов парня Вилена не слышала, он сидел спиной к ней. Вдруг она увидела, что женщина достала общую, прошитую пружинкой тетрадь и сказала:

– Переписывайте отсюда задачу.

И бестолковый парень начал резво переносить текст и формулы из тетрадки на свои листы.

Благородный гнев вскипел в груди Вилены Стахис. Ах так?! Мало того что они пользуются привилегией из-за того, что парни, так им еще и помогают?! Какая подлость! Она во все огромные глаза смотрела на творящуюся несправедливость. Но молчала. Парень наконец перекатал задачу, полная женщина взяла его листки и сказала:

– Позовите дежурного.

Парень молча вышел из аудитории, вошел дежурный, кто-то из студентов, и забрал экзаменационный лист, в котором явно светились пятерки. Вилена решительно поднялась и пошла на освободившееся место. Какой-то из парней за ее спиной, рванувшийся было, осел назад. Вилена протянула женщине свои листы, та не без удовольствия проглядела их, задала пару малозначащих вопросов и сказала удручающе:

– Но ведь вы задачу не решили. Я не могу вам поставить отлично.

Вилена потупила глазки и тихо сказала:

– Я тоже не смогла ее решить.

Полная женщина поглядела на нее и, вынув ту же тетрадку, перевернула на другую страницу и, вздохнув, сказала:

– Переписывайте задачу в свой лист.

Так Вилена благодаря везению и находчивости получила пятак по профилирующему экзамену.

Она в тот же вечер рассказала эту историю полусонному Носову, который с утра подремал три часика и помчался на свидание с любимой.

– Все нормально, малыш, – сказал Носов. – Не бери в голову. Игра должна идти на равных. Ты погляди на Галю Ракову: десять лет стажа, шестой раз поступает в институт. Кто больше достоин учиться? Она или тот обалдуй, который отвечал перед тобой? По-моему, это очевидно. Но я не удивлюсь, если она пролетит и в этом году. А то, что тебе повезло, прими как награду и учись. Теперь ты все сдашь.

Однако пока уверенности в душе у Вилечки не было. Впереди было коварное сочинение. Уж тут-то глазками не похлопаешь. Как ни напиши, все равно у экзаменаторов есть козырь в кармане – не раскрыта тема, или отыщут недостающие запятые. А Вилечка не так боялась ошибок, писала она довольно грамотно, как именно нераскрытия. И по какой теме готовиться? Этот вопрос ее мучил больше всего. Носов пораскинул мозгами.

– Знаешь что? Я думаю, на сто процентов одной из тем будет война. Ведь в этом году была сороковая годовщина Победы, так что готовься и не ошибешься.

Он принес ей несколько книг Бондарева, Симонова, среди толстых томов «Малая земля» смотрелась детсадовской книжкой. Вилечка брезгливо подержала ее двумя пальцами.

– Литература времен застоя?

– Ни фиги! – сказал Носов. – Я благодаря ей получил за сочинение четыре балла! А она тогда только вышла. Так что ты держишь мое любимое произведение современной советской литературы. Ясно? – И грозно сдвинул брови.

Вилена расхохоталась. Она кинула книжки на стол и потянулась сладко и соблазнительно. Носов не удержался, руки сами обхватили ее гибкую талию, а Вилене

оставалось только сомкнуть объятия на шее Вити. Дома никого не было. Отец и мама на работе, а бабушка уехала к подруге. Им никто не мешал.

За два дня до экзамена, по совету Носова, Вилена начитала литературу по войне. Все предреченное сбылось! Одна из тем: «Роль КПСС в Великой Отечественной войне». Вставляя в каждый абзац сокровенную фразу: «Под руководством коммунистической партии советский народ...», Вилена вымучила два листа сочинения. Дважды проверила его, убрала слишком длинные предложения и переписала начисто, после чего сдала экзаменатору. Приехав сдавать биологию, Вилена продралась сквозь толпу к спискам отчисленных абитуриентов. Своей фамилии она там не нашла, сразу стало легче. Поднявшись на третий этаж и смешавшись с заметно поредевшей толпой, она попыталась выяснить, когда они получают экзаменационные листы. В шуме голосов прорезалось: «Теперь евреев будут резать... кто прошел на первых экзаменах...» Она обернулась на голос, но никого, кто мог бы это сказать, не заметила.

Ей наконец показали стол в конце коридора, на котором лежали пачки экзаменационных листов. За столом сидел дежурный студент с красной повязкой на руке. Вилена подошла и назвала свою фамилию. В экзаменационном листе, против графы «Сочинение», стояла четверка. Она быстро прикинула: по диплому у нее четыре с половиной, и еще девять, уже тринадцать с половиной, а нестройный хор голосов за спиной утверждал, что проходной будет меньше шестнадцати, то есть даже два тройка обеспечат ей поступление.

На этот раз в первых рядах ей проскочить не удалось. Экзамен начался позже обычного, и перед аудиторией выстроился приличный хвост. Вилечка заняла очередь. В комнате, где толпились сдавшие, несдавшие и несдававшие абитуриенты, вдруг усилился шум, и многие потянулись к окнам. «Скорая» приехала! Кому заплохело? Вилечка оставила очередь и протолкнулась к окну. Здесь было не так душно, но ощущался крепкий табачный дух, поднимавшийся снизу. В тесном заднем дворе, среди кучек ребят и девушек медленно полз, пробираясь к крыльцу для курящих, скоропомощный рафик. Вилена вернулась в очередь в коридоре. Вдруг она увидела, что, огибая стоящих, к ней идет Носов.

– Ты? Но как?.. – Она забыла поздороваться.

– Отвозили в пятьдесят девятую и решили заехать, – сказал Виктор. – Ну как ты?

– Еще не сдавала, – ответила Вилечка, – но скоро.

– Тогда я ждать не буду. – Виктор поцеловал ее в щечку, не замечая окружающих, и Вилечка покраснела. – Поеду. Ни пуха ни пера!

– К черту, – сказала Вилечка.

– Я тебе вечером позвоню! – крикнул Носов на ходу. И едва он скрылся за поворотом на лестницу, подошла очередь Вилечки.

Она взяла билет, мельком просмотрела его и пошла готовиться. Шпаргалок у нее не было. Вилена терпеть не могла шпаргалок, просто потому, что не умела ими незаметно пользоваться, но первым делом она внимательно осмотрела стол. Оставленные предшественниками шпоры были страшнее мин. Она делала это открыто, не садясь, выгребла пачки комканных бумажек, сложенных гармошкой листиков и так же открыто отодвинула это на край стола. Потом села и начала готовиться. Экзаменаторов за столом сидело четверо, среди женщин выделялся один круглолицый мужчина чуть старше Носова, с черными вьющимися волосами и большой залысиной ото лба с хохолком посередине. Он как-то мельком оглядел Вилену в цветастом платье и потом, пока она сидела и готовилась, несколько раз поднимал на нее глаза. Вилена перехватила его взгляд и решила про себя: или пан, или пропал, но идти надо к нему!

Она заканчивала описание последнего ответа, как вдруг к ней шумно устремилась одна из экзаменаторш. Краснолицая от жары и раздражения, она подбежала к Вилечке и потребовала:

– Доставайте шпаргалку!

Вилена от неожиданности вздрогнула.

– У меня нет никаких шпаргалок! – звенящим от возмущения голосом ответила она.

Преподавательница заглянула под стол. Там было чисто. Она с сомнением и разочарованием оглядела Вилечку и сказала:

– Идите отвечать, если все знаете!

От обиды у Вилены готовы были появиться слезы. Но она мужественно переборола их, встала и пошла к экзаменаторскому столу.

Пока Вилена готовилась, одна из экзаменаторш вышла, и мужчина, пересев на стул рядом с краснолицей женщиной, стал внимательно слушать ответ. Женщина продолжала держать на лице маску недовольства и недоверия. Она косилась на мужчину, а тот, словно не замечая, внимательно слушал Вилену и еле заметно кивал. В общем, ему нравились и Вилечка, и ее ответ. Женщина раздражалась все больше и больше. Наконец она прервала рассказ Вилечки о динозаврах и сказала: «Ну ничего, но больше тройки я поставить не могу». Теперь настала очередь мужчины удивленно уставиться на экзаменаторшу, он крикнул и сказал:

– А вот скажите, – он заглянул в экзаменационный лист, – Вилена Германовна, а что вы знаете о строении цветка?

Вилена улыбнулась и затараторила: цветоножка, цветоложе, пестик, тычинки, завязь, взяла лист бумаги и бойко нарисовала схему оплодотворения двумя пыльчинками... Мужчина слушал ее с явным удовольствием. Он повернулся к все больше раздражавшейся женщине и сказал:

– Я думаю, что девушка заслужила четыре балла.

– Но она запуталась в схеме эмбриогенеза и неправильно перечислила периоды палеозойской эры!

– Зато отлично ответила на дополнительный вопрос!

Экзаменаторша вспыхнула:

– Тогда сами и ставьте ей оценку!

– Пожалуйста. – Мужчина поставил Вилене в экзаменационном листе четыре и расписался. – Успехов вам, – сказал он, отдавая листок.

Уже выходя, Вилена услышала шипение экзаменаторши: «Я вынуждена поставить вопрос о вашем поведении на парткоме кафедры, Валерий Абрамович!» Ответ Валерия Абрамовича до нее уже не долетел. Поначалу она светилась от счастья: еще одна четверка! Невероятное везение. Подбежали ребята и девчонки. Ну как? Сдала? Она выдохнула – да.

Один прокомментировал:

– Повезло! Должны были срезать. Наверное, Пушкарь выручил?

Вилена пожала плечиками:

– Не знаю, но меня бы точно завалили, если бы не какой-то Валерий Абрамович.

– Пушкарь, – с неожиданным раздражением сказал все тот же абитуриент, – он своих вытаскивает. Москаленко валит, а он вытаскивает!

– Но почему? – возмутилась Вилена.

– Ты что, с луны упала? У них распоряжение сверху ограничить приток евреев в институты.

Вилена пожала плечами:

– Так я русская, у меня мама русская.

– Ты это в синагоге расскажи. Здесь это никого не волнует. Это в Израиле ты русская, а здесь нет.

– Глупость какая-то! – снова пожала плечами Вилена. Она старалась радоваться успеху, сдаче экзамена, но последний разговор в коридоре изрядно портил настроение.

Она не стала бродить среди сдавших и несдавших, а выскочив из института, поехала на подстанцию. Ей обязательно надо было поделиться с кем-нибудь близким. Ни с отцом, ни с мамой, ни, особенно, с бабушкой она говорить об этом не могла. Ей нужен был Виктор.

Носов только-только приехал с вызова и перекуривал в стеклянном предбанничке, увидев Вилену, он обрадовался:

– Сдала?

Она кивнула. Увидев, что она не сияет, как обычно, Носов насторожился:

– Что случилось?

Вилена рассказала ему всю эпопею с экзаменом и про Валерия Абрамовича и разговор в коридоре. Носов выслушал ее не перебивая, а потом сказал:

– Не думай об этом, малыш. В жизни много несправедливостей. А если и пролетишь в этом году, в следующем будешь поступать как Носова, и таких придилок уже не будет. А сейчас не расстраивайся! Мало ли дураков на белом свете? Хороших людей все равно больше. И на всякую Москаленко найдется свой Пушкарь.

Вилена, которой, пока она рассказывала, хотелось реветь, уткнувшись Носову в шею, рассмеялась.

– Слушай, а ведь там, когда я уходила, начиналась баталия, – сказала она. – Съедят Пушкаря.

– Не съедят, – успокоил Носов, – я его знаю. Когда я учился, он у нас был ассистентом. А кандидатскую защитил через три года после окончания института. Этот парень мало того что талантливый, у него надежное прикрытие.

Мимо них прошел Володя Морозов, тоже вернувшийся с вызова. Он увидел Вилену и спросил:

– Сдала? – а увидев кивок, сказал: – Я сейчас был на «Дагвине», дали два мерзавчика коньяка, пойдем с чайком отметим?

– А, пошли! – сказал Носов и, обняв Вилену за талию, повлек за собой на кухню.

Там Морозов, пока они ждали, когда закипит чайник, порезал тонкими ломтиками любительскую колбасу, розовую с мелкими сочными жиринками, потом мягкий, только что купленный в булочной батон за восемнадцать копеек, расставил кружки и, как фокусник, неизвестно откуда извлек стограммовую бутылочку коньяку с тремя звездами на этикетке.

– А папа тут? – спросила Вилена.

– Он сегодня не в графике, – ответил Носов. – Во всяком случае, с утра не был. Володя, ты Виленке налей грамм так пятнадцать! Пусть стресс снимет, а мы по десять капель в чай. Ты не против? – спросил он Вилену.

– Когда это я отказывалась? – лихо спросила она.

– А когда это я тебе предлагал? – подозрительно спросил Носов. – На фоне борьбы с пьянством и алкоголизмом я вношу свой маленький вклад. Вилена, запомни, – сказал он с напускной серьезностью, – женский алкоголизм не лечится!

Глядя на них, Морозов укатывался.

– Ладно, милые, это вы потом решите, без меня! – сказал он и скрутил маленькую пробочку с бутылки. Плеснул на доньшко в Вилечкину чашечку. – Хватит?

Вилена кивнула.

– Ты сегодня обедала?

– Даже не завтракала, – сказала Вилена и процитировала латинскую пословицу: – Сатур вентур ин студит либентур!

Морозов сунул ей бутерброд. В заваренный чай себе и Носову накапал коньячку.

– Ну, будем? Сколько тебе осталось сдавать? – спросил он, когда Вилена проглотила коньяк. Она зажевала жгучесть коньячного спирта бутербродом и ответила, перекатив кусок за щеку:

– Фыжику.

– Так, а сегодня?

– Биологию!

Морозов вопросительно глянул на Носова и занес бутылочку над чашечкой Вилены во второй раз. Носов кивнул. Володя еще раз плеснул на дно.

– А теперь за биологию.

Они подняли свои кружки с чаем и отхлебнули по глотку. В кухню залетела Женечка Соболева. Она повела носом и спросила:

- Коньяк? А по какому поводу?
- Вот, Виленка биологию сдала!
- Я сейчас, – прозвенела Женечка и улетела за чашкой.

Через несколько секунд она вернулась, неся в руках кулек с печеньем и сахаром и чашку. Увидев, что Носов с Морозовым пьют чай, от которого поднимается коньячный пар, сказала:

- Мне тоже в чай, можно?

Щедрая душа Морозов и ей накапал для аромата. Чай он заваривал из большой зеленой железной банки из-под английского «Липтона». Они давно уже выпили его, этот подаренный на каком-то вызове чай, а в банку насыпали обычный «Бодрость». Носов занимал свое любимое место, Вилечка сидела напротив, а Морозов пододвинулся, освобождая место для Жени. Та повозилась, устраиваясь на стуле, и наконец сказала:

– Ну, я готова. – Они еще отхлебнули по глотку, а Вилечка осушила чашечку. В голове у нее зашумело, глазки засветились мечтой, все неприятности сегодняшнего дня улетели. Она положила щечку на кулачок и стала смотреть на Витю.

Морозов, чтобы занять всех хоть чем-нибудь, спросил:

- А какой проходной балл?

– Говорят, не больше шестнадцати, – пьяненьким голоском ответила Вилечка, – я уже набрала.

- Значит, если пару на физике получишь, все равно пройдешь?

Вилена задумалась.

- Шестнадцать и два – восемнадцать? Значит, пройду! – И засмеялась.

Хмель быстро проходил. Она вдруг ощутила зверский голод и набросилась на недоеденный бутерброд, потом протянула руку и отхлебнула из полулитровой кружки Носова чаю, чтобы проглотить.

- А, ты тут?

В дверях стоял заведующий подстанцией.

Виленка моментально протрезвела.

- Тут, папа. А что?

- Да нет, ничего. Как сдала?

- Четыре.

- Ну?! Молодец!

Герман прошел на кухню и, как Женечка, пошевелил коротким носом.

- Что пьете? Чай?

Морозов показал банку из-под «Липтона».

Герман сказал:

- Я на подработку вышел. Женя, сяду на твою бригаду. Все есть?

Женька отрапортовала:

- Ящик укомплектован, автомобиль заправлен, Герман Исаевич!

- Молодец, хвалю. – Герман протянул руку к кружке Носова. – Не возражаешь?

Носов махнул рукой:

- Пожалуйста.

Герман крупно глотнул, поставил чашку и, взяв в руки банку с чаем, стал внимательно ее разглядывать.

- Английский, значит?

- Угу, – сказал Морозов.

Герман поставил банку на стол.

- Что-то звездочек не видно! Не увлекайтесь, орлы!

Морозов показал полмерзавчика:

- Мы только в чай.

- Ну-ну.

Заведующий повернулся к дочке:

– Мама дома ждет, езжай. Они ведь с бабушкой волнуются. От тебя ни слуху ни духу. С утра уехала и пропала!

Виленка прожевала еще один бутерброд и сказала:

– Сейчас, папа. Еще чуть-чуть.

Герман махнул рукой и ушел к себе. Вилена крикнула ему вслед:

– Маме позвони, скажи, что я тут!

– Естественно, – глухо донеслось из коридора.

По дороге на вызов Виктор завез Вилену домой.

В подъезде он ее поцеловал, от Вилечки нежно пахло духами «Диориссимо» и коньяком.

На следующий день они встретились снова. У Вилены опять начинался предэкзаменационный мандраж. Теперь к нему присоединилась и боязнь, как бы не возникло проблем на национальной почве. Когда пришел Виктор, она сидела над учебником физики за девятый класс.

– Ну что? – спросил Витя. – Как физика?

– Не знаю. По билетам отвечаю, – сказала Вилечка, – а вот если начнут каверзы строить?

Носов понял ее состояние.

– Малыш, я тебе уже говорил, в каждом экзамене всегда есть элемент везения, причем во вступительных его гораздо больше, чем в семестровых. Понимаешь? Тебе фантастически везло до сих пор, почему должно перестать теперь? Ты думаешь, экзаменатору приятно валить студента? Это не так. Конечно, придурки везде есть, но порядочных людей больше. Уверяю тебя, если твой экзаменационный лист попадет в руки нормальному экзаменатору и ты хорошо ответишь, да так, чтобы твой ответ слышали другие, никто тебе пару не поставит, а тройка хватит для поступления.

Вилечка успокоилась. Она посидела над учебником, потом закрыла его и сказала:

– Все равно ничего в голову не идет. Давай куда-нибудь сходим?

Виктор, ощущавший фантастическую легкость в организме от пяти дежурств через сутки и мечтавший больше всего отоспаться, предложил:

– Я, может, выгляжу полным идиотом, но что ты скажешь, если мы съездим на Клязьминское водохранилище или в Химки? Чертовски хочется искупнуться, но в Химках и на левом берегу вода с мазутом, а в Клязьме почище.

Вилена обрадовалась:

– Сейчас, я только купальник надену! – Она залезла с головой в шкаф и через секунду вынырнула с маленькими цветастыми тряпочками. Взялась за завязки халатика и сказала: – Отвернись, пожалуйста.

Носов улыбнулся:

– Это точно! Если я не отвернусь, то нам придется остаться, – и отвернулся.

Вилена быстренько разделась и натянула купальник.

– Ну как?

Носов повернулся:

– А с чего это ты взяла, что я теперь не захочу остаться?

Вилечка покрутила попкой в сверкающих плавках.

– Фигушки! Едем! Потерпишь еще три дня. Сейчас самый опасный период!

Уже выходя из квартиры, Виктор сказал:

– Знаешь, я где-то потерял бумажник.

Вилена огорчилась:

– Денег много?

– Да нет, трешка. Но там была твоя фотография... – Виктор наклонился и поцеловал ее. – Прости меня, я такой лопух!

Виленка засмеялась:

– Никакой ты не лопух! Тебе просто надо отдохнуть.

Физику она сдала без приключений. Билет достался простой, задача еще проще. Вилена отвечала с таким безразличием к своей судьбе и уверенностью, что экзаменатор молча выслушал ее, исправил ошибку в формуле, описывающей колебательный контур, поглядел в экзаменационный лист и поставил четыре. Только закрыв за собой дверь аудитории, Вилена поняла, что стала студенткой!

Глава 5 Последняя осень

Утром Носов принял, как всегда, двадцатую бригаду, и к нему села Вилечка Стахис. У нее, как у каждого студента-вечерника, был один свободный день, в который она и выходила на дежурство. Теперь они редко совпадали графиками, но, когда совпадали, их ставили вместе... Носов никогда не просил, но диспетчеры не бестолковые люди. Он дорабатывал еще две недели и увольнялся. Виктор уходил работать в больницу.

Морозов открыл свою – двенадцатую и трудился один... Если все будет нормально и никто из работников не заболеет, в семь Носов откроет вечернюю бригаду, а в одиннадцать ночи к нему подсядут и Морозов с Вилечкой...

Они встречались почти каждый день. Ходили в кино, гуляли в парке Покровское-Стрешнево или уезжали в центр и бродили по старой Москве. В четыре Вилечка бросалась в метро и ехала в институт, а Носов или ехал вместе с ней и ждал ее во дворе, пока стояло тепло, или возвращался домой, если были дела.

Летом, как только кончился обязательный двухлетний срок работы по распределению, Виктор подал документы в ординатуру.

Заведующий подстанцией огорчился и порадовался. Он подписал заявление Виктора о служебном переводе в больницу и спросил:

– Подрабатывать будешь?

– Обязательно, – ответил тот. – Куда ж я от вас и Вилечки?

Герман улыбнулся, подумал: «И чего они тянут?»

Стахис не мешал им, и Носов уже довольно часто бывал у них в гостях... Пили чай с круглым дырявым пирогом с медом, который готовила мама Германа, Ольга Яковлевна... Носов слушал ее необычный говорок, смотрел, как она всплескивала пухлыми ручками, когда рассказывала про своего безвременно ушедшего Изю, про их горькие приключения, про маленькие, но неизменные радости... Раньше для Носова тема репрессий в России была тайной за семью печатями. Он слышал об этих событиях не больше других, поэтому для себя решил не судить о том, чего не знает. Мама Анастасия Георгиевна никогда не рассказывала о первом муже. На вопрос Вити «Кто это?» при разглядывании ее старого фотоальбома с пожелтевшими фотографиями она отвечала: «Мой первый муж, он умер». На вопрос же «От чего?» отвечала коротко – сердце.

Утренние вызовы – это остатки ночных. Носов разбирался в тяготивших людей проблемах, лечил, развозил по больницам, не забывая при этом пообниматься и поцеловаться с Вилечкой, которая в машине послушно сидела в салоне в большом удобном кресле, завернувшись в черную суконную шинельку. Носов не пускал ее на переднее место. Она просовывалась в открытое окошко в переборке и тихо мурлыкала ему на ухо, как сытая кошка, просто от чувства полноты жизни. Виктор уже давно познакомил Вилену с мамой, раньше, чем сам вошел в семью Стахис.

Анастасия Георгиевна очень приятно встретила Вилену, глядя на изящную девочку, она умилялась и за столом подкладывала ей кусочки пирога или торта. Анастасия Георгиевна была ненамного моложе бабушки Вилены, и, хотя они были немного знакомы, Вилена воспринимала ее не как маму Виктора, а как бабушку. Но особенно радушно Вилену встретила рыжая Динка, она изо всех сил мотала лохматым хвостом и влюбленными глазами смотрела на нее, пока Вилена сидела на кухне, а на ее коленях лежал длинный Динкин нос. Носов говорил строго:

– Что собака делает на кухне? – и Динка, понутив голову и развесив уши, убредала в прихожую, на середине пути останавливалась и оглядывалась: может, передумали и я могу вернуться, но Виктор строго смотрел на нее, и Динка уходила совсем на коврик в прихожей, там долго крутилась на одном месте и наконец с тяжелым вздохом падала всеми мослами на пол. Когда Носов и Вилена впервые остались вдвоем в квартире Носова, Динка с любопытством наблюдала за их поведением, но, как только их игры дошли до апогея, засмущалась и ушла. Больше она ни разу не зашла в комнату, где Виктор был с Виленой.

На подстанции их отношения не были секретом, но работать вместе они могли, только пока не были женаты. Таковы неписанные правила скорой помощи.

Их водитель на дневной бригаде, Толик Садич, давил на педали, крутил баранку и не вмешивался. Ну, любовь! Ну и что? Дело молодое... А Носов вона куда махнул, ухаживает за дочкой заведующего... Ну и пусть. Девочка весьма призывная, не красавица модель, но смотреть приятно.

Вечером Носов отсел от Вилечки, открыл ночную бригаду и должен был работать соло до одиннадцати... Носов не расстроился особо... Но все-таки таскать восьмикилограммовый ящик маленькой девочке Вилечке... Было в этом что-то несурзное, выходящее за рамки нормы... Она ему однажды призналась, что некоторые из водителей ходят с ней, специально чтобы носить эту тяжесть, да и на всякий случай... мало ли что. Прошло полтора года, срок немалый для фельдшера скорой помощи, и она уже прошла боевое крещение: успешно сняла отек легких у дедушки с повторным инфарктом и весьма толково повела себя, когда остановили на улице гаишники при массовой катастрофе – перевернулся автобус с рабочими; к счастью, все остались живы, а ушибов и переломов хватало! Но один случай встал в ее скорпомощной практике на особое место...

Днем она возвращалась из далекой третьей инфекционной больницы по Кольцевой. Машин было мало, и дядя Володя (Владимир Михайлович Меринов) летел под сотню, забыв, что ему до пенсии остался всего год. Вдали на дороге поднимался черный дым...

– Горит чего-то, – сказал Меринов, – сейчас подъедем, увидим.

В дорожном кармане горела зеленая армейская ТЗМка (топливозаправочная машина), и вокруг нее на приличном расстоянии толпился десяток мужиков с маленькими автомобильными огнетушителями в руках. А рядом с кабиной ТЗМ лежал водитель в зеленом бушлате, и огненные ручейки медленно охватывали его в пылающее кольцо.

Вилечка выскочила из рафика, следом пыхтел Меринов. Они вклинились в толпу шоферов.

– Что горит? – спросила Вилечка.

– Мазут, – ответил кто-то из шоферов.

– А что случилось?

– Кто ж знает. Похоже, ему заглохло, он стал принимать на обочину, да не рассчитал и рубанул цистерной о столб... мы позже подъехали, он уже лежал, а мазут горел...

Водитель ТЗМ лежал неподвижно у левого переднего колеса, а к нему медленно подбирался горящий ручеек, полыхало уже под топливным баком...

Шоферы толпились, поливали горящий мазут из ручных огнетушителей, базарили:

– Надо бы вытащить мужика-то!

– Да как его вытащишь, вон как горит!

– Сейчас рванет бак, – сказали в толпе.

На Вилечку вдруг что-то нашло, она подбежала к рафику и, откуда только силы взялись, рванула вверх заднюю дверь, выдернула с направляющих носилки и в три прыжка доскакала по чистому от огня участку до лежащего на земле водителя горящей машины... На этом чистом участке, отрезая обратную дорогу, немедленно образовалось копящееся озерцо. Ей орали и махали руками, но она, упираясь в колесо ногами, закатила тяжелое непослушное тело на носилки и, повернув их в направлении толпы, где уже бегали со шлангами подъехавшие пожарные, толкнула изо всех сил. Носилки на колесиках благополучно выкатились из огненной стены, мужики приняли их, сорвали горящий бушлат с лежащего

водителя, а на Вилечку вдруг обрушились потоки ледяной воды и пены... Ослепленная, она побежала в образовавшуюся брешь, ее перехватили, стали укутывать во что-то жесткое, пахнущее хлоркой, она попыталась отбиться, но голос дяди Володи говорил укоризненно:

– Пигалица! Что ж ты делаешь?! А если бы рвануло?

У нее начался страшный озноб от холода и страха, пришедшего потом, после всего, и она заревела, уткнувшись в жесткое колючее одеяло с носилок... В этот момент раздался взрыв, ТЗМ запылала веселее...

Не приходящего в сознание водителя забрала другая бригада, подъехавшая вместе с пожарными...

Она заехала домой переодеться, а на подстанции получила мощнейший выговор от отца, который устроил ей выволочку – сначала как отец, а затем и как начальник... Сгоряча хотел ее даже снять с линии, но она упрямо мотала головой и повторяла: «Я не уйду...» А потом Носов, которому все рассказали водители и диспетчеры, молча сунул ей на кухне огромную кружку горячего чая с коньяком... и сказал тихо:

– Ты молодец... Но больше не делай так, я прошу.

Она смотрела на него глазами полными слез, и даже мелкие бусинки повисли на ресницах.

– Он же мог погибнуть... – хлюпнув носом, пробурчала она в кружку.

– Могла погибнуть ты, – сказал Носов, – а для меня это важнее... Ты прости меня, но, когда ты его укладывала на носилки, он уже был мертв...

Вилечка побледнела.

– Как же так?..

– Он умер, еще когда вываливался из машины, – сказал Носов, вздохнув. – Наверное, острая сердечная недостаточность. Хорошо хоть остановиться успел...

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросила Вилечка.

– Звонил диспетчеру на Центр, – ответил Носов, – готовься, вынесут благодарность за героизм на пожаре... А я просто запросил, куда его повезли, и мне сказали – второй судебный морг...

– Ну и что! – упрямо сказала она. Слезы вдруг высохли. – Мне некогда было его осматривать. Ну неужели ты думаешь, что все это имеет какое-то значение...

Да, думал Носов, и теплое чувство нежности разливалось в груди, не имеет это никакого значения. На том стоим...

– А благодарность... Знаешь, мне не нужно никаких благодарностей, – тихо сказала Вилечка. – Ты-то ведь понимаешь, что ни о каких благодарностях в этот момент не думаешь... – А потом ворчливо проговорила: – «Больше так не делай...» Интересно, я что, каждый день попадаю на такие случаи?

Носов привлек ее к себе, погладил по темной гривастой головке и, заглянув в огромные затуманенные глазищи, поцеловал.

– Конечно, понимаю, малыш.

В этот момент диспетчеры, которым стало скучно, прохрипев и прокашляв селектор, объявили:

– Доктор Носов! У вас вызов... Тринадцатая бригада!

Носов отобрал у Вилечки остатки остывшего чая и, сделав мощный глоток, зашагал к диспетчерской.

Вилечке и в самом деле через два дня на утренней конференции Стахис лично зачитал благодарность от начальника пожарного управления Москвы. Ее поздравляли, шутили, что положена медаль «За отвагу». Но многие все-таки сошлись на том, что только такие пионерки могут кинуться в огонь очертя голову. А Меринов чертыхался и штопал прогоревшие носилки суровыми нитками...

После того случая Вилечка как-то спросила Носова:

– Как ты думаешь, что нас заставляет здесь работать? Ну ведь не только же зарплата...

Носов задумался, очень хотелось ответить, что зарплата совсем немаловажный фактор,

но он понял Вилечкин вопрос и шутить не стал.

– Ты понимаешь, я не могу в двух словах объяснить, но вместо этого расскажу про один эксперимент, что мы провели, еще когда я учился на третьем курсе. – Вилечка устроилась поудобнее в кресле. Носов достал сигарету. – Не против, если я закурю? – Вилечка махнула ладошкой – кури. – Так вот. Я тогда занимался в СНО – студенческое научное общество на кафедре физиологии. А должен сказать, что тогда, да и сейчас, кажется, одна из тем кафедры была «Вызванные болевые потенциалы». Суть исследований заключалась в том, что изучались электропотенциалы мозга в ответ на болевые раздражители. У кроликов! – пояснил Носов в ответ на немой Вилечкин вопрос. – Метода была такая: кролику вживляли электроды в мозг, подтачивали резцы, на них вешали электроды, на которые импульсами подавался ток. Кролик испытывал острую зубную боль, а эти потенциалы суммировал компьютер и рисовал кривую ВП (вызванного потенциала). А затем вводились разные препараты. Ну, в общем, ты поняла?

Вилечка кивнула.

– Но я все это рассказываю вот к чему. Сидели мы как-то за чаем после очередной серии в лаборатории вечером, я с другом, ассистент Сережа Шумаков и доцент Громов, и разговор вдруг пошел насчет парапсихологии, экстрасенсов и прочих околonaучных вещей. Мы спорили, но не так, что каждый стоял своим, а скорее это был диспут, где каждый пытался найти хоть какую-то мало-мальски понятную гипотезу, объясняющую чувствительность. Шумаков тогда высказал идею, что человек может чувствовать выделяемую другими людьми в пространство информацию. Но не всегда может ее понять, осмыслить. Из этого появилась такая мысль – посадить студента спиной к кролику, заставить его решать задачи, тесты, снимать с него различные показатели с мозга, сердца, кожи и кишечника, при этом кролик будет испытывать боль. Эмоции, испытываемые им, страдания, выплескивающиеся в окружающее пространство, должны восприниматься студентом и отражаться в изменении биопотенциалов. Ты поняла?

Вилечка кивнула. Носов продолжил:

– Так вот, мы тогда провели около сотни студентов по этой методике.

– И что? Получилось?

– Получилось, – сказал Виктор. – Больше половины достоверно отреагировали на боли кролика, не зная, что с ним. А часть отреагировала очень остро. Громов тогда сказал: вошли в резонанс. Понимаешь, повышенная максимальная чувствительность к чужой боли и страданиям не может быть без резонанса. Интересно, как ребята описывали свое состояние: душно, в туалет хочется, тревожно, сушит во рту и похожие реакции. Никто не знал про кролика, но те, кто вошел в группу положительных реакций, ощущали себя довольно неуютно.

– Ну и к чему ты это рассказал? Думаешь, мы с повышенной чувствительностью? – спросила Вилена. – Как-то не вяжется. Мы же все циники, в большей или меньшей степени.

– А отчего? – Носов усмехнулся горько. – Это же защитная реакция. Весь цинизм слетает, когда попадаешь в серьезную ситуацию. Ты о другом подумай, что нас всех держит на скорой и в медицине вообще? Подсознательное желание прийти на помощь? И больше всего – это то чувство удовлетворения, когда все удается. Ведь так? С чем можно сравнить радость и удовольствие оттого, что спас чью-то жизнь? А с чем можно сравнить беспомощность и боль, когда человек умирает, а ты не в состоянии ему помочь? – Носов затянулся, помолчал, выпуская дым в сторону от Вилечки. – А цинизм – это все напускное. Маска всего лишь.

В одиннадцать Морозов сдал дневную бригаду и запрыгнул к Носову, который получил вызов «плохо с сердцем». И они укатили, не дожидаясь, пока Вилечка передаст бригаду другому составу. Пусть посидит поужинает...

Водителем у них был Рифат Сагидуллин, маленький татарин, причем почему-то совершенно не похожий на татарина, только иногда, когда у него было хорошее настроение, он раздвигал в разные стороны высокие скулы, щурил глаза и говорил, изображая чукчу:

«Моя понимай, начальник. Баранка крути, дорога ехай... Какая такая магазин? Не положено!» – и поднимал палец. Но это все шутки. Рифат учился на юридическом факультете заочно и уже перешел на четвертый курс, а к учебе относился очень серьезно. Носов, возвращаясь с вызова в машину, еще ни разу не видел его не читающим учебник или конспекты...

На вызове все оказалось очень серьезно. Сорокапятилетний мужчина, держась левой рукой за грудь, сжимал в правой телефонную трубку – сил положить ее уже не имел. Дверь он открыл еще до того, как дозвонился до скорой. Видно, понимал, что дело плохо... Они сразу разложили его на полу и, встав на колени рядом, занялись каждый своим делом: Носов раскручивал провода кардиографа, а Морозов набирал наркотики и собирал капельницу. Уже через пять минут на кардиограмме нарисовался здоровенный инфаркт, и Носов, перехватив у Морозова флакон с раствором, скомандовал:

– Иди за носилками!

Володя послушно отдал капельницу доктору, который добровольно встал вместо штатива, и побежал к лифту. В квартире больше никого не было, видно, мужчина жил один.

Рифат занес носилки в комнату, решительно отодвинул к стене стол и установил их рядом с лежащим на полу мужчиной. У того уже порозовели губы, и он даже пытался улыбнуться... «Все нормально, ребята! Мне уже лучше». Они втроем аккуратно подхватили его и уложили на носилки, после чего понесли к лифту... Рифат шел сзади, а Носов с Морозовым, ухватив по ручке, впереди. Кое-как занеся носилки в грузовой лифт, они спустились на первый этаж... Носов продолжал держать капельницу, и они сели в салон вместе. Рифат включил им большой свет, Морозов подвесил флакон к специальному держателю. Неслись в ближайшую больницу.

Они успели. В машине мужчина попытался еще раз потерять сознание от пробуждающейся боли в груди, но Носов решительно пресек эту попытку – ввел кубик морфина. Больного приняли в кардиоре-анимации, деловито разглядели пленку, покачивая головой: «большой, большой»... Увезли в палату, обклеили датчиками, повесили новые капельницы... И, как всякий раз, Носов выдохнул напряжение...

В начале первого они выехали из больницы на подстанцию. Еще когда Виктор получал вызов, в одиннадцать, Вилечка поймала его в раздевалке (Носов доставал из заначки последнюю пачку «Явы») и, как только он повернулся к ней, прыгнула и прижалась к нему всем телом, обхватив руками и ногами, как обезьянка. Она посопела ему в ухо и прошептала:

– Уже две недели, и ничего...

Носов сперва не понял.

– Как это две недели, а вчера? – Потом до него стало доходить, но он спросил на всякий случай: – Чего – ничего?

Вилечка покрутила глазищами, объясняя бестолковому доктору, «чего – ничего».

– Да, – сказал Носов, – здорово. – Он проговорил это без эмоций, в нем боролись сразу два чувства – и радости и тревоги... Жизнь делала крутой поворот.

Вилечка почесала нос о щетинистую щеку Виктора и спросила спокойно, будто ничего не произошло:

– Что делать будем?

Носов прокашлялся и сказал:

– Пока не знаю, надо подумать... У нас ведь есть время?

– Есть, – кивнула Вилечка и прижалась еще крепче.

Носов поцеловал ее и, взяв под мышки, приподнял, как ребенка.

– Давай я сейчас съезжу на вызов, пока подумаю, а ты тоже подумай, как нам легализоваться?

Вилечка встала на ноги и спросила:

– В каком смысле?

Носов ее не отпускал.

– Ну, ведь рано или поздно нам бы пришлось перейти на легальное положение,

расписываясь или нет... А жить, я думаю, можем у нас...

Вилечка вскинулась:

– А у нас что, нельзя? У нас трехкомнатная квартира, можно и у нас!

– Ну конечно! – Виктор ее еще раз поцеловал. – Только надо все спокойно взвесить... Прости, но я должен ехать... Ты посиди пока, подумай... И я тоже подумаю, потом обсудим спокойно, – говорил он уже на ходу, пятясь задом к двери...

И вот, возвращаясь на подстанцию за ненаглядной, он думал... Видимо, как они ни подгадывали, как ни пытались избежать нежелательного, природу не обманешь... Только бы эта дурындочка не решила на прерывание, а то сейчас подружки насоветуют... Маточные стимуляторы достать не проблема... Потом расхлебывай... Но как Герман отреагирует? Вряд ли будет прыгать от радости, да и Мария Ивановна его...

Мария Ивановна, Маша – красавица, сероглазая блондинка, годы ее не меняли, да и нечего там было менять, ведь ей только-только минуло сорок... А к Носову она относилась с какой-то странностью... Вроде и симпатизировала, но в то же время как-то сказала Вилечке, что с Носовым ей лучше дела не иметь... И Виктор поначалу записал ее в махровые интриганки... Однажды, кажется во второй его приход к Стахисам, почти год назад, Мария Ивановна, уловив момент, осталась с Виктором с глазу на глаз. Она взяла его за руку и так поглядела на него, что Носов встревожился, да не просто встревожился. Мария Ивановна всегда дружелюбная, спокойная. Носов любовался, наблюдая их отношения с Германом. Создавалось такое впечатление, будто они только вчера поженились... И Носов никак не мог понять, что такого сверхважного Мария Ивановна хочет ему сказать? Может, шутит или разыгрывает? Однако Мария Ивановна очень грустно сказала:

– Вы хороший человек, Витя, и мне симпатичны. Но поверьте, не выйдет ничего хорошего у вас с Виленой.

Такого поворота Носов не ожидал. Будто что-то оборвалось внутри. Во рту вдруг пересохло и язык не шевелился. Он ничего не мог сказать, потом выдавил:

– Почему это? – Рядом с Марией Ивановной он чувствовал себя пацаном, мальчишкой, ровесником ее дочери. – Слишком стар?

– Ну, если вам, Витя, такое объяснение подходит, считайте, что да, меня беспокоит разница в возрасте. Хотя дело не в этом... – Мария Ивановна на секунду отвела глаза, а Носов встревожился не на шутку. Он вдруг почувствовал: она что-то недоговаривает. А потом разозлился:

– Я не мальчик, Мария Ивановна, да и Вилена не ребенок, я ее люблю, серьезно и честно. Это не флирт, верите вы или нет. И мне жаль, что вы так думаете. У Вилены, может, и первая любовь, не знаю. По идее этот возраст должен был бы уже пройти. А у меня, поверьте, не первая, и я очень хорошо понимаю, где симпатии, а где настоящее чувство. Не стану ни клясться, ни божиться, это все глупо, но я ее люблю, по-настоящему. И плевать я хотел на эту разницу, как и Вилена!

Мария Ивановна вздохнула и ответила:

– Ну что ж, все в вашей воле. Пусть будет как будет...

Во всей этой беседе было что-то странное. Никак не вязались тяжелые и непонятные слова с голосом и видом Маши, но Носов ничего не замечал. От обиды ему даже смотреть на нее не хотелось.

А потом все было очень мило и пристойно. И ни разу больше Мария Ивановна ни с Виленой, ни с Виктором, ни с Германом не завела разговора о нежелательности дружбы своей дочери и Носова.

После этого странного разговора Носов ходил оглушенный, настолько его поразили ее слова, но было уже все равно. Он любил, любил нежно и глубоко... И в конце концов это странное пророчество и разговор ушли в глубины памяти...

Рифат ехал не спеша, время от времени осматривая переулки, мимо которых они проезжали, не подкарауливает ли какая-нибудь бригада, чтоб сесть на хвост? Морозов, как всегда, дремал в кресле. В салоне было тепло, Рифат исправно топил.

Носов сказал совершенно спокойно:

– Да куда же он едет?

Рифат начал поворачивать голову направо, и в этот момент страшный удар буквально вышвырнул его через открывшуюся дверь на дорогу. Рифат прокатился по инерции и завожился в грязи, пытаясь встать. Смявшийся, словно был из бумаги, рафик двигался боком мимо и, ударившись о столб, стал сгибаться вокруг него. Над рафиком выползла уродливая зеленая морда ЗИЛа-131 с решетчатыми фарами. Рифат вскочил, не чувствуя боли, и рванулся к рафику, но ноги вдруг стали отказывать... К нему подбежали, помогли подняться, Рифат, ничего не понимая, рвался к скорой и когда наконец обнял ее, опираясь руками о капот истерзанной машины, увидел... Но сил уже не было понять.

– Посмотрите в салон, – прохрипел он и тут увидел, что из-под огромного зиловского бампера на дорогу стекала кровь и смешивалась с пылью и грязью, скатывалась в комки и отблескивала в фонарном свете красноватой чернотой...

– Мне надо на подстанцию, – сказал он.

Прохромал к ближайшим «жигулям», вставшим у обочины, и, повернувшись к набравшимся свидетелям катастрофы, сказал снова:

– Мне надо на подстанцию, тут рядом, отвезите...

Вилечка бродила по коридору на первом этаже, она уже перечитала все объявления, еще раз повторила инструкцию по кодированию карточки, выпила весь чай и ждала, ждала...

Вдруг хлопнула наружная дверь, и в холл вошел, опираясь на какого-то постороннего мужчину, серый и грязный Рифат Сагидуллин. Вилечка рванулась к нему:

– Что случилось?!

Но Рифат молча ее оттолкнул и, зайдя в диспетчерскую, закрыл собой дверь изнутри, опершись о нее.

– Ребята погибли, – тихо сказал он. – У стадиона.

– КАК?!

– ЗИЛ... в лепешку... – Он побелел и стал оседать на пол.

Диспетчеры засуетились, вызвали по селектору старшего врача. Тот отодвинул Вилечку, что скреблась у двери, и, быстро осмотрев лежащего без сознания Рифата, сказал:

– Четыре ребра, коленная чашечка и мощное сотрясение... Похоже, шок, торпидная фаза. Вызывай «восьмерку». Они здесь?

До Вилечки вдруг стал доходить смысл происходящего, она ворвалась в диспетчерскую и закричала:

– Где?!

Одна из диспетчеров, дозваниваясь заведующему домой, сказала:

– У стадиона.

Рифата уже уносили в машину... После наркотиков он стал приходить в себя, но вдруг заплакал, глядя на Вилечку... Она спросила:

– Что с ними, Риф?

А он что-то зашептал по-татарски и закрыл глаза...

Около изуродованного рафика и нависшего над ним ЗИЛа первой остановилась бригада Сашки Костина и Марины Золочевской. Сашка выскочил из кабины, с одного взгляда поняв, что в носовском рафике все кончено, подбежал к ЗИЛу и стал вырывать из-за руля мертвецки пьяного водителя. Тот спал, положив голову на руль... Похоже, он даже не заметил аварии. Сашка кульком выволок мужика в черном промасленном комбинезоне, достал из кармана флакон с нашатырем и, сорвав с головы пьяного вязаную шапочку, обильно смочил ее, а потом натянул прямо на слюнявую раскисшую рожу.

Марина обошла изувеченный рафик и попыталась открыть вколоченную переднюю дверь... Она видела через разбитое стекло белое, без кровинки, лицо Носова, искаженное молниеносной мукой. А что там в салоне? Морозов, наверное, спал, как всегда...

Костин дождался, пока пьяный начал судорожно стаскивать шапочку, помог снять и, поставив стоять, с ненавистью глядя в белые пустые глаза, врезал в челюсть. Пьяный упал.

Сашку сзади схватили за руки, он оглянулся и увидел милиционера, тот сказал:

– Не надо... Все равно не поймет...

Костин дернулся и заорал:

– Из-за этого гада ребята погибли! Ты понимаешь, он убил их!

– Все равно, – сказал милиционер, – он узнает... завтра. Но бить не надо. Во всяком случае, здесь и сейчас... – добавил он тихо.

Милиционер отпустил Сашкины руки и, подхватив пьяного, потащил к машине ГАИ, засунул на заднее сиденье.

Подъехал на стареньком «москвиче» внезапно разбуженный Герман Стахис. Милиционеры отогнали ЗИЛ, а водители скорой (все проезжающие мимо бригады останавливались) с монтировками пытались открыть заклиненные двери. Наконец их вытащили, положили на подставленные носилки. Герман смотрел на то, что осталось, и ком в горле мешал ему отвечать на вопросы. Он махнул рукой: увозите, увозите же.

К месту аварии пешком пришла Вилечка и, увидев искореженный рафик, как сомнамбула подошла к отцу и спросила:

– Они умерли? Оба?

Герман прижал ее к груди и, преодолевая ком в горле, сказал хрипло:

– Оба.

Он отвез ее на подстанцию, привел в свой кабинет, вытащил из тумбочки стола початую бутылку коньяку и, плеснув полстакана, выпил не поморщившись, потом на треть налил еще и протянул Вилечке:

– На, выпей.

Она покрутила головой и хлюпнула носом.

– Выпей, так надо.

Он спустился в диспетчерскую и сказал:

– Дайте мне их координаты. Надеюсь, ведь еще не звонили?

Диспетчеры дружно подтвердили, что никому не звонили. Герман взял бумажку с записанными на ней адресами и телефонами Носова и Морозова.

Когда вернулся в свой кабинет, оказалось, что Вилечка выпила коньяк и, забившись в уголок дивана, плакала... Он хотел подойти к ней... но передумал и сел за стол, положив голову на руки.

Утром в кабинет зашел старший врач. Вилену ночью отвезли домой.

– На конференцию идешь?

Герман махнул рукой:

– Проведи сам, мне не до того... – и показал на лежащую перед ним бумажку с телефонами, – надо позвонить...

Старший врач понимающе кивнул: это проблема. У Виктора одна мать, пожилая женщина, как ей сказать? У Морозова жена молодая на шестом месяце...

В конференц-зале висела мрачная тишина, сотрудники тихо переговаривались, обсуждали ночное событие. Старший врач вышел за трибуну и сказал:

– В общем, так. Вы все знаете, что случилось... Погибли врач Виктор Васильевич Носов и фельдшер Владимир Владимирович Морозов. Вместо разбитой машины придет резерв. Все подробности – завтра. А сегодня давайте работать.

И ушел из зала.

Стахис поймал его в коридоре.

– Я не могу звонить. Поехали. Расскажем.

Их хоронила вся Московская скорая, так рядышком и положили. На Архангельском кладбище. Все было: и речи, и памятник, и ограда... Кто-то вспомнил, что такое бывает очень уж часто, почти каждый год... А проезжая мимо того места, каждый водитель скорой сигналил, отдавая маленький долг памяти отличным ребятам.

Часть вторая Посеявший ветер

Глава 1 Та, что не стала эпилогом

Герман со старшим врачом на следующий день после аварии ездили сообщить о гибели родственникам. Анастасия Георгиевна приняла сообщение о гибели сына на удивление спокойно. Она зашла в комнату, села на диванчик и сказала:

– Ну вот и все.

Герман со старшим врачом переглянулись. Старший пробормотал вполголоса:

– Думаешь, аффект?

– Не знаю... не знаю. Не похоже, – ответил Герман. Смотреть на Анастасию Георгиевну было тяжело. Динка стояла в коридоре между врачами и то одному, то другому поддавала носом по рукам, прося почесать, но, видя искаженные болью и скорбью лица, отошла, легла в углу на коврик, положила морду на лапы и тоненько засвистела носом, жалея всех на свете.

– Анастасия Георгиевна, мы соболезнуем, смерть Виктора тяжелая потеря для всех нас...

Осиротевшая мама Виктора закрыла лицо руками и беззвучно плакала. Старший достал из кармана облаточку с успокаивающими, выдавил таблетку и протянул ей.

– Выпейте.

Анастасия Георгиевна положила таблетку в рот, проглотила. Старший выдавил еще пару и положил на крышку серванта.

– Это на вечер, не забудьте.

– Анастасия Георгиевна, вы ни о чем не беспокойтесь, мы все сделаем сами, – сказал Герман, – когда все решится, позвоним.

Они уехали. У Володи Морозова все было тяжелее и хуже. Жена в истерике, родители. Крики, слезы, плач. Успокаивающие таблетки, валерьянка и корвалол...

Выполнив тяжелую миссию вестников смерти, заведующий подстанцией и старший врач вернулись на подстанцию. Предстояло собирать деньги, оформлять документы о смерти и вообще помогать родственникам погибших.

Водитель Рифат Сагидуллин остался жив благодаря плохим дверным замкам в рафике. Рифат десять дней пролежал в больнице, потом еще месяц отбюллетенил дома, вышел на работу, откатал две недели и уволился, никому ничего не объясняя.

После выписки из больницы его четырежды вызывали свидетелем к следователю, и, когда при последнем допросе следователь стал явно все сводить к невнимательности Рифата, тот понял, что пьяницу, убившего ребят, хотят если не оправдать, то значительно снизить ему степень наказания.

На подстанции народ закипал. Писались гневные письма начальнику отделения милиции и в прокуратуру, собирались подписи. А на суде вдруг откуда-то выплыла справка, что в крови водителя ЗИЛа обнаружены лишь следы алкоголя, а он просто устал, оттого и уснул за рулем. Когда Сашка Костин у следователя попробовал заикнуться, что от водилы несло, как от спиртовой канистры, следователь сунул ему заявление какого-то шибко принципиального прохожего, который видел, как врач скорой помощи избивал водителя грузовика, и посоветовал молчать в тряпочку, а то возбудить новое дело легче, чем закрыть старое. Прокурор ни словом не обмолвился о том, что грузовик вылетел из темного переулка и шел с незажженными габаритными огнями, что на выезде висел знак «уступи дорогу», зато сделал акцент, что машина скорой ехала без спецсигнала. В общем, становилось ясно, что правды не видать как собственных ушей после третичного сифилиса.

Стахис мотался между отделением милиции и подстанцией, оформил дочери неделю за свой счет, потом она вышла на дежурство, а вечером ее напарник Сашка Дорофеев, отправив

Вилену домой, пришел к старшему врачу, который подрабатывал на линейной бригаде, и сказал, что с Виленой Стахис проблемы. Сашка не знал, как объяснить то, что его насторожило. Он мялся, жался и наконец выдал:

– Она о чем-то думает и как будто ничего не слышит. Ей говоришь, а она только и отвечает «ага» или «нормально». Ну, я понимаю, что беда случилась, но ведь мы-то живые вокруг. И уж если она вышла на работу, то надо работать. А то реагирует с третьего раза, говоришь «Место запроси», а она пять минут стоит у аппарата, потом приходит и молчит. Я спрашиваю: «Куда дали?» А она: «Не знаю». Может, ей еще надо отдохнуть?

Дома на странное поведение Вилены внимания поначалу никто не обращал, вроде как понимали – психическая травма, стресс, надо пережить. Отцу было некогда вдумываться в поведение дочери, матери, как тогда казалось, – тоже, и только Ольга Яковлевна заходила вечерами в комнату Вилечки, садилась с вязаньем в кресло и тихо вздыхала.

Старший в тот раз принял сообщение фельдшера Дорофеева к сведению и Герману рассказывать ничего не стал, просто в очередное воскресное дежурство Вилечки вышел на работу и вписал ее к себе на бригаду. Однако вечером он привел ее в свой кабинет и, посадив на стул, сказал:

– Тебе нельзя работать.

Раньше на такое заявление Вилена вспыхнула бы, заспорила, но то раньше, а теперь даже не вздрогнула, только тихо, себе под нос, спросила:

– Почему? – Она не подняла глаз, которые, что ни от кого не скрывалось, утратили былую яркость, точно уменьшились и потускнели.

– Не могу объяснить, – сказал старший врач, надеясь, что сейчас увидит хотя бы подобие сопротивления, агрессию, но нет.

Вилена только тихо спросила:

– Я могу идти?

– Домой! – рывкнул старший. – Я тебя снимаю с линии! Можешь сидеть в диспетчерской, но в бригаде работать тебе нельзя.

– Хорошо, – покорно кивнула Вилена и пошла в диспетчерскую. Там она села на стул и задумалась.

– Черт! – Старший проводил ее взглядом и сорвал телефонную трубку, – Герман! Приезжай. Ну что, что... Надо. Приедешь – объясню. Не могу. Жду.

Вот только тогда в семье Стахис началась активность. Причем инициаторами ее были отец и бабушка.

Мария Ивановна вечером, после работы, подошла к Вилене, сидевшей над учебником анатомии и атласом Синельникова, раскрытом на теме «Мышцы». Ни слова не говоря, присела рядом и положила руку ей на затылок. От руки разливалось приятное тепло, буквы, прыгавшие перед глазами Вилены и не желавшие никак складываться в слова, вдруг замерли, а затем туман застелил взор. Мама посидела рядом несколько минут и спросила тихо и отчетливо:

– Сколько уже?

– Второй месяц, – так же тихо ответила Вилечка с закрытыми глазами. – Мама, мне плохо.

– Тошнит? Голова кружится? – не меняя интонации, спрашивала Мария Ивановна.

– Нет, – Вилена не открывала глаз, – я не могу никого видеть, а закрою глаза – вижу Витю, открою – его нет. Я не хочу жить. – Голос ее был спокоен и тих.

– Ничего, дочка, все пройдет. Ты же не одна. Твой Витя всегда будет с тобой. Помни о нем. – Мария Ивановна вздохнула, убрала руку с головы дочери и сказала: – Ну, занимайся, не буду мешать.

Вилена открыла глаза. Буквы в книге больше не прыгали.

Спустя еще две недели у Вилены начался токсикоз, прямо на занятии по анатомии, когда они препарировали серый, воняющий формалином труп, заучивая мышцы. Может быть, от запаха, а может, оттого, что Вилене на миг почудилось, будто тело, лежащее на

оцинкованном столе лицом вниз и лишь кое-где прикрытое лоскутами одеревеневшей кожи, – это Виктор Носов. Девчонки перехватили ее руку с зажатым тупым ланцетом, когда она уже вонзала его себе в кисть. Небольшую царапину, оставшуюся у основания большого пальца, залили йодом, а до смерти перепуганный ассистент кафедры отпустил ее с занятия на час раньше, и двух подруг из группы, чтобы отвезли домой. Ее долго выворачивало в туалете, потом еще полчаса сохранялись позывы, и ее отпаивали водой, наконец, болтая о том о сем и стараясь расшевелить, подружки повлекли Вилену к автобусной остановке. До зимней сессии оставалось меньше десяти дней. Шла полоса зачетов.

Герман взял день за свой счет и повез Вилену в районный психдиспансер. Там ее осмотрели, поговорили, поставили диагноз «истерический аутизм» и дали больничный на месяц, выписав при этом немалую кучку лекарств. О беременности никто не заикался, а Герман не догадывался. Дома Мария Ивановна, осмотрев упаковки с лекарствами, скинула все это в большую коробку из-под обуви и убрала на шкаф глубоко-глубоко. Ей при этом пришлось встать на табурет и еще на цыпочки. Ольга Яковлевна, видя эти упражнения, неодобрительно поджала губы и, когда Маша слезла, сказала:

– Но ведь доктора назначили...

– Доктора назначают, – заметила Мария Ивановна, – а медсестры – отменяют.

Герман в тот вечер узнал, что Вилена беременна. Скрывать уже было бессмысленно, он нахмурился, качал головой, потом вдруг улыбнулся и сказал:

– Ну что ж, значит, так тому и быть... а чему быть, того не миновать! Станем дедом и бабкой! Только вот Виленку жалко, совсем пацанка и уже мама.

Январским вечером Вилена как раз старалась сдать зимнюю сессию – раздался телефонный звонок. Подошла Мария Ивановна. Она сняла трубку и услышала тихий женский голос:

– Добрый вечер, мне хотелось бы поговорить с мамой Вилены.

– Это я, – ответила Мария Ивановна, – а кто вы?

– Это мама Вити Носова. – Голос на секунду прервался, – Мне надо с вами встретиться. Маша почувствовала боль на том конце провода, страшную, невероятную боль.

– А что случилось?

– Я не могу объяснить по телефону, Мария Ивановна, приезжайте, пожалуйста, ко мне. Анастасия Георгиевна продиктовала адрес.

Через час Мария Ивановна была у нее дома. Маша сразу ощутила тонкий запах тлена; мертвый дом, мелькнула мысль. Единственное живое существо стояло перед ней на четырех лапах, мотало лохматым хвостом и со всей собачьей любовью заглядывало в глаза. Анастасия Георгиевна прислонилась к стене в прихожей и смотрела, как Динка обнюхивает Машины руки, еще сильнее машет и тоненько посвистывает носом.

– Вот и хорошо, – сказала она, – а то после гибели Вити Дина от еды отказывалась, тосковала. Вы первая, кому она так обрадовалась.

Мария Ивановна погладила собачий нос, провела пальцами по тонкой белой стрелке и потрепала за ухом.

Потом они пошли на кухню, Анастасия Георгиевна слабо предложила пройти в комнату, а потом вдруг сама же повела в кухню, посадила за небольшой столик, расставила чашки, разлила чай. Маша ждала и, не особенно церемонясь, разглядывала маму Виктора. Чтобы почувствовать человека, его жизнь и боль, ей надо было немного рассредоточиться, постараться увидеть человека целиком, будто в перевернутый бинокль. И как только она это сделала, у Анастасии Георгиевны исчезла левая половина тела, вместо нее что-то темно-красное, багровое билось и распространяло щупальца. Маша неплохо знала анатомию и поняла: рак левой молочной железы, метастазы в ближайшие лимфатические узлы.

Мама Виктора села напротив, сложила руки.

– Мария Ивановна... Можно я буду называть вас Машей? Будь жива моя первая дочка Танечка, вы были бы ровесницы, наверное...

– А с какого она года была?

– С сорок второго.

– Даже немного постарше меня. Что же с ней случилось?

Анастасия Георгиевна достала из рукава платочек, тихо и коротко сморкнулась, промакивая набежавшие слезы.

– Она утонула в пятьдесят третьем. Летом. В Клязьме купалась.

Маша ничего не могла сказать. Никто никогда не узнает, за что, за какие грехи так сурово наказала жизнь Анастасию Георгиевну? И она не смогла бы. Очевидным было лишь, что этот год станет последним ее годом. И еще Маша поняла, что никому, кроме нее, не выслушать Анастасию Георгиевну, не дать ей облегчить душу. И оно потекло... Долгий разговор, все выложила Анастасия Георгиевна Исаковская, в девичестве Ермакова, и детство свое, и юность, и как восемнадцатилетней влюбилась и за неделю выскочила замуж за сорокалетнего доцента Мишеньку Исаковского. Зачем выскочила? Да испугалась, что он возьмет да и женится на ее старшей сестре... Сестра побывала замужем, развелась и, когда Настя по глупости их познакомилась, сразу стала клинья подбивать к Мишеньке. Настька молодая, еще себе найдет! Тут и решилась Анастасия на безумство, сама повела доцента в ЗАГС и сказала решительно, что либо сейчас женится на ней, либо он ее никогда не увидит! Сестра зло затаила тогда, на свадьбе не была, сославшись на дела, а через год, перед самой войной, вышла замуж за летчика. Тот погиб в сорок четвертом... а Настя ездила за сестрой в Ташкент, потому что та вконец изнищала, и написала ей о своей беде. Когда Настя нашла сестру, та была с ребенком. Пока ехали до Москвы, сестра рассказала, что ребенок-то от другого, а летчик в отпуске побывал, увидел ее беременную, дня не пробыл в доме, уехал... а потом погиб. Настя и ругала ее, и жалела, рассказала, что у самой дочь, ей уже два года, что Мишенька работает в госпитале, преподает в институте, что живут они неплохо... и пока рассказывала, не замечала, как черной завистью загораются глаза сестры.

В тот год, уже после войны, Мишеньку арестовали. За что? Да кто ж знает? Она ходила в Бутырку, передачу у нее не взяли, а сказали только – умер. Потом выдали документы, что Исаковский Михаил Яковлевич скончался от сердечного приступа. Похоронить не разрешили, вернули очки да записную книжку. Настя в то время работала в институте чертежником-конструктором, ее сразу уволили. Жена врага народа не должна работать в секретном институте! Она устроилась на фабрику «Свобода» упаковщицей мыла... Работала, в месяц получала восемьсот рублей, денег еле хватало на еду и одежду для одиннадцатилетней дочки Танечки. Потом случилось страшное. Ее вызвали в милицию, и там участковый сообщил, что ее дочь утонула. Настя не знала, куда кинуться, к кому обратиться. Сестра к тому времени вновь вышла замуж, на этот раз за директора автокомбината, на ее звонок сказала, что не желает иметь ничего общего с женой врага народа. И бросила трубку.

Помогли Насте ее сослуживицы с фабрики, и поминки провели по всем обрядам, денег на ограду собрали...

Хотели крест поставить по православному обычаю, а Настя вдруг заупрямилась – не надо. Мишенька атеист был. Я некрещеная. Таня моя тоже... Не надо!

Подруги удивились:

– Так что ж ставить-то? Не звезду ж? Непорядок!

А Настя и сама не знала – что? Потом, когда все улеглось, мужа посмертно реабилитировали, а к ней приехал главный инженер того НИИ и просил вернуться в лабораторию, она снова начала зарабатывать неплохо, купила гранитный камень с полированной стороной, на которую приклеила фотографию Танечки в школьной форме и в пионерском галстуке и поставила на ее могиле.

Мария Ивановна слушала не перебивая, яснее не становилось. Тяжелая судьба Анастасии Георгиевны не удивляла ее. А кому было легко? Но что-то настораживало. Очень уж закономерно все случалось, черно-белыми полосами. Вот счастье и радость, вот несчастье и горе, вот опять все прекрасно и все ликуют, а вот опять удары судьбы...

Анастасия Георгиевна замолчала, пригубила чаю и сказала:

– Я ведь зачем вас просила приехать? Меня в больницу кладут на операцию, – Мария Ивановна изобразила понимание на лице, – а собаку не с кем оставить. Вы не могли бы приютить ее? – Анастасия Георгиевна так неожиданно сказала «приютить», словно речь шла о ребенке-сироте. Маша растерялась. Эта просьба оказалась неожиданной. – Вы знаете, Дина полюбила Вилечку, они подружились, это было заметно. Может быть, они друг друга поддержат? Я боюсь, что могу не вернуться, а соседи не станут присматривать за ней, выгуливать... – Анастасия Георгиевна уговаривала, а Маша уже решила: собака будет жить с ними, ибо это маленький кусочек жизни Виктора Носова. Еще один. Она прервала пожилую женщину, годящуюся ей в матери:

– Пусть вас это не беспокоит, я заберу собаку, и она будет жить с нами, пока вы не решите ее вернуть.

Почти сразу же у нее на коленях оказался длинный рыжий нос и влюбленные карие глаза глянули снизу вверх. «Ты мама моей любимой девочки. Я тебя тоже люблю», – говорили они, и хвост изо всех сил подтверждал это, крепко ударяя по ножке стола и газовой плите.

Сборы были недолги: надеть ошейник, пристегнуть поводок и передать его из рук в руки Марии Ивановне.

– Теперь ты будешь жить с Машей и Виленой, – сказала Анастасия Георгиевна, – слушайся их и береги.

При имени Вилечки Динка энергичнее замотала хвостом.

И когда они уже выходили, Анастасия Георгиевна сунула Маше бумажку и, сдерживая всхлип, попросила:

– Навещайте их, пожалуйста, не забудьте.

Маша сначала не поняла, а потом взяла записку и сказала:

– Обязательно.

Дверь закрылась. Больше они никогда не встречались.

Динка спокойно шла рядом, не тянула и не отставала. Только пару раз оглянулась на дом и, извиняясь, ткнулась носом в ногу Маше. «Я все-таки тут жила».

Маша не рискнула ехать автобусом, остановила такси, и через двадцать минут они уже входили в подъезд своего дома. В подъезде Динка стала принюхиваться, перетаптываться и помахивать хвостом. У двери квартиры она прижалась к щели и шумно потянула носом. Она повизгивала, посвистывала и, даже не сдержавшись, пару раз скребнула когтями филенку. Когда Маша наконец открыла дверь, Динка, хитрюга, вывернула голову из ошейника и рванула в глубь квартиры. Маша пошла за ней. И увидела необычную картину: в последнее время безучастная ко всему Вилена стояла на коленях и, уткнувшись лицом в Динкину шею, рыдала, а та все пыталась лизнуть ее в щеку. Наконец ей это удалось, и Динка слизывала слезы, а Вилена только повторяла: «Дина, Диночка...» Когда вечером приехал Герман, они все четверо: Вилена, Маша, Ольга Яковлевна и Динка – сидели на кухне. Он первым делом увидел хвост, торчащий из кухонной двери. Разделся, вымыл руки и прошел в кухню. Динка подняла на него глаза и пару раз мотнула хвостом. Герман спросил:

– Откуда?

А Вилена повисла у него на шее:

– Папочка, это же Динка! Витина собака!

Пораженный ее поведением, Герман сказал:

– А ты как себя чувствуешь?

– Нормально, пап. Все нормально уже. Мне Дина помогла.

– Если б я знал, что все так просто решается... – Он наклонился и погладил собаку. – Если б я знал.

Маша принялась разогревать Герману ужин и, пока он ел, коротко рассказала про поездку и причину, по которой пришлось забрать собаку.

Дней через десять ей позвонила женщина из больницы и попросила приехать. Там передала ключи от квартиры и сказала:

– Анастасия Георгиевна вчера умерла. Перед операцией она просила найти вас, если не вернется, и передать, что на столе в кухне для вас лежит письмо и там все написано.

Мария Ивановна поблагодарила ответственную женщину, соседку по палате, и поехала исполнять последнюю волю умершей.

Она вскрыла конверт, подписанный: «Для Марии Ивановны Стахис», и стала читать:

«Уважаемая Мария Ивановна!

Спасибо Вам за Дину. Если Вы читаете это письмо, значит, меня нет. Нетрудно было догадаться, что операцию мне перенести сложно. Вы скажете: шестьдесят пять лет не возраст, но я не знаю, почему не умерла тогда, в ноябре, когда хоронили мальчиков.

Я не все рассказала Вам во время нашей встречи. Моя сестра жива, и я понимаю, что ей по закону принадлежит все, что сейчас находится в этой квартире. Не хочу сказать, что мне безразлично это. Поэтому я прошу Вас забрать из серванта коробочку, все, что там находится, передайте Виленочке, это ей от меня. Надеюсь подарить на свадьбу, да не сложилось. На всякий случай я оставила завешание у нотариуса в конторе на нашей улице.

Но я знаю: сестре неизвестно, что осталось у меня от Миши, поэтому можете не тревожиться...»

Маше отчего-то стало противно. Не нужно ей ничего, и меньше всего хотелось рядиться потом с кем-нибудь за право обладания семейными ценностями. А уж Виленку втягивать в это и подавно.

«...А еще остались некоторые книги от Миши и Вити, я знаю, что среди них есть довольно редкие, я упаковала все. Сумка с книгами стоит в Витиной комнате. Я надеюсь, Виленочке они еще понадобятся».

«Ну как же она не поняла, что я не потащу отсюда никаких сумок? Никогда. Не сегодня завтра сюда придет участковый с директором ДЭЗа и все опечатает. И соседи обязательно скажут, что была какая-то женщина, и очень подробно опишут меня».

«...Если вы не захотите ничего взять, прошу Вас обязательно выполнить одну просьбу: заберите письма. Я не хочу, чтоб сестра их читала. Мне противно подумать, что она, хоть и после моей смерти, прикоснется к нашей семье. А Вы можете поступать с ними как захотите. У меня рука не поднялась сжечь».

Вот, в общем, и все. Еще раз спасибо Вам. Прощайте, поцелуйте за меня Виленочку.

Р. С. И все-таки заберите из серванта коробочку, я так надеялась, что эти украшения будут на нашей девочке. Пожалуйста!

Писано 30 января 1986 года, Анастасия Георгиевна Исаковская».

Ну что ж, если пожалуйста... Мария Ивановна сложила письмо и аккуратно убрала в сумочку. Прошла в комнату, где стоял сервант. На полке лежала пухлая стопка писем, а на ней небольшая шкатулочка с палехской росписью. А рядом на полу стояла стопка книг в холщовой сумке.

Маша открыла коробочку – несколько золотых цепочек, два обручальных кольца, три пары серег с камушками, перстеньки. И одно очень красивое кольцо со странным вензелем, явно старинное. Сложила письма и шкатулку в сумочку, положила ключи на полку в серванте. Вышла из квартиры и захлопнула за собой дверь.

Вилечка оправились совсем. Она уже подумывала, чтобы закрыть больничный и выйти на работу на скорую. Герман хмыкнул на ее вопрос:

– На легкий труд пойдешь?

– Почему это на легкий?

– А потому, голубушка, что ты уже на четвертом месяце, и никто, особенно я, на выездную работу тебя не пустит, а на суточную тем более. Если только в аптеку с восьми до трех, ящики комплектовать.

Виленка поморщилась:

– Не хочется.

– Вот и не рыпайся. Тебе когда на осмотр в диспансер?

– Пятнадцатого февраля, а что?

– А вот что: тебе в декрет уходить в июне?

– Да. Где-то в начале.

– Вот давай-ка и постараемся события не форсировать, а сколько тебе дадут психиатры посидеть дома, столько и сиди. Подстанция без тебя не рухнет, и работа не прекратится.

И жизнь шла своим чередом. Животик рос, Вилечка читала учебники, чтобы не растерять накопленные за первый семестр знания. Академический отпуск оформлен, однако прийти в институт через год и сидеть дура дурой не хотелось. Ежедневные прогулки с собакой по часу-два, ожидание матери и отца с работы. Неторопливые беседы с бабушкой.

В конце марта в кабинете Германа раздался звонок, он снял трубку.

– Да?

– Герман, это я.

Он узнал Машу.

– Что случилось?

– Ты можешь приехать?

– Что-то случилось?

– Да.

– Мама? Вилена?

– Вилена. Приезжай!

– Сейчас. – Он бросил трубку, выхватил из шкафа куртку и, заскочив в кабинет старшего врача, предупредил: – Я уехал. Если станут спрашивать, скажи, буду дома через полчаса, пусть звонят туда.

– Что-то случилось? – спросил старший.

– Что-то с Виленой, жена позвонила, – проговорил Герман на ходу.

Дома его встретили встревоженная Маша, вернувшаяся с работы, и растерянная Ольга Яковлевна. В кресле сидела абсолютно безучастная Вилена. Увидев ее, Герман удрученно спросил:

– Что, опять?

– Не то слово, – озабоченно ответила Маша. – Это не просто опять. Ольга Яковлевна, расскажите Герману.

Бабушка Вилены стиснула руки:

– Да я, собственно, ничего и не знаю. Виленочка сходилась с собакой. Они хорошо погуляли, пришли домой, я слышала, как Вилена мыла Дине лапы, потом они о чем-то говорили. Я ее спросила, будет ли Виленочка пить чай? Девочка сказала, что да, и я поставила чайник. Потом кто-то позвонил в дверь. Я была на кухне и не видела. Виленочка открыла. Я не слышала слов, но мне показалось, что говорила женщина. А потом я почувствовала, что тянет холодом по ногам, и выглянула в прихожую. Виленочка стояла у двери. Я ей сказала: «Закрой дверь, дует!» А она не реагирует. Мне стало страшно, я взяла ее за руку, она словно неживая. Я потерла ей виски, дала понюхать нашатырь. Вы ведь знаете, он кого хочешь приведет в чувство. А Вилечка не очнулась. Я ее спрашиваю: кто это был? Она молчит. Я ее спрашиваю: как ты себя чувствуешь, она говорит – нормально. Она на все отвечает одно слово – нормально. Я ничего не понимаю, как может быть нормально, если ребенок неживой и говорит одно слово. А вы что-нибудь понимаете?

Герман пожал плечами. Кто мог приходить? Ошиблись дверью? А у Вилечки резкое обострение? Он повернулся к Маше:

– Ты что-нибудь понимаешь?

Маша прошла до двери в прихожую, тщательно ее осмотрела. Открыла, постояла с закрытыми глазами. Потом вернулась к Вилене, взяла ее за руку, приподняла за подбородок голову, заглянула в неподвижные зрачки. Потом приложила ладони к ее вискам и спросила:

– Что ты видела? Кто это был?

Вилечка вывернулась у нее из рук, забормотала:

– Все нормально... Все нормально.

Герман спросил:

– Маша, что ты делаешь? Что же случилось? Нам завтра опять ехать к психиатру?

Мария Ивановна взяла его за руку и повела в их комнату, там она сказала:

– Не надо никаких психиатров. Это порча. Я чувствую. Как только Вилена открыла дверь, кто-то навел на нее порчу.

Герман усмехнулся. Ничего себе порчу... Да кому оно надо? Нет, это дурь какая-то! Какая порча?

– Маша, я понимаю, ты веришь во всякие сверхъестественные штучки. Порча, сглаз и прочее... Я тоже понимаю шутки, но сейчас я вижу, что наша девочка резко ухудшилась. Я полагаю, это отголоски той травмы.

– Да при чем тут та травма? – Маша застыла посередине комнаты в позе канделябра с приподнятыми руками, и Герман видел, что она рассредоточена, глаза чуть прищурены, взгляд отсутствующий.

Она некоторое время стояла покачиваясь, потом, опустив руки, сказала: – Ничего не вижу. Герман, при чем тут та травма? – повторила она. – Все, что было раньше, – это цветочки, и, кстати, их легко собака перевела на себя. А сейчас очень серьезно все... – Она мучительно потерла лоб. – Наверное, устала на работе, вокруг Вилечки какое-то марево.

Герман знал, что жена – феномен природный. Знал он и то, что она очень не любила использовать свои способности. Он вспомнил, как на их свадьбе Маша прошептала на ухо: «А я не опасная, пока меня не обижают...»

– Ну хорошо, – сказал он. – Пусть порча. Но нам-то что делать? Надо ж от нее как-то избавляться.

– А кто против? – удивилась Маша. – Только как ты это себе представляешь?

– Ну, не знаю. Ведь снимают же как-то? Тебе виднее.

– Герман, порча – это не грязь... ее просто так не смоешь. Она может только перейти с одного человека на другого... Ты понимаешь? На тебя, меня, твою маму... Ты ведь не хочешь этого?

– И этот человек будет как Вилечка?

– Нет, – Маша обняла его и прижалась, – в том-то все и дело, что у каждого она проявится по-своему. Ведь у каждого свое слабое место. У не остывшей от перенесенного Вилечки это голова. А у тебя или Ольги Яковлевны это может быть и сердце и легкие... и все, что угодно. Лучший вариант – это вернуть порчу тому, кто ее навел. Если б я знала – кто? – У Маши потемнели глаза, она сдвинула брови. – Ну, если бы я знала, кто и как это сделал?

Герман очень редко видел разгневанную Машу и подсознательно чувствовал, что ох как не поздоровится тому человеку, который...

Маша обошла соседей, переговорила с бабушками, гуляющими во дворе. Никто, ничего. Она строго-настрого запретила Вилене выходить из квартиры. Ольга Яковлевна, взявшая на себя заботу о собаке, хотела и Вилечку прогуливать, но Маша четко и беспрекословно сказала «нет». Герман, озадаченный жалобами матери, спросил вечером:

– Но почему?

И Маша ответила:

– В нашей квартире безопасно, я перекрывает все лазейки. А на весь дом меня не хватит, а уж тем более на двор.

– Ты думаешь, Вилечке что-то угрожает?

Маша повернулась лицом к Герману, лежа щекой на его руке, посмотрела ему в глаза.

– Постоянно. Ее тогда спасло то, что этот человек войти в квартиру не мог и вынужден был действовать на расстоянии. Только и хватило, чтоб порчу навести. А то...

– Что «а то»?..

– Ничего, – Маша снова легла на спину, – живем мы на тринадцатом этаже. А крыльев Вилечке Бог не дал...

Германа при этих словах обдало жаром. Он и представить себе не мог, как близка была его дочь к гибели.

– Мда-а-а... – только и сказал.

– Ладно, спи.

Маша решила, что, как только потеплеет, надо им с Вилечкой уезжать в деревню. Она написала заявление об увольнении в своей больнице с первого мая, собрала свои и Виленины вещички в большую сумку, туда же сложила кое-что из еды, сухие супы, банки с консервами, чай, сахар, крупу. Прикинула на вес... Ничего, донесут.

Когда Герман в шестом часу пришел домой после работы, Ольга Яковлевна протянула ему записку.

«Герман! Мы уехали. Не буду писать куда. Ты поймешь. Я жду тебя к началу июля. Не нервничай, все будет хорошо. Только там мы сможем помочь нашей дочери и сохранить ребенка. Никому не сообщай, где мы. Хотя я догадываюсь, чьих рук дело с Вилечкой, уверенности полной пока нет. На всякий случай сохрани все в секрете и Ольге Яковлевне накажи. Мне понадобится твоя помощь в начале июля. По срокам выходит, что все решится в двадцатых числах. Это хорошо.

Ну все, целуем тебя, не скучай.

Р. С. Звонить не буду, сам знаешь почему.

Маша и Вилечка».

Ольга Яковлевна молча смотрела на озабоченного Германа. Тот тоже молчал. Наконец она не выдержала и спросила:

– Герман, но зачем они уехали? Разве тут Вилечке не лучше было родить?

– Понимаешь, мамуля, если Вилечку не вывести из аутизма, она не сможет нормально рожать, одних схваток ведь мало. Ты понимаешь, Маша надеется вылечить Вилечку там в деревне.

– Боже мой! Она же только медсестра! Я не спорю, она хорошая медсестра, но ведь не акушерка и не доктор... Как же она может? Я не понимаю... – Ольга Яковлевна расстроено всплеснула ручками. – Кушать будешь? Я приготовила медовик.

– Попозже. – Герман разделся. – Она не просто медсестра, мама. Ей дано понимать то, что непонятно нам. Я уже не раз убеждался в этом. Не будем ей мешать.

– Ты к ней поедешь летом? Но куда? Я ничего не поняла.

– Придет время, поеду. Собаку надо прогулять?

– Я думаю, она не откажется, но я с ней выходила днем, – ответила Ольга Яковлевна, а Динка лежа смотрела снизу вверх и вскочила при слове «прогулять». – Если хочешь, выведи.

Ну что ж, Маша уехала в Матурово, оттуда она должна была перебраться в избушку у озера. Это Герман понимал. Как и понимал, что это произойдет не сразу, земля еще холодная и сырая, и Маша не рискнет везти Вилечку хоть и в крепкую, но уже старую избушку, пока не установятся теплые дни.

Глава 2

Исход

Электричка до Рязани отходила в шесть тридцать с Казанского вокзала. За десять минут до отправления в четвертый вагон вошли и сели у окна лицом друг к другу две женщины с большой кожаной сумкой, которую они несли вдвоем. Та, что старше, откинула капюшон замшевой куртки и ладонью пригладила пепельные волосы с двумя

светло-соломенными прядками, забранными в тугий короткий хвостик. Сумку она поставила в ноги между сиденьями.

Несмотря на середину мая, утро было прохладным, и на перроне и на электричке, простоявшей ночь в депо, серебрилась изморозь.

– Садись, – сказала Мария Ивановна, и Вилена послушно села, при этом свободный серый плащ обозначил под собой выпуклый живот. – Как ты себя чувствуешь? – спросила Мария Ивановна, и Вилена ответила бесцветным голосом:

– Нормально.

В половине одиннадцатого они вышли на станции Рязань-первая и еще тридцать минут трюхали на троллейбусе до Торгового городка. Там им пришлось сидеть почти час. Автобус до Солотчи отошел, когда они входили на автостанцию. Мария Ивановна поставила Вилечку в очередь в кассу, а сама пошла к расписанию. Как и ожидала, с двенадцати до двух – перерыв, поэтому надо было обязательно сесть на двенадцатичасовой автобус, а там или рейсовым до Матурова, или поймать попутную, если повезет. К счастью, билеты были, и они, просидев сорок минут на улице под распускающейся сиренью, благополучно влезли в автобус.

Все село вытянулось вдоль дороги. От автостанции пришлось почти километр идти до крайнего дома. Мария Ивановна сняла с калитки большой амбарный замок и толкнула плечом. Калитка качнулась, но не открылась, что-то мешало с той стороны. Вилена отошла и села на скамейку, вкопанную у высоких, черных от времени ворот. Мария Ивановна постояла, прикидывая, как бы попасть на ту сторону, потом, вспомнив что-то, сказала:

– Подожди меня, – и пошла в обход забора, окружающего дом и двор.

Вилена сидела на скамеечке и ковыряла веточкой влажную черную землю с пробивающейся нежной травкой. Наконец за воротами что-то загремело и калитка распахнулась. Мария Ивановна вытирала вымазанные ржавчиной руки.

– Да, за два года немудрено, чтобы никто не влез! Но дом, кажется, не тронули. Заходи. – И подхватила сумку.

Дом спасла невероятная железная дверь, толщиной в сантиметр и по периметру окованная железной полосой. Маша сняла с засова еще два амбарных замка, они вошли в дом. Пыль, паутина по углам и дохлые мухи на подоконниках.

После похорон бабушки Мария Ивановна впервые приехала в этот дом и первым делом распахнула окна.

Вилена стояла в дверях и чихала.

– Надо проветрить, – сказала Мария Ивановна, – слишком пыльно.

Она зашла за печку, пошарила в небольшом кухонном столе и взяла старый ржавый нож, за рукав втянула Вилену в комнату и заложила нож за наличник двери. Потом расстегнула пуговицы на ее плаще, помогла его снять и повесила его на крючок у двери. Виленку же за руку провела к столу у окна и посадила на скрипучую кушеточку.

Выглянув на улицу, она увидела направляющуюся к их дому согнутую старуху в болоньевом плаще, натянутом поверх телогрейки, валенках и черном платке. Мария Ивановна не видела лица из-за надвинутого платка, но и без того знала, что это сестра отца, тетка Евдокия. Мария Ивановна отвернула воротник куртки и вытащила три швейных иглы, быстро обошла окна и вставила по игле в каждую раму.

Скрипнула калитка, гроыхнула дверь в сенях, заскрипела, отворяясь, железная дверь в дом, и вдруг все стихло. Мгновение ничего не было слышно, и потом слабый старушечий голос проскрипел:

– Марьюшка, с приездом.

– Добрый день, тетя Дусь, – отозвалась Мария Ивановна и открыла внутреннюю дверь. На самом пороге, еще более склонившись, стояла тетка Дуся и, вывернув голову, смотрела на племянницу. Но Мария Ивановна не спешила приглашать в горницу.

– Что-то спину прихватило, – пожаловалась старуха. – Не посмотришь?

– Сейчас не могу, – встревоженно сказала Мария Ивановна, видно было, что ей очень

не хотелось впускать тетку в дом.

Старуха сделала шаг назад и, чуть разогнувшись, цепким взглядом окинула комнату, увидела отрешенную Вилену у окна.

– Твоя девка-то?

– Моя, – сказала Мария Ивановна и попыталась выдавить старуху в сени, прикрывая за собой дверь.

– Ученая ты, Марьюшка, – проскрипела старуха, – вижу, первым делом охорон поставила. Поглядим, чему тебя Марфа выучила.

– Глядите, да глаза берегите, – резко сказала Мария Ивановна. – И Людке накажи.

– Да уж передам. – Тетка Дуся повернулась к выходу и пошаркала валенками, потом через плечо бросила: – А девка порченная, что ли?

Мария Ивановна вдруг рассвирепела:

– Не твоего ума дело, старая! Сама разберусь!

– Ну, разбирайся, разбирайся! А я тебя предупреждала, когда ты за своего выходила.

Мария Ивановна с треском захлопнула дверь в сени и накинула крючок.

– Зашевелились, вороны, – проворчала она, – прибраться не дадут.

Она сходила к колодцу через дорогу от дома и принесла два ведра воды. Пока шла до колодца, пока крутила ручку, поднимая мятое ведро на здоровенной цепи, и шла обратно, чувствовала недобрый взгляд от третьего дома, но оглядываться не стала. У самой калитки пробормотала тихонько что-то и плюнула себе под ноги. Ощущение взгляда сразу пропало, а Мария Ивановна, удовлетворенно улыбнувшись, вошла во двор.

Время обеда уже прошло, они наскоро перекусили тем, что с собой привезли. Много ли им было надо, но Мария Ивановна тщательно следила за рационом Вилены и голодать не позволяла. Она растопила печь, прогревая два года не топлённый дом. Развесила, просушивая, тюфяки и одеяла. Все это время Виленка сидела сложив руки и смотрела задумчиво в окно на распускающуюся зелень. Уже в сумерках Мария Ивановна подбросила дров в печку и, укладывая Вилену, как в детстве подоткнула одеяло.

– Спи. Я должна сходить по важному делу. – Она вышла в холодные сени и, присев на скамейку у дощатого стола, задумалась. Что хотела тетка Дуся? Зачем она приходила? На Вилену посмотреть? За колбасой или вечной деревенской валютой – бутылкой водки? Нет, это все не то. И ведь она сразу заметила, что с Виленой непорядок. А может, знала? Может, и знала. Ведь шла бы с добром, смогла бы войти в горницу, а то как ее скрючило! Очевидно, что тетка приходила на разведку.

Мария Ивановна сидела в сенях. Ночь ей предстояла сложная. Надо было подготовиться. Она знала наверняка, что подвести Вилену к родам она сможет только здесь – на родной земле, что безучастие ее небеспричинно – наведенную порчу Мария Ивановна заметила сразу, да только источник не нашла. Противостояла сколько могла, снимала лишнее напряжение с дочки, при этом перебирала все возможное окружение знакомых, друзей, приятелей. Ничего. И вот теперь вроде бы она нащупала тоненькую ниточку истекающей ненависти. Ее двоюродная сестра.

Кажется, ну что им делить? Оказалось, было. Вот та отправная точка! Их брак с Германом Стахисом, врачом районной больницы в Рязанской области, работавшим там по распределению из Москвы.

Отец Германа Исая Иоахимович, более известный как Исая Ефимович Стахис, дед Вилечки, был известнейшим стоматологом в Смоленске. Он родился в Варшаве, когда Польша входила в состав Российской империи, окончил медицинский факультет в Варшавском университете, где защитил диссертацию по челюстнолицевой хирургии, прекрасно знал три иностранных языка: русский, польский и немецкий, но дома иногда говорил на идише. Чтобы не забыть. Его и Ольгу Яковлевну забрали в роковом тридцать седьмом, и они провели на Колыме шестнадцать лет, потом их реабилитировали в пятидесятых. Исая Ефимович много разъезжал по стране и наконец осел в Москве, защитил докторскую диссертацию. Впоследствии он достиг должности второго профессора кафедры

и умер от острого инфаркта во время лекции, не дожив до рождения внучки нескольких месяцев.

Герман Стахис родился в первый год заключения, много болел, чудом остался жив, лишь благодаря невероятной энергии и самоотверженности матери. Отца он почти не видел, первые десять лет отец с матерью были в разных лагерях, а когда за примерное поведение и ударный труд Исай получил право на вольное поселение, быстро приобрел известность, и его постоянно вызывали к больным в различные поселки обширного Магаданского края. Герман воспитывался в детском доме, через забор от лагеря, где сидела Ольга Яковлевна, и она имела возможность хоть иногда видаться с ним, пока им не разрешили жить всем вместе. После приезда в Москву Герман выправился, стал заниматься спортом, ходил в секцию самбо, но, несмотря ни на что, был комиссован от армии: на рентгенограмме обнаружили старый туберкулезный фиброз.

Герман не обиделся на медкомиссию, пожалуй, наоборот. Проработав два года санитаром в психбольнице, он с первого раза поступил в мединститут, который через шесть лет закончил, проработал два года в маленькой районной больнице в Рязанской области, часто приезжал домой, навещал родителей. И в один из приездов привез жену Машу, скромную русоволосую медсестру с длинной толстой косой... Ольга Яковлевна и Исайя Иоахимович приняли невестку спокойно, без скандала, несмотря на то что мать Герману постоянно напоминала, что у нее на примете есть прекрасные девушки из порядочных еврейских семей. О чем говорили родители между собой, ни Маша, ни Герман никогда не узнают...

В конце концов, Герман еврейский мальчик. Исай Ефимович видел, что Герман насквозь пропитался русским духом, и уже никак не пытался повлиять на него. А вот Ольга Яковлевна приводила в гости то одну подругу с дочкой, то другую...

Несмотря на это, Герман женился на русской девушке Маше из древнего мещерского села Матурова, которое много старше и Рязани, и Москвы. Сыграли две свадьбы. Одну в селе, где все основательно перепились мутным самогоном и дешевой водкой. И в Москве – еврейскую, с песнями и плясками, на которой Исай Ефимович в последний раз в жизни, заложив большие пальцы за края жилетки и выписывая кренделя ногами, плясал семь сорок под две скрипки и гитару.

И каких же взглядов не было вокруг молодоженов?! На Машу глядели с симпатией, вожделением, критично и даже со скрытой неприязнью, но не было среди этих взглядов ни одного мутного, остекленевшего от сивухи и безнадежно тупого или жгучего от зависти.

Герман Машу выделил из остальных. Да и как было не выделить. Пришла в отделение такая тихая, скромная, русая коса до пояса, что аккуратно убиралась под колпачок. И в ней не было чего-то неуловимого, сугубо деревенского, столь характерного для поведения и речи других медсестер отделения. Она была поразительно не похожа на остальных сестричек. Всегда спокойная, доброжелательная и исполнительная. Общение с ней доставляло Герману необыкновенное удовольствие. На второй месяц он попробовал, провожая Машу из ординаторской, обнять за плечико. Реакция была неожиданной. Она развернулась и подняла глаза. Герман вдруг увидел, как голубизна темнеет, будто небо перед грозой, и вот они уже не голубые, а темно-синие, глубокие, и ему стало страшно, рука его, держащая худенькое Машино плечо, онемела и опустилась. А Маша улыбнулась неожиданно светлой улыбкой и сказала:

– Меня трогать нельзя, доктор. Если только свататься соберетесь...

Вроде бы пошутила, но слова ее запали Герману в душу. А что ж не посвататься? Ей восемнадцать, ему двадцать семь. Мама, конечно, свои планы имеет. Ну так и что? Сколько можно за мамину юбку держаться? И через неделю он официально предложил Маше руку и сердце. Она не стала ломаться, только, тихо сияя, попросила:

– Можно ближе к осени?

– Конечно, – ответил он.

– И еще, – стесняясь, сказала она, – тебе надо с моей бабушкой познакомиться.

– А с родителями? – удивился Герман. Ему и в голову не могло прийти, что у Маши нет родителей.

– Они умерли, – сказала девушка. – Я с бабушкой живу.

В августе они вместе взяли отпуск и поехали. В Машиной деревне, где, кроме радиоточек и сарафанного телеграфа, не было иных источников информации, появление ее на дороге с чернявым бородатым парнем вызвало тихий переполох. Пока они шли от автостанции вдоль улицы, Маша кожей ощущала взгляды из окон бревенчатых и кирпичных домиков. Не поворачивая головы, затылком видела спешащих поперек дороги из дома в дом баб со словами: «Машкин жених! Да что ты?! Ишь ты! А как же Куликов-то?» – и тому подобное.

Да какое ей дело было до Мишки Куликова, мать которого всякий раз, заходя к бабушке Марфе, говорила: «Вот вернется Машенька из Рязани... Хорошо бы моего Мишеньку на ней женить».

Вернулась, да не одна.

Бабушка Германа приняла. Оглядела, подержала за руку. Провела к столу и усадила чай пить. Герман чувствовал исходящее от нее тепло и уют. Марфа Захаровна заварила невероятно душистый травяной чай. Герман держал в ладонях старую фарфоровую чашку и вдыхал терпкий запах лесных и луговых трав. Маша сидела напротив и изредка тревожно вскидывала на бабушку глаза. Они говорили о том о сем. Герман неожиданно для себя выложил всю свою биографию. Он сидел за столом и не замечал, что правое плечо его, которое уже пять лет не прекращая дергалось, почему-то совсем не болит. Бабушка слушала не перебивая, потом ушла и Машу забрала с собой. А Герман сидел один в комнате и вдруг, выглянув в окно, увидел, что все скамейки вдоль домов на той стороне улицы заполнены людьми. Кого там только не было! Бабки и женщины, мальчишки и девочки. Все они толклись возле забора, грызли семечки, и казалось, их совершенно не интересовал этот маленький кирпичный домик с выбеленными окнами. Только Герман все чаще и чаще чувствовал пробивающие стекла взгляды. Наконец вернулись бабушка с Машей.

– Ну вот, – сказала бабушка, – тебе, Герман, я тут постелю. А мы на сеновале переночуем.

Герман хотел было пошутить, что он и сам может с Машей на сеновале, да слова в горле застряли. Он вдруг понял, что, если он хоть самую малую частицу пошлости скажет, не видать ему Маши. Он согласно наклонил голову:

– Спасибо.

Утром Герман проснулся от солнечного лучика, прорвавшегося сквозь листву березы за окном. Лучик щекотал глаз, выжимал слезу. Герман сел на топчане. За дверью на мосту слышалось звяканье ведер и шкварчание. Легко поскрипывали половицы. Радиоточка, висящая в углу, вдруг взревела дурным многоголосием: «Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля...» Шесть утра. Герман вскочил, махнул несколько упражнений, поприседал, упал на кулаки и лихо отжался от пола, на второй попытке раскаленный гвоздь пронзил плечо. Черт, аж в глазах потемнело. Герман аккуратно отвел правую руку за поясицу и два раза медленно отжался на левой. Дверь тихонько отворилась, и в комнату вошла бабушка Марфа. Не смущаясь Германовыми плавками, она мельком осмотрела покрытые густой черной шерстью плечи, спину, ноги и спросила:

– Что с рукой?

Герман сел на полу, сложил ноги по-турецки и ответил:

– На тренировке вывихнул, с тех пор болит, не проходит.

– А что ж не вылечишь, коли сам доктор? – Она заглянула за печку, взяла там кое-что из посуды и повернулась к двери. При солнечном свете в освещенной комнате бабушка Марфа выглядела как обычная бабушка, маленькая, чуть сутулая, с изрезанным морщинками лицом, но молодыми, такими же голубыми, как у Маши, глазами. На голове ситцевый платочек, вокруг такой же узкой, как у Маши, талии, поверх простенького платья повязан серый холщовый передник с огромным, как у кенгуру, карманом. Бабушка Марфа стояла у

двери, замершая в ожидании ответа.

Герман усмехнулся:

– Пробовал, не получается.

– Ладно, пусть Машка разбирается. Ну, пошли завтракать, – неожиданно прерывая разговор, сказала бабушка Марфа и вышла.

Правда, сначала Герман пошел умыться во дворе, под жестяным рукомойником плескался ледяной водой, потом принял от Маши белое вафельное полотенце, оделся. А уж потом только сел к столу.

После завтрака бабушка Марфа завела обоих в комнату, посадила посередине на два специально приготовленных стула и сказала очень просто:

– Мир вам да любовь. В десять откроется контора в сельсовете, пойдете и распишетесь. – И, заметив удивление, мелькнувшее в глазах Германа: он вообще-то ехал познакомиться, всего лишь для начала, – добавила: – Отсюда вы должны уехать мужем и женой. По крайней мере, заявление подать. Если позора для Машеньки не хочешь!

– Не хочу, – ответил Герман, – совсем не хочу. Но ведь не было ж ничего.

– Машка, а ты говорила, что он умный... – вдруг сказала бабушка Марфа. А Герман покраснел. – Кому какое дело – было, не было? Все решилось, еще когда вы с автобусной станции шли... так-то вот, даже раньше, и не вами.

Какие бури бушевали в душе Германа после этих слов, но прижатое к его плечу Машино плечо, жар от бедра и травяной аромат волос гасили ненужные эмоции, оставляя лишь нужные, самые подходящие. Он же хотел жениться на ней? Хотел и хочет! Зачем он приехал? Свататься. Так что ж теперь? Да ничего. За чем приехал, то и происходит... только как-то само собой, без его участия. Вроде как его согласия уже не требуется.

Говорят, браки совершаются на небесах, наверное, так и есть.

Герман потом смеялся, – приворожила русалка! Зельем приворожила! Но любовь была чистой и настоящей.

И ведь как приворожила? Перед самой свадьбой завела Маша Германа в глухомань мещерскую на Круглое озеро. Когда-то еще ее дед построил на берегу летнюю избушку, чтоб ночевать во время сенокоса или переждать дождь, если застанет в лесу. Вот сюда привела Маша Германа, переждали они короткую летнюю ночь, и, лишь только заря тронула край неба, Маша стала разминать ему больное плечо, втирала какую-то душистую мазь с пряным и резковатым запахом, в котором Герман с трудом улавливал оттенок скипидара, или, как тут говорили, живицы. Маша трудилась, пока не показался край солнца, потом укутала плечо вязаным платком и села в уголке, бормоча заговор. Герман скалил зубы, но молчал. Он все никак не хотел поверить, что таким способом можно избавить его от многолетнего неврита. Боль, подобная зубной, доводила его иногда до бешенства. Все время казалось, если треснуть крепко кулаком или локтем по чему-нибудь твердому – станет легче. И очень удивляло окружающих, незнакомых с этой чертой Германова характера, когда доктор наносил кулаком, а потом и локтем удары в кирпичную стенку, так что мелкие крошки отскакивали.

Когда солнышко поднялось так, что только краем касалось горизонта, Маша сняла повязку, вывела Германа на берег и сказала коротко:

– Раздевайся.

Герман послушно остался в одних плавках. Рука онемела совсем. Казалось, что у него осталась только левая. Маша разделась сама, оставшись в одной нижней рубашке, и, взяв Германа за живую левую руку, повела в озеро. Там заставила его погрузиться в ледяную воду по шею, и сама зашла так же глубоко, и сказала трижды четко и громко:

– Возьми, вода, хворь лютую, раствори, унеси, пусть выйдет мой любимый здоров-невредим, ибо слово мое крепко! – Медленно вывела посиневшего Германа из воды и вдруг весело и звонко крикнула: – Догоняй! – И припустила по опушке вокруг озера.

Герман, в возбуждении смотревший на ее облепленное белым льном тело, очерченную грудь, талию, бедра, от неожиданности вздрогнул и, уже когда Машина спина мелькнула в

высокой траве, забыв о боли в руке, помчался в погоню. Рубашка под солнцем и ветром высыхала на бегу, и, когда раскрасневшийся Герман ее догнал, наконец, и жадно обнял, Маша не сопротивлялась. Но стоило ему, обезумевшему от страсти, опустить руку и чуть поддержнуть вверх влажную еще ткань, Маша шепнула: не сейчас, подожди, и Герман пришел в себя. Сначала ему стало стыдно, потом разозлился на себя за несдержанность. А Маша, не обращая внимания на все его муки, взяв за руку, повела к избушке, там снова разминала и растирала плечо и шею, снова укутала шерстяным платком и, накапав из бабушкиной фляги какой-то настойки, дала выпить. От настойки Герман упал через пятнадцать минут, будто громом пораженный. Вот только что сидел шутил, трогал плечо, в котором образовалась пустота вместо привычного гвоздя, что засел уже много лет назад после тренировки в клубе самбо, как вдруг все пропало – и пыльный полумрак избушки, и Маша, и он сам...

Он проснулся также внезапно от острого чувства сердечной боли, настолько сильно и внезапно захотелось ему увидеть, обнять и поцеловать Машу. В избушке ее не было, за маленьким окном виднелся краешек неба с розовыми облаками. Вечер или утро? – промелькнула мысль, и вспомнил, что окно выходит на восток, значит, рассвет. Сутки проспал! Ничего себе! И сразу же выскочил на полянку. Маша лежала в траве и смотрела в небо, и оно отражалось в ее глазах такой же синевой. Она услышала шаги, села и спросила:

– Выспался? Ну, как твоя рука?

Герман задохнулся от неожиданности. Он поднял правую руку, покрутил в воздухе, сильно и крепко ударил по соседнему дереву кулаком. Маша вдруг крикнула:

– Не трожь!

Герман удивился, но как-то автоматически погладил березу по ушибленному и пробормотал: «Извини», а повернувшись, сказал удивленно:

– Не болит! – И снова волна душевной боли окатила с ног до головы и засела угольком где-то под сердцем. – Машенька! Я люблю тебя. Будь моей женой!

– Я ж уже согласилась, или забыл?

И Герман потряс головой:

– Я, как опоенный, ничего не помню. Только тебя, и еще как мы вышли из озера. Марьюшка моя! Ты – русалка. Боже мой, неужели никто, кроме меня, не видит этой красоты?

Маша встала. Она по-прежнему была в одной рубашке. Пока Герман спал, она всю ночь читала заговор, молилась, только перед рассветом ушла на полянку, упала в росу и лежала, пока проснувшийся Герман не нашел ее.

Вот от такой удивительной любви и родилась смуглая, круглолицая и большеглазая девочка, которую после долгих пререканий, как назвать – Викой или Леной, назвали Виленой, чтоб без ссоры и спора. Маша берегла ее от злых людей. С рождения все шло нормально, и, пытаясь чуть-чуть проследить судьбу дочери в будущем, Мария Ивановна не встречала на ее пути ни одного темного облачка. До осени восемьдесят пятого года. Этот год темным рубежом ложился на всю семью Стахис. Вот тебе жизнь до, и вот после. Однако, несмотря на опасения Маши, восемьдесят четвертый год прошел нормально, и она зацепилась только за одно значимое событие в жизни дочери – ее любовь и дружба с Виктором Носовым.

Первым порывом было просто запретить ей встречаться, но как? Прекрасно понимая, что любые запреты были бы глупостью, она попыталась еще до знакомства с Виктором дать понять дочери, что она, мать, этой дружбы не одобряет.

Но хитрюга Вилена внутренним своим чутьем, что, видимо, досталось ей от мамы, и упорством, что добавил отец, легко преодолела и это препятствие. Она просто привела Виктора в дом и познакомила их.

Мария Ивановна после знакомства с Носовым почувствовала, что ничего плохого от него не исходит, но, с другой стороны, к тому рубежу, что ее беспокоил, Виктор почему-то имел самое непосредственное отношение.

И снова она сделала попытку пресечь эту связь, попытавшись поговорить с ним,

убедить, что Виленка не его партия. И снова ничего не вышло. В конце концов, копнув глубже, Маша поняла, что все неприятности исходят откуда-то издалека и отчасти связаны с ней самой.

И вот теперь она нашла источник. Ведь можно было бы догадаться и раньше.

Они с Германом неделю тогда жили в избушке. Август стоял необыкновенно теплый, но к утру холодало, и только под одним одеялом спасались Маша с Германом от прохладных утренников, грея друг друга. Маленькая железная печка больше годилась для приготовления чая и протопить как следует избушку не могла. А Герман убежденно говорил, что, если б не его шерстяной покров, они б замерзли! А Маша, хохоча, кричала – двигаться надо, а не лежать, тогда не замерзнешь!

– Ну а я разве ж не двигаюсь? – недоумевал Герман.

– Если мерзнешь, значит, мало двигаешься! Надо больше!

За неделю их отсутствия бабушка подготовила свадьбу.

Вообще-то сильно сказано – подготовила! Она договорилась с соседями, те нагнали самогону из картошки и свеклы. Чисто для приличия закупили десяток бутылок водки – «коленвала», где на зеленой этикетке буквы в надписи прыгали как пьяные.

По графинам разлили наливки. Во двор снесли столы, скамьи. Бабушка Марфа купила полтора десятка кур и пару гусей. Наварили картошки, выставили малосольных огурчиков, соленых рыжиков да маслят, в общем, чем богаты, тем и рады.

Народ стекался к дому. Молодые в полдень расписались в сельсовете. И свадьба загудела...

Не приглашать их было нельзя. И хотя очень не хотелось Маше приглашать на свадьбу Куликовых, все-таки пришлось. Ну, кто Мишкину мать тянул за язык? Ходила, молоко бабушке носила... Вроде бы так, от щедрот. А как Маша с Германом приехали, и не заходит, и не здоровается, и, когда на улице встречается, на другую сторону переходит. Обижена. Бабушка встревоженной Маше говорила:

– Ничего. Все образуется. Не любишь Мишку, ну и нечего переживать. Они сами виноваты. Незачем болтать было!

Но на душе все равно было беспокойно. Когда Маша с Германом подошли к дому Куликовых, Мишкина мать сама вышла навстречу. Ни слова не говоря, уставилась: чего пришли? Стараясь удерживать на лице непринужденную улыбку, обратилась к ней Маша:

– Тетя Валя, мы приглашаем вас сегодня к нам на свадьбу. Это мой жених – Герман.

Мишкина мать, немного потеплев взглядом, спросила:

– А что ж среди своих-то не нашлось?

– Значит, не нашлось, – прекрасно понимая ее, ответила Маша, не переставая улыбаться. – Уж не обижайтесь.

Мать Куликова, понимая, что все равно ничего не изменишь, а к Марфе, если вдруг заболит что, идти придется, ответила:

– Да Бог с тобой, сердцу верно не прикажешь! Придем.

– Спасибо. – И Маша с Германом пошли к соседнему дому, обходя все село.

Тревога все равно не покидала Машу, пока они сидели за столом и периодически поднимались на крики «Горько!», целовались, а Маша локтем придерживала руку Германа, незаметно перемещавшуюся от талии к груди. Все это продолжалось, пока гости, не упавшие под стол, отставив граненые стаканы, хором не затянули песню... Бабушка Марфа тихонько подтягивала, а Маша с Германом, думая, что их никто не видит, незаметно вышли из-за стола и, прячась за сараем, улизнули в остатки сада. Герман удивленно оглядел несколько пеньков, уцелевших от яблонь, и между ними молодые деревца.

– А почему? – спросил Герман, указывая на пни.

– Когда ввели налог с плодовых деревьев, бабушка порубила, – ответила Маша.

– Ничего себе, – удивился Герман, и тут они встретились с пятеркой парней, возглавляемых Мишкой Куликовым.

Ватага обошла дом и двор с другой стороны и задами вышла к саду. Маша надеялась,

что все перепьются до одури и ничего не будет. Однако, несмотря на то что ребята были изрядно поддавши, все неплохо держались на ногах.

Маша выскочила вперед и загородила Германа. Куликов мрачно курил. Потом затоптал папироску и сказал:

– Уйди, Машка, нам поговорить надо с женихом.

– С ума сошел? Сам уходи.

– Да ты не бойся, – встрял долговязый парень из ватаги, – не овдолеешь. Поучим малость, чтоб знал, как девок наших уводить.

– Дураки! – кричала Маша. – Не смейте даже прикоснуться к нему! Все пожалеете! А тебе, Мишка, я вот что скажу: если ты своих облов не убережешь, жизнь тебе хуже горькой редьки покажется! Ты меня понял? Я не прощу!

Герман молча наблюдал, потом сказал:

– Я вообще-то не привык, чтоб за меня девушки заступались. Погоди-ка! – Он обнял Машеньку за плечи и, мягко отставив, вышел вперед. – Ты только не мешай. Ну, – пригласил он, – кто первый?

И началось. Парни, толкаясь, кучей полезли вперед. Они мешали друг другу, сопели. Герман отпрянул в сторону, оставаясь один на один с долговязым, и, лишь только тот махнул кулачищем у него перед носом, провел прием. Пока долговязый пахал головой грядки с кабачками, Герман развернулся к остальным. Он понимал: никаких захватов или болевых приемов проводить не должен. Только броски! И он начал танцевать между сараем, забором и грядками, то одного, то другого отправляя в полет, при этом стараясь всегда оказываться лицом к противнику.

Маша поначалу радовалась, наблюдая, как Герман справляется с пятерыми. Но, увидев, что парни протрезвели и больше уже не хотят нападать по одному, встревожилась. Продержится ли Герман? Руку-то она ему вылечила, и вон он как ловко работает ею, но все-таки он один против пятерых. И помощи ждать неоткуда.

Наконец парни, грязные, в рваных рубашках, а некоторые с разбитыми носами, сошлись в шеренгу, у Куликова в руках был вывернутый из плетня кол. Герман тяжело дышал. Он еще не получил ни одного удара, был чистый, но правая рука хотя и не болела, но, менее тренированная из-за болезни, уже плохо слушалась.

И тут Маша вдруг подняла руки и, притопывая туфелькой в утоптанную землю, нараспев заговорила:

– Матушка земля сырая, разойдись жаром, разойдись, спали обидчиков. Вот уголья жаркие под ногами Мишкиными, Мишки Куликова да друзей его. Горят ноги-ноженьки, полымя охватило... – И вдруг крикнула: – Смотрите! Вы горите!

Парни дружно нагнулись и с воплями, пытаясь ладонями загасить несуществующее пламя, дружно захлопали по брючинам. Матерясь, они вдруг скопом рванули через огород к неглубокой речке, протекающей на задах... А Машка кричала им вслед:

– Ярче пламя, ярче!

Парни взвыли и понеслись быстрее ветра.

Герман обернулся к Маше в изумлении:

– Что это было? Что ты сделала?

Маша махнула рукой:

– А, ерунда, мороку навела. Гипноз, если по-научному.

Изумление Германа не проходило.

– Ты так вот запросто загипнотизировала пятерых громил? Внушила им, что у них земля горит под ногами?

– Ну да, а что особенного? – Довольная Маша пожала плечиками. – Какие они громилы? Дураки. Просто пьяные дураки, которым кулаки почесать захотелось.

Герман поежился.

– Ну и жена мне досталась. Маша, да ты опасный человек! – Он обнял ее и повел обратно к столу. – Погуляли, черт возьми!

Увидев их, разноголосье за столом взревело «Горько!», и они в который раз за сегодняшний вечер поцеловались, а Маша прошептала Герману на ухо:

– А я не опасная, если меня не обижать! Или моих родных.

Дружно звякнули стаканы, потекла в желудки мутная самогонка. Разошлись мехи трехрядки, гармонист со стеклянными глазами, и намертво зажатой в зубах потухшей папироской, и приклеенной улыбкой, слушая только себя, играл «Славное море, священный Байкал...».

Спустя день Герман случайно услышал разговор Маши и бабушки Марфы.

Маша рассказывала, как на них с Германом напал Куликов с ватагой дружков, а Герман их кидал, как цыплят. И Маша очень четко проговорила:

– Я сказала тогда, что, если Мишка не уйдет, будет жизнь ему хуже горькой редьки...

Бабушка молчала, Маша ждала. Герман прислушался.

– Тебя никто за язык не тянул... И подумать, прежде чем сказать что-то, тоже трудно. Тебе это еще отзовется, конечно... Но сделанного не исправишь. Ты сама-то понимаешь, что должна язык держать за зубами? Сила твоя невероятна. Но если ты будешь ее растрачивать на мелочи, а тем более на подобные случаи, тебе же придется и расхлебывать. Всей жизнью своей расхлебывать!

Герман ничего не понимал. Что вообще произошло?

Вечером, когда они легли спать в доме, а бабушка ушла на сеновал, он признался Маше, что слышал этот разговор, но ничего не понял. О какой силе идет речь? Почему бабушка была расстроена? От чего предостерегала она Машу?

Как же не хотелось Маше рассказывать. И не рассказывать уже не могла. Пришлось признаваться.

После смерти матери ее, совсем маленькую, новорожденную, приняла бабушка и вырастила. И вся жизнь прошла в этом маленьком доме и в этом селе. Из всей родни здесь жила и живет сестра отца, тетка Евдокия со своей дочерью Людмилой. Муж тети Дуси погиб на войне, и они жили вдвоем.

– Я тебе говорила, что бабушка Марфа знахарка. Тут, в нашей деревне, с древних времен живут колдуны. Сейчас их меньше, но все-таки иногда появляются дети особенные. – Маша остановилась передохнуть. – В общем, бабушка обнаружила во мне силу.

И учила меня. А потом был случай, мы с Людкой играли на поле, там за деревней. Мне было лет шесть, Людке – восемь. Мы играли с муравьями.

Герман вскинул брови:

– Это как?

– Ну, находишь два муравейника неподалеку, один мой, другой Людкин, и делаешь так, чтобы они воевали друг с другом, и чей муравейник окажется сильнее, тот и выиграл. Детские забавы. Мой побеждал всегда. И Людка однажды сказала, очень она нехорошо сказала, что мать научит ее колдовать и тогда она всегда будет выигрывать. А бабушка сказала, что из меня прет... и чтоб я сдерживала себя... И мы больше не играли.

– Бред какой-то, – вырвалось у Германа. – Ну гипноз я еще понимаю, а при чем тут колдовство? Какая сила? Я не понимаю.

– Герман, не надо ничего понимать. Я ничего не хочу. Только жить нормальной жизнью, как все.

– Подожди, но если ты обладаешь какими-то сверхъестественными способностями, то почему тебе их не применять? Ты на погоду влиять можешь? Или там, к примеру, счастья нам колдовать в семье.

Маша вскочила и закричала на него:

– Не говори так никогда! Я ничего не хочу! Неужели ты не понимаешь, что за все надо платить?! Я вчера на свадьбе Мишке напроорочила, что жизнь у него будет плоха. А нам это чем обернется? Я прошу тебя, Герман, не шути с этим. Все очень серьезно. Не суди о том, в чем не разбираешься. Я стала медсестрой, чтобы помогать людям.

И все. Я больше ничего не хочу. Ничего. – Она успокоилась. Герман почувствовал, что

вокруг Маши воздух словно наэлектризовался. – И давай эту тему больше не будем поднимать... Никогда.

Герман ничего не понимал, лишь интуитивно чувствовал, что спорить с Машей не только глупо, но и опасно. И он не стал. Помнил только всю жизнь, что если Маша что-то сказала, то так оно и есть. Он обнял ее, поцеловал, и на том их споры прекратились навсегда.

Если бы на том все кончилось...

Ах эта Людка! Они с тетей Дусей тоже были на свадьбе. Родня как-никак. Всех приглашали. Тетя Дуся все рвалась по хозяйству помочь, когда свадьбу готовили, да бабушка Марфа отбилась. Очень не хотелось пускать Евдокию в дом, да еще похозяйничать... Потом проблем не оберешься. Потом ищи, где ниточки заговоренные, где волос колечко на пальце смотанное, а где и закорюка гвоздиком нацарапанная. А после думай да гадай, отчего это варенье и молоко киснут, курыдохнут, а в огороде все огурцы паршой побиты?.. Нет уж, на фиг, на фиг, как у молодежи говорить принято. Не делай добра – не будет и зла. Помощников и без родни этой хватало. Бабушка Марфа отговорила тем, что, мол, соседка помогает, а Евдокии с другого конца села тащиться не с руки. Без колебаний приняла от них ведро соленых подгрудков, не внося в дом, промыла ключевой водой, добавила специй, уксусу капле несколько и выставила на стол в мисках. Гости под водку и самогон жевали да нахваливали, сама же ничего Евдокиино не ела и Маше с Германом не давала. Береженого Бог бережет. Людка тогда прямо за столом претензию высказала: что ж это, мол, младшая сестра раньше старшей замуж вышла? Неправильно, мол, это, не по традициям. А бабушка Марфа встряла: «Это у родных сестер не по правилам младшей раньше старшей замуж выходить, а у двоюродных так не принято». Людка заткнулась. Они с матерью сидели за столом и водочку стаканчиками кушали да своими же подгрудками заедали. Людка улучила момент и, столкнувшись с Машей в сенях, зашипела, пока никто не видит:

– Хитра ты, сестренка, за москвича замуж выскочила. А нам, значит, в деревне говно месить? Не по совести.

– А ты что же, завидуешь? – Маше стало смешно, она чувствовала ненависть и источаемую Людкой зависть. – Ну, повезло мне. Так и везет-то тому, кто сам везет. Я ведь его не искала.

– А то как же, не искала? Небось как глаз кинул, так сразу и вцепилась! А то я тебя не знаю?

– Людка, ну что ты злобствуешь? Хочешь за москвича замуж выйти, завербуйся в Москву по лимиту. Это ж не трудно! Год, два – и будет муж.

Людку аж подкинуло при этих словах. Она гордо приняла позу обиженной справедливости:

– Нет уж! Мы уж как-нибудь тут проживем. И замуж за местного выйду, не побрезгую...

И что они тогда сцепились? Стояли в сенях на мосту и жгли друг друга глазами. Чуть дом не спалили. И вышло, как говорили. Людка помыкалась года полтора в поисках жениха достойного да и вышла замуж за Куликова. И еще больше затаила на Машу.

Дай нам, Боже, что вам негоже! Вышла без любви и жила в скандалах постоянных, двух сыновей родила, да обоих и отправила в места не столь отдаленные. Один сидел три года в колонии под Калинином, а второй под Архангельском. Мишка запил горькую. А когда просыхал, пилила его Людка. Он все просил ее: ты ж можешь, заговори меня от этой напасти, даром, что ли, тебя мать учила. А Людка его только крыла черными словами да уходила к матери ночевать. Он ведь и помер от перепоя. Живот у него разболелся страшно, Людку звал. Просил скорую вызвать. А та на всю улицу проклинала его и говорила, жалуясь соседям: «Алкоголик, Мишка! Притворяется, чтоб ему бутылочку принесли! Выдумал, гад, что у него живот болит». А он вопил от боли и Людку звал. Она же ушла к матери в тот день. А на завтра пришла, он уж холодный. И завывала она, заголосила на все село: «На кого ж ты меня покинул, бросил?!»

Сыновья, отсидев положенное, домой не вернулись, канули где-то. Ни слуху от них ни духу.

А потом она съехала с матерью, а свой дом продала, поселились в куликовском, наискосок от Марфы. Жили от пенсии до пенсии, Людка на ферме работала, кормами заведовала, да и про себя не забывала. Скотину все держали, но не все могли первосортным комбикормом откармливать. Жили не бедно, но как-то убого, безрадостно. Вечерами с матерью все обсуждали жизнь свою непутевую. И все беды свои валили на Машу. Она – змея подколотная! Сама в городе живет, в столице. Как сыр в масле катается. В больнице работает да дочку растит, а мы тут словно рыба об лед бьемся, а счастья нет. Пока бабушка Марфа жива была, они еще не очень лютовали, вот как похоронила Маша свою воспитательницу, тут и развязались у них руки.

Однажды так Людку зависть допекла, что она не вытерпела и в начале августа восемьдесят пятого на почте разузнала, на какой адрес Марфа телеграммы отправляла, и поехала в Москву своими глазами убедиться, на Машу поглядеть.

Целый день ходила вокруг дома Стахисов. Сидела на детской площадке да на окна их смотрела. И не зря сидела. Увидела, как дочка Машкина, Вилена – дали ж имя, черти нерусские, – с каким-то парнем вышла из подъезда и, держась за руки, пошла в сторону станции метро.

Людмила преследовала их весь день, словно заправский филер. Ни разу она не попала им на глаза, но и не выпускала их ни на минуту из виду. Только в кино она за парочкой не пошла, а с упорством навозного жука прождала у кинотеатра и снова пошла позади после окончания сеанса. Тяжкий труд и старание ее были вознаграждены. Вернувшись к их дому, парень проводил Вилену, поцеловав на прощание в подъезде, а сам двинул в сторону автобусной остановки. Людмила пошла за ним, сама еще не зная зачем. И вдруг увидела в сумерках, что из заднего кармана джинсов вывалился на асфальт какой-то темный плоский предмет. Людка подождала, пока автобус отъедет, и коршуном налетела на эту вещичку. Награда! За все. В ее руках был старый кожаный бумажник, в котором и было-то всего три рубля денег и небольшая фотография Вилены. «Ну теперь мы посмотрим, кто кого! – думала Людка, направляясь к Казанскому вокзалу. – Мне бы только переночевать, а утром первой же электричкой – домой!»

Знать всего этого ни Маша, ни кто-либо другой не мог.

Стемнело. Мария Ивановна вышла на улицу и быстро пошла по грунтовой дороге в сторону кладбища.

За два года ничего не изменилось. Тропинка, освещаемая полной луной, вела ее в сторону от дороги. Фонари остались далеко за спиной, а затем и вовсе исчезли за небольшой березовой рощицей вперемежку с кустами сирени и вишненником. Маша по памяти прошла за ограду старого погоста и, уверенно двигаясь между крестами и оградками, вышла к просевшей бабушкиной могилке. Косые тени ложились от крестов на два холмика. В одном – отец с матерью, в другом – бабушка.

Маша присела на скамейку у могил. Что в душе творится? Как быть? Как отвести беду, что давно грозила, да вот и пришла? Маша знала, что Людка, ее двоюродная сестра по отцовской линии, завидует лютой завистью. Ей вспомнились последние слова тетки Евдокии: «А я тебя предупреждала, когда ты за своего выходила!» А что она предупреждала? Маша впервые привезла Германа в свою деревню в августе шестьдесят третьего. После распределения ее направили в районную больницу в селе Ижевском, где второй год работал похожий на молодого Карла Маркса Герман Стахис. Молоденькая Маша, придя в отделение, боялась его. Герман был суров и почему-то все время обращался к Маше. Как потом оказалось, это было поведение мальчишки, дергающего понравившуюся девчонку за косу. Ну как догадаешься, что доктор от большой любви посылает тебя ставить клизму? Он никогда не ругал сестер лично, особенно в присутствии больных, а зайдя в кабинет старшей сестры, выговаривал ей либо в ее присутствии. Вот уж кого девочки боялись пуще огня! Старшая сестра была старшей во всех смыслах. Огромная, крепкая, с командирским

голосом, она была похожа на известную в те годы актрису Телегину. Глядя на нее, на ум сразу приходили лермонтовские строчки: «Полковник наш рожден был хватом, слуга царю, отец солдатам...» Так и она была и полковником и матерью своим сестрам. И поругает, и пожалеет, и защитит от несправедного гнева врачей. Отделение мылось непрерывно, санитарки трудились не покладая рук, струганое хозяйственное мыло, каустик да хлорка... У девочек порой глаза слезились, но старшая приговаривала: «Хлорка пахнет свежестью и чистотой! А чистота – залог здоровья!» Маша однажды пожаловалась старшей сестре, что Герман Исаевич ее использует чаще остальных сестер. «Любит он тебя! – сказала старшая. – Это и слепому видно».

Да уж, браки свершаются на небесах, подумала Маша. Луна ныряла в облака, и тьма окружала маленькое сельское кладбище. Как же ей не хватало бабушки! В том, что в болезни и порче Вилены повинны ее сестра с теткой, она не сомневалась. И сегодня ночью должно было решиться главное. Ей предстояло идти в атаку. Навести порчу Людка должна была через какой-то предмет, а вот какой?

Было у нее одно подозрение, но уж больно невероятно казалось подобное совпадение!

Всякий раз, как Маша пыталась заставить Вилечку вспомнить тот момент, когда она второй раз впала в ступор, ничего не получалось. Вилечка кричала, держась за голову: «Мама, не надо! Мама, не надо!» А потом замыкалась на сутки-двое. Маша все пыталась найти хоть маленькую зацепочку. Перетряхнула все вещи Вилены, белье, бижутерию, заколки и резиночки. Все на месте. Сомневаясь в себе, Маша перелистала фотоальбом. Все фотографии на месте, но была часть карточек, просто лежащая между страницами, и вот тут уже никаких гарантий нет, что одной не хватает. Маша снова приступала к Вилене, пытаясь хоть на минутку снять блок в сознании. Вилечка повторяла как пономарь: все нормально, нормально.

– Ты давала кому-нибудь свою фотографию?

– Все нормально. – Казалось, Вилечка хотела бы сказать, но что-то складывало ее губы и заставляло произносить одну и ту же фразу.

– Ну хорошо. – Маша подумала и предложила: – Давай так, если я не угадаю, ты будешь говорить «все нормально», а если угадаю – «нормально все». Ты кому-нибудь давала свою фотографию?

Вилечка встревожилась и быстро-быстро заговорила:

– Всенормальновсенормально. – Постепенно у нее стало выходить: – Нормально все, нормально все.

– Так, – удовлетворенно сказала Мария Ивановна. – Подруге?

– Все нормально, – сказала Вилечка.

– Понятно. Это был чужой человек?

– Все нормально.

– Близкий?

– Все нормально.

– Родной?

– Нормально все.

– Хм... – Маша задумалась. Кому бы это? Совершенно интуитивно она спросила: – Виктору?

– Нормально все.

Ну, теперь кое-что ясно. Но кому ее мог отдать Виктор? Вопрос. Маловероятно, чтобы он отдал, – вероятнее всего, украли или потерял. «Ах, Витя, Витя... Я ж как чувствовала. А почему как? Чувствовала».

Ближе к маю Маша решила: надо ехать в деревню. Что-то подсказывало ей, что там хотя и Людка с теткой Евдокией ближе, но там и бабушка, и родители, и стены маленького домика, что защитят надежнее, чем московская квартира. Да и маленькая ниточка тянулась в сторону Рязанской области, и теперь все стало на свои места. Оставалось непонятно, как и когда фотокарточка Вилечки попала к Людмиле, но это уже не важно. Сам Виктор отдать не

мог. Это очевидно, а остальное не важно.

Мария Ивановна сидела опустив голову, лунный свет то освещал землю, то темнело кромешно. Ну хорошо, тетка Евдокия с Людкой раздобыли Вилечкину фотографию, Людка в марте приехала и через открытую дверь навела порчу на Вилечку, и, хотя она это могла сделать отсюда, не поленилась, приехала. Ну что ж, все встает на свои места. А зачем тетушка приходила? Проверить, не пыталась ли Маша снять ее? Проверила, порча на месте. Отлично. Значит, они сейчас относительно успокоенные. Нет, вряд ли, они ведь далеко не дуры и понимают, что Маша их раскрыла, раз приехала в деревню. Значит, попытаются закрепить успех и будут сегодня же ночью мудрить с фотографией. И это значит только одно – нужно прийти к ним и забрать ее.

«Ну сказала. Самой нырнуть в их воронье гнездо? В отличие от них я им зла не желаю, а значит, пройду все препоны и обереги. Бабушка, милая, помоги мне». Лунный луч вынырнул из-за тучи и посеребрил крест на бабушкиной могиле, у самого основания креста Маша увидела кучку желтеньких цветов мать-и-мачехи, протянула руку, сорвала один, вставила в петлицу, с бабушкиного холмика зацепила щепотку влажного песка и сунула в карман. Ну вот. Теперь хоть к черту в зубы.

Маша вернулась в дом, посмотрела Вилечку. Та мирно сопела, словно ребенок. Не подходя к окну, Мария Ивановна поглядела на дом тетки Евдокии. Там из-за плотно зашторенных окон слабо пробивались лучики света. «На свечу заговор... – догадалась Маша. – Ну я вам сейчас устрою». Маша вспомнила старуху Шапокляк из мультика про Чебурашку. Вот ведь настоящие Шапоклячки! Зло на родственниц прошло.

Мария Ивановна, не таясь, перешла через дорогу, прекрасно зная, что никто в окно не смотрит и ее визита не ожидает.

Она распахнула внутреннюю дверь в комнату, от сквозняка единственная свеча дрогнула и погасла. Сидевшие в напряжении Людмила и тетка Евдокия не успели даже увидеть, кто вошел. А Маша заметила фотографию Вилечки на столе, в темноте прошла к столу, взяла ее и, разрывая на четыре части, четко сказала:

– От кого взялось, к тому и вернется! Уйдет зло ко злу, а добро к добру. И будет так, ибо слово мое крепко! – Она повторила эти слова еще дважды.

Закричала в темноте тетка Евдокия, Людка бросилась со спичкой зажигать свечу, и, едва только трепетное пламя осветило помещение, Маша протянула руку и запалила обрывки фотографии.

– А вот так и совсем крепко. Впредь наука вам, воронам, будет, как на людей порчу наводить! – бросила горящие кусочки в блюдо со свечой.

– Машенька, пощади! – завопила Людка, увидев в тусклом свечении Машу в рыжей замшевой куртке с откинутым капюшоном.

– А я тут ни при чем, сестренка, – ответила Маша с усмешкой, – на себя пеняй да на матушку свою.

Тетка Евдокия стонала в углу, зажимая лицо руками.

Мария Ивановна дождалась, пока от фотографии остался лишь черный пепел, собрала его щепотью и дунула с пальцев в комнату.

– Все. Каждый при своем. Прощайте.

Тетка Евдокия, скорчившись в углу, в черном платке, кофте, и в самом деле похожая на ворону, что-то каркнула. Людка подскочила к ней с расспросами. Маша плюнула на порог и вышла.

Ну, все. Теперь одной заботой меньше.

Мария Ивановна вернулась к себе, на мосту поставила на плитку ведро воды и, пока оно грелось, не видела, как почти бегом заспешила Людка в сторону конторы, как через час приехала машина скорой помощи и забрала Евдокию. Зачем ей все это? Маша помылась, смывая всю грязь, что, казалось, налипла после посещения сестренкиного дома. Как же мерзко все, боже мой!

Наутро Вилечка проснулась и, потягиваясь, спросила:

– Мам, а папа к нам приедет?

Маша подошла к ней.

– Попозже. Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, – Вилечка потрогала губы, – знаешь, будто замок был... Что это такое?

– А ты помнишь, что случилось?

– Помню. – Вилечка села на кушетке. – Я занималась с Динкой, вдруг позвонили в дверь, я открыла. За дверью стояла высокая женщина, она держала мою фотографию, ту, что я подарила Вите. Откуда? И что-то сказала. Мне показалось, что-то вроде... «замри, и у тебя все нормально». Я не поняла. Меня так удивила фотография в ее руках...

– Высокая, худая, в черном шерстяном платке, лет сорока пяти – пятидесяти? Глаза черные, под левым глазом большая волосатая родинка?

– Да. – Вилечка удивленно уставилась на маму. – А ты откуда ее знаешь?

– Это моя двоюродная сестра Людмила.

Мария Ивановна вышла на мост, налила и поставила на плитку чайник, еще теплой воды из ведра плеснула в рукомойник на дворе. Зашла обратно в комнату. Вилечка одевалась.

– Умыться найдешь на дворе, полотенце там же, и садись к столу, завтракать.

Мария Ивановна после завтрака взяла ведра и пошла к колодцу, там на нее напала соседка, Валентина Рюмочкина по прозвищу Пылаиха.

– Приехали? Вчера, что ли?

– Вчера. Привет.

– А Дуську-то, знаешь, увезли ночью...

– Куда? – Маша налила первое ведро и отпустила ворот.

– Так, в больницу. И Людка с нею уехала. Мне Куликова мать-то, свекровь Людкина сказала, у Евдокии как это – глукома...

– Глаукома?

– Ну да. Куликова фельдшерицу видела нашу, а та говорит, что Дуську в Рязань отправили, говорит, глаз будут удалять, вытек.

«Вот так так! – подумала Маша. – То-то Евдокия за лицо держалась!»

– А вы надолго? – спрашивала привязчивая Пылаиха.

– Как придется, – уклончиво ответила Маша, – проживем пока.

– Как дочка-то? А муженек в порядке ли?

– Спасибо. Не жалуемся.

Пылаиха поняла, что от Маши она мало добьется.

– Ну ладно, побягу я... Я ж так, мимо шла, решила переговорить. Будьте здоровы.

– И вам не болеть... – ответила Маша, подхватила ведра и пошла к дому.

Вилечка встретила ее в комнате.

– А кто это?

– Кто?

– Ну, старушка эта?

– Это? Это – Пылаиха. Баба Валя.

Вилечка засмеялась:

– А почему Пылаиха? Это фамилия такая?

– Нет, прозвище. – Маша усмехнулась. – И не такие бывают. Ей это от мужа досталось.

Вилечка удивилась.

– Ну муж у нее был, пьяница отчаянный, и как напьется, все за спичками бежал, сейчас кричит, всех запалю!!! Ну его и прозвали Ванька Пылай... а она, значит, Пылаиха. Муж ее умер давно, а она так Пылаихой и осталась.

– Мама! Ты говоришь по-деревенски. Так непривычно.

Маша обняла ожившую Вилечку, поцеловала.

– Так а как же мне говорить? Я тут родилась, мы сейчас в деревне, вот и вспомнилось.

Маша ждала Евдокию с Людмилой со дня на день, однако, как донесли соседки, Людка

с матерью после операции остались пожить в Рязани у приятельницы. Испугались или замышляют что? Ну, первое – это наверняка. И второе не исключено. Ладно, они с Вилечкой будут жить в Матурове до тепла. Развлечений тут немного, радиоточка с новостями да театром у микрофона и небольшой старенький телевизор, уверенно показывающий только одну программу. А все главные новости от соседей. Маш, свояченица в Рязань ездила, на рынок, Людку видела... Евдокия с одним глазом!

Тебя они кляли, Маша, говорят, из-за тебя у Евдокии глаз-то вытек!

Неймется им! Мария Ивановна стала снова собираться. Надо уходить к озеру. Там безопасно. Туда ни Людка, ни Евдокия не сунутся.

Глава 3

Бог не выдаст – свинья не съест

Июнь истек наполовину. Мария Ивановна и Вилена неплохо устроились в избушке у Круглого озера. Раз в неделю Мария Ивановна ходила в Сбитнево, ближайшую деревню в десяти километрах по просеке, за хлебом и молоком. Неделя текла за неделей, Мария Ивановна каждый день занималась с Вилечкой – массаж, гимнастика, собирали землянику, грибы. Донки, закинутые в озеро на ночь и с утра, исправно приносили по одному-два лещика или крупных карася.

С грибами оказалось сложнее, дождей было маловато, шли в основном сыроежки, лисички, летние опять да молодые дождевики. Вдоль опушки в поле грудками вылезали шампиньоны... Пока хлеба не заколосились, беленькие и не думали появляться...

Маша, сразу как они перебрались на озеро, раскопала деляночку, наносила с полян свежего коровяка и посадила редиску, морковь, репу и пять рядков картофеля. Вилечка удивилась:

– А картошку-то зачем? Мы разве тут до осени будем?

– До осени она не доживет, молодой съедим, – ответила Маша.

Старая печка в избушке истлела в ржавую труху, ее останки Маша обнаружила в яме у опушки леса. Однако кто-то заботливый поставил крепкую пузатую буржуйку, с голенастой трубой, обернутой асбестовыми листами, и обмазанную глиной, чтобы ненароком не спалить жильё.

По лесу ходили вдвоем, Маша Вилену от себя не отпускала, присматривала. Берега озера густо поросли малинником и ивняком, особенно со стороны истекающего ручья. В озеро соваться Виленке было настрого запрещено. Воду для питья брали из родничка, а из озера только для стирки или мытья. С одной стороны расположилась дубрава, могучие узловатые стволы, изумрудная трава и обилие солнечных зайчиков, пробивающихся через густую листву. Днями Вилечка валялась с книжкой в тени деревьев или выслушивала фонендоскопом сердцебиение плода... маленькое сердечко стучало, время от времени растущее чадо распрямляло конечности и ощутимо пихалось изнутри.

Маша, глядя на Вилечкины гримаски, спросила:

– Решила, как назовешь?

– Угу... если мальчик, будет Виктором. А что, Виктор Викторович – неплохо?

– А если девочка? – Маша шутила.

– А девочка будет Викторией, Виктория Викторовна тоже ничего! А?

– Герман будет рад, он тебя хотел Викой назвать.

Как же не похож был нынешний режим на тот, к которому Вилечка привыкла в городе. Теперь они ложились с зарей и вставали с рассветом.

Маша с нетерпением ждала июля. Герман должен был взять отпуск и приехать. Найдёт ли? Все-таки он тут был один раз двадцать три года назад. А с тех пор многое изменилось.

К концу июня начались дожди. Мария Ивановна ругалась: вот дождик противный, работать не дает. Но нет худа без добра, лес вымок основательно и грибов стало видимо-невидимо, да и грибников тоже. Каждый день то один, то другой набредали на

избушку. В основном все свои, сбитневские. Машу они знали, заходили не столько от любопытства, сколько на огонек, посушиться да новостями поделиться.

Как-то после полудня, когда Мария Ивановна занималась в небольшом своем огороде, из лесу вышел грибочник. В сапогах, брезентовых штанах и такой же брезентовой куртке, в кепке и с большущей корзиной, полной ровных, крепеньких боровичков. Мужичок поздоровался, присел на пенек и, достав из внутреннего кармана полиэтиленовый пакет, извлек из него пачку «Беломора», спички, прикурил и спросил у подошедшей Марии Ивановны:

– И не надоело вам тут?

– Да нет пока, – ответила она, вытирая руки от земли. – А что? Мешаем, что ли?

– Да как сказать... – мужичок уклончиво отвел глаза, – место тут тихое, мотоциклисты не наезжали?

– Да нет пока еще. А что, бывало?

– А как же, парочками все, парочками...

– Да нет. Пока не беспокоили. – Маша присмотрелась. – А вы вроде сбитневский?

– Да, отшель.

– Ну и как живете?

Мужичок затаился, помолчал, ответил тяжело:

– Плохо. Бяда.

– Да что ж случилось?

– Да как и сказать, не знаю. В деревенском стаде мор напал. Моя коровка да еще восемь слегли да и сдохли в три дня. А с фермы не успеваем молоко до молзавода довести, киснет.

– Отчего же? – догадываясь, спросила Маша.

– Так кто ж знает, – мужичок отводил глаза, – эпидемиолог приезжал, ваткой все протер, говорит – чисто, коровы не маститные, а оно, все одно, киснет. Бабки-то наши говорят, порча это. Вредительство. А еще говорят, будто от вас, живущих на озере, все идет...

Маша удивленно спросила:

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

– Верю не верю, какая теперь разница, корову не вернешь.

– Ну а какое отношение мы к вашим коровам и молоку имеем?

– Ну это-то верно, а вот еще говорят, будто вы тетку свою до смерти уморили... это как? Врут или нет? А сами сюда сбежали.

– Еще как врут! – засмеялась Маша. – Но спорить я не буду. Тетка моя жива была... А то, что через злобность свою она глаз потеряла, – это верно.

И дочка ее, завистница, может любую гадость сделать и сказать, это тоже верно.

Мужичок плюнул в ладонь, загасил беломорину, окурочек убрал в карман, а ладонь вытер о штаны.

– В общем, сильно сердиты наши бабы на вас. Не знаю, правда ли, нет ли, но слух идет, что вы тут колдуете... Мне уже плевать. Но если не хотите, чтоб попалили вас, съезжайте подобру-поздорову.

Маша разозлилась. Она уперла руки в бока и сказала:

– Мне плевать на ваших сердитых баб. Я ничего плохого ни вам, ни вашим коровам не делала, а кто делал – догадываюсь. И кто слух пустил – тоже. Если захотите избавиться от напасти, приходите, научу, а нет – пеняйте на себя. Но со злом к нам лучше не соваться. Зарубите себе и бабкам вашим накажите.

Мужичок поправил корзину, отошел от Маши.

– И кто же это?

– А вот ты разузнай, не было ль в деревне в последние три-четыре дня высокой бабы с родинкой под глазом? И не ходила ли она на ферму? И если все подтвердится, приходи, я научу, как от ее вреда избавиться... понял? Или пришли кого-нибудь посмышленнее.

Мужичок ушел. Через два дня на мотоцикле приехала парочка: парень и девушка. Они оставили мотоцикл. Парень присел у опушки на бревнышке, а девушка подошла к Вилечке,

сидевшей у столика.

– Привет!

– Привет! – ответила Вилечка.

– А мама твоя где?

– В доме, убирается.

– А позови ее...

– Ма-ам! К тебе приехали! – крикнула Вилечка.

Маша вышла из избушки, увидела девушку.

– Ты ко мне?

– Да, отец послал. Он просил передать, что все верно. И узнать, что делать.

– Ну что ж, пойдем поговорим. – Мария Ивановна увела девушку в дом.

Они пробыли там полчаса, девочка спрятала в карман записку. И, уходя, крикнула:

– Спасибо!

– Пока не за что!

Вилечка проводила их взглядом, мотоцикл, протарахтев, скрылся в лесу. Она сразу же приступила к маме с расспросами:

– Что это они? Зачем?

– Опять Людка пакостит. – Мария Ивановна присела рядом с Вилечкой. – Оставила заговоренную веревочку на ферме или нитку. Молоко стало прокисать очень быстро. А на нас свалила... На меня, – поправилась Маша. – Я вот только с коровьим мором не сразу разобралась, но эта девочка сказала, что пастух сменил пастбище и вывел скотину на болотистые луга вдоль Штыги, а там полным-полно веха-болиголова. Он очень похож на борщевник, но в отличие от него ядовит, и ядовит смертельно. Я спросила: кто пастух? Она сказала: школьник. Я спросила: как он учится? Девочка ответила – двоечник. И тогда я предложила выяснить у него, кто ему посоветовал отвести стадо на болотистые луга. Уверена, что это была Людка!

– Ну, мам, ты прямо Шерлок Холмс! А почему молоко киснет?

– Не знаю. Просто я знаю, если заговоренную веревочку найти и эта девочка ее сожжет, то молоко киснуть перестанет, а Людке это отзовется.

– Как отзовется?

– Как-нибудь: или ее молоко будет киснуть, или куры сдохнут, или урожай сгниет. Откуда берется, туда и возвращается.

– Обязательно? – Вилечка впервые столкнулась с практикой ведовства и знахарства.

Мария Ивановна усмехнулась:

– Не обязательно, но в случае с Людкой я буду делать только так...

Они не узнали, что там дальше случилось, но еще через пару дней приехал тот же парень на мотоцикле, вытащил из коляски корзину, оставил ее около избушки и уехал. Маша осмотрела корзину и содержимое, вытащила: трехлитровую банку парного молока, шмат нежно-розового, еще холодного сала, очевидно зимнего засола, с килограмм луковиц, две буханки хлеба и коротенькую записку: прощения просим. Все сошлось. Довольная Маша налила Вилечке кружку молока.

– Пей, это честно заработанное молоко!

Вилечка пила молоко, потом спросила:

– А разве может быть нечестно?

Маша серьезно сказала:

– Может. К сожалению, представь, человек, знакомый с ведовством, может вот так оставить заговоренную ленточку или веревочку и, когда к нему придут на поклон, потребовать чего угодно за избавление от порчи: денег, товара, службы... зависит от подлости души и изобретательности. Черные душой так и поступают.

Вилечка допила молоко и, вытирая белые усы, сказала:

– Тетка Люда? Да?

– Ну и она могла бы, да у нее кишка тонка. А вот тетка Евдокия, эта – да, сильная

ведьма, очень сильная! Только бабушка Марфа с ней и могла справиться.

– А бабушка была еще сильнее? – Вилечка удивленно смотрела на маму. – И как они боролись?

– Они не боролись. Евдокия боялась бабушки и не пакостила. Они соперничали только в лечении. Да еще тетка Дуся, как я догадываюсь, приворотом зарабатывала.

Вилечке было жутко интересно. Учеба в училище, работа на скорой – все это было понятно. Они проходили физиологию и анатомию, понимали, как работают те или иные препараты, но вот как может работать заговоренная тряпочка? Это выше ее понимания. Она так и сказала маме.

– Ты знаешь, как работает телевизор? – спросила Маша.

– Ну-у-у-у, – протянула Вилечка, – я примерно представляю себе, как он работает. Ну и что?

– Но ты же знаешь, как его включать или выключать?

– Конечно, а еще я могу специально изучить, как он работает, и понять все процессы. А вот с тряпочкой я этого не могу понять. Мне не хватит, как это, базовых знаний. – Вилечка гордо посмотрела на маму: вот я какая умная! Мария Ивановна, довольная, улыбалась. Вилечка скривилась, детеныш опять пихнулся внутри. – Ну что он? – Вилечка тихонько шлепнула ладошкой по животу. – Скоро уже! Потерпи.

– И с ведовством можно понять, только надо очень много знать, гораздо больше, чем для понимания телевизора. Но ведь для использования чего-либо совсем не обязательно знать тонкости устройства. Ведь если тебе дадут инструкцию к прибору и скажут: нажми вот эти кнопки, повернись вот эти ручки, все заработает, тебе совершенно не важно, что внутри прибора при этом происходит. Главное, чтоб он работал! Так?

– Так, – сказала Вилена.

– А чтобы он перестал работать, совершенно не обязательно снова нажимать на кнопки и крутить ручки, достаточно выдернуть вилку из розетки. Просто сжечь веревочку, на которую сделан заговор. Понятно?

– Ага! А что, любой человек может изучить ведовство?

Мария Ивановна усмехнулась. Все-то любопытно ей! И ответила честно:

– Изучить может любой, а вот применять – нет. Ведь для того, чтобы сделать заговор, мало произнести слова... надо их так произнести, чтобы слово стало материальным, чтоб оно изменило вещь, ту же тряпочку или веревочку. А для этого надо иметь силу, или вырастить ее в себе, или получить от другого ведуна во время его смерти.

Вилечку передернуло. Она поежилась и спросила:

– Это как?

– Да в общем не сложно, достаточно умирающего ведуна взять за руку или прикоснуться к нему, в момент смерти сила перейдет к прикоснувшемуся.

– Мам, ты сама-то веришь в это? – Вилечка смотрела на Марию Ивановну круглыми от изумления глазами. – Я всегда думала, что колдуны только в сказках бывают.

– Ну и думай дальше. Я ж просто ответила на твои вопросы.

Вилечка очень озадачилась. О том, что мама может что-то особенное, она знала давно, еще с детства, но вот таких разговоров никогда не было. Что это мама разоткровенничалась?

И снова дни потекли за днями. Только уже Марии Ивановне не приходилось ходить в Сбитнево, потому что каждый вечер приезжал тот же мотоциклист и привозил новую корзину с продуктами, а старую забирал с пустой банкой из-под молока.

Утром последнего воскресенья Мария Ивановна проснулась от какой-то непонятной возни. Она выглянула за дверь и отпрянула: по огороду топталось несколько диких кабанов. Маша через щелку смотрела на перепачканное копытами и пяточками поле: кабаны, а точнее, кабаниха с кабанятами дружно выкапывали картошку. Вот свиньи! Желудей им мало! Вон какая дубрава рядом. Иди и собирай! Так нет, надо на поле обязательно картошку выкопать!

Вилечка приподнялась на лежанке, удивленно смотрела на маму.

– Что случилось?

– Гости у нас, – тихо ответила Мария Ивановна. – Не шуми!
– Какие гости? – удивилась Вилечка.
– Очень неприятные. И главное, непонятно – откуда?
– А кто?
– Кабаны.
– Кто?!
– Дикие свиньи! – пояснила Мария Ивановна. – Кабаны.
– Из леса?
– Естественно. – Мария Ивановна продолжала стоять у двери и наблюдать за наглыми хрюшками. – Пришли и жрут нашу картошку!

Мария Ивановна привстала на чурку, служившую стулом, выглянула в окошечко, стараясь осмотреть как можно больше пространства, нет ли рядом секача? Вроде бы нет. Она спустилась к Вилечке, сидевшей на лежанке, и сказала:

– Сейчас все будет зависеть от неожиданности. – Она дала Вилечке кастрюлю и сказала: – Стучи и ори как можно громче!

– А ты?

– Я тоже!

Увлеченные кабаны бродили по огороду, хрюкали, толкались, чавкали и, казалось, не думали ни о чем, кроме еды.

Дверь избушки с треском распахнулась, мама с дочкой вылетели с громом и визгом, стуча деревяшками по кастрюлям, и орали. Кабаны, дружно подхватив визг, сметая все на своем пути, рванули через поляну и скрылись в лесу.

– Ну вот, – сказала Маша, – главное – неожиданность!

Они пошли разбираться с огородом. Делянка погибла почти вся. Маша осмотрела не выкопанные кустики, повыбирала изжеванные и потоптанные. Странное состояние: обидно и смешно... обидно оттого, что сколько труда было вложено в эту делянку и за полчаса все ушло свинье под хвост, а смешно оттого, что справиться с непрошеными гостями оказалось легко. Повезло, что кабаны были только с мамашей и, как все свиньи, были насколько наглы, настолько же и трусливы. Вилена походила вокруг избушки, то тут, то там виднелись ямки от копыт и пятачков. Мария Ивановна разобралась с огородом, сложила погибшие кусты в кучу. Осталось меньше половины. В разрыхленной земле виднелись желтенькие горошинки молодой картошки. Чтобы копать ее, надо было ждать еще недели две-три. С какой стати свинюшки приперлись? В лесу для них гораздо больше еды. Совпадение, случайность? Поняв, что ее затея с порчей молока и наветом на Машу с Вилечкой провалилась, Людка с Евдокией прибегнули к более изощренным способам? Они могли. Вполне. Вилечка спросила:

– А что, это опять тетка Люда?

– Не знаю. Не знаю, – проговорила Мария Ивановна. – Управление дикими животными дело нелегкое. Я могу одно сказать наверняка: если это стадо заговоренное, то оно вернется.

– Mam, я не понимаю, ну что, тетя Людмила нашла этих свиней в лесу и уговаривала их прийти к нам?

– Зачем? Достаточно либо кусочек помета от них взять, либо след копыта вынуть аккуратно, а лучше и то и другое. – Маша неохотно объясняла. – А дальше дело техники.

– И какая связь между этими вещами и самим стадом? – Вилечка, прагматик, изображала Фому неверующего не столько оттого, что не верила, сколько из банального упрямства и стремления понять то, что понять невозможно.

– Связь самая что ни на есть прямая, – ответила Мария Ивановна. – Я не специалист такой уж, но связь есть между всеми вещами, иногда прямая, иногда косвенная... Но использовать, как говорит папа, колдовские штучки можно и лучше всего на прямых связях...

Вилечка задумалась, она вспомнила, как старательно замела за собой глиняные следы между калиткой и асфальтовой дорогой мама, когда они уезжали на озеро. Как же все

сложно! Она вспомнила, как Виктор однажды на вызове сказал: «Знания преумножают скорбь. – И пояснил: – Так сказано в Библии у Екклесиаста». Да, а к чему он это сказал?

Они приехали к женщине на боли в груди. Дверь им открыла девочка лет восьми, с удивительно красивым личиком и не по-детски спокойными и красивыми глазами. Пока Носов осматривал женщину, пока Вилечка мыла руки и набирала шприц, девочка выполняла любую их просьбу, она все делала очень спокойно и серьезно. В ее движениях и поведении не было ничего от детской шаловливости или, наоборот, бестолкового страха перед врачами. Перед ними был маленький взрослый человек с детским голосом и недетской речью. Вилена поймала себя на мысли, что ей не хочется отрывать глаз от симпатичной девчушки.

У матери ее оказалась межреберная невралгия, штука болезненная, но не смертельная. Они тогда обезболили женщину, Носов написал рекомендаций на пол-листа, и они уже уходили, когда девочка вдруг в коридоре, провожая бригаду, сказала:

– Это все из-за меня.

Носов и Вилечка удивленно посмотрели на ребенка.

– Почему это из-за тебя?

– А у меня хронический лейкоз, – спокойно ответила девочка, – я знаю, мне недолго жить осталось. А мама переживает очень. – Она произнесла эту фразу так спокойно, что у Вилечки, понимавшей истинность и неотвратимость ее слов, защемило в груди. Она вдруг поняла, откуда взялась такая красота в этой девочке, это красота безысходности.

Виктор с изменившимся лицом тогда сказал в лифте:

– Дети так спокойно относятся к смерти, – и произнес цитату из Библии.

Вилечке показалось, что она поняла. А сейчас поняла снова. И ей вспомнилось еще одно изречение: «Блаженны верующие».

«А я не хочу быть блаженной. Витя любил повторять Пастернака: „Во всем мне хочется дойти до самой сути... Так и будет“»

Детеныш снова толкнулся, но не сильно, а будто напомнил о себе. Вилечка положила ладонку на живот, аккуратно ощупала, вот он, головка, лоб, еле заметная пипка носа. Живой, о чем он думает? А может, пока ни о чем? Но ведь есть окружающий его мир, тесный, теплый и жидкий, его вселенная. Его мама.

Глава 4

Посеявший ветер пожнет бурю

Четыреста седьмой «москвич», напоминавший профилем уменьшенную копию пузатой двадцать первой «Волги», – неплохая машина. Герман купил ее в восемьдесят четвертом по случаю у товарища отца за пятьсот рублей. Тот освобождал гараж и продал старенькую, но крепкую машину за бесценок, только заberi. Пригнал на подстанцию. Шофера-умельцы осмотрели ее, покатались по двору, надавали малую кучку советов. Движок отрегулировали, а в остальном был полный порядок. Теперь Герман на работу ездил не на метро, а на машине.

«Мне понадобится твоя помощь в начале июля». Эта фраза не выходила у Германа из головы. Весь май и июнь он работал, днем заведовал, ночами через две поддежуривал. От Маши с Вилечкой ни слуху ни духу. Но он знал и был уверен, что, если б что-нибудь случилось, Маша обязательно дала бы знать, а он прилетел бы к ним немедленно. Ольга Яковлевна вздыхала... Герман тревожился, но мама говорила: «Ничего, просто я не могу не вздыхать... Мне за девочек тревожно...»

«Так и мне тоже тревожно, – думал Герман, – только вздыхать некогда». На подстанции, как всегда, летом начинается отпускная пора, да небольшая кучка желающих поступать в институт уходит на экзамены. А в этом году по распределению пришло не так уж много народу и врачей и фельдшеров.

Оставались незакрытые бригады. Если днем еще по одному врачу или фельдшеру кое-как наскребали, то ночью один рафик оставался без медперсонала. Лето, что поделаешь?

Наконец старший вернулся из отпуска. Герман написал заявление, свез его в кадры и в первых числах июля, запасшись бензином и наложив съестных припасов, белья и постель для себя, загнал Динку на заднее сиденье и выехал на поиски жены и дочери.

Не торопясь рано утром в будний день он проскочил через Москву и уже к восьми часам въезжал в Коломну, медленно, разглядывая древние башни, проехал мимо остатков Коломенского кремля, потом мимо железнодорожного и автовокзалов, потом через Оку, поражаясь шириной и мелями... А потом, уворачиваясь от трейлеров, гнал до Луховиц. Динка, настырная, перелезла на переднее сиденье, села и, когда Герман притормаживал, упиралась лапой в приборную доску. Благополучно миновали посты ГАИ, перед самой Рязанью заехали на заправку, и, несколько раз останавливаясь, Герман спрашивал, как ему выехать на дорогу на Касимов. Всякий раз ему добросердечные горожане показывали в разные стороны. Уставший и злой, он выбрался на окраине Рязани к огромному мосту через Оку и увидел транспарант: «ВЛАДИМИР, ГОРЬКИЙ, КУЙБЫШЕВ, КАСИМОВ». Потеряв два часа в городе, он наконец вырвался на нужную ему дорогу.

В Матурове он притормозил у дома бабушки Марфы, несколько минут смотрел на зашторенные окна и двинулся дальше, в поисках хоть одной живой души, чтобы разузнать дорогу до озера. Интуитивно он понимал, что ему лучше всего дорогу узнавать у мужиков. Медленно он удалялся от села, впереди показался велосипедист. Герман остановился, вышел из машины и замахал руками, прося остановиться.

Мальчишка лет четырнадцати остановился. Динка высунула голову из окна машины и требовательно гавкнула пару раз. Герман спросил, как проехать к озеру. Мальчишка объяснил:

– Вот по дороге, до второго поворота, там на Сбитнево, указателя нет, но у поворота стоит ржавый тракторный остов, не ошибетесь, а там до Сбитнева тридцать километров, а от деревни через лес только пешком.

Герман поблагодарил. И, уже садясь в машину, услышал:

– Если вы на рыбалку, то избушка занята! – Мальчишка вскочил на велик и погнал дальше.

Черт! Все всё про всех знают! Ну как тут что-нибудь удержать в секрете?

Солнышко жарило асфальт, сушило лужи. Дорога шла меж полей, а впереди вырастала темная громада леса. Герман петлял между выбоинами, да что их тут бомбили, что ли? Он крутил рулем, притормаживал, когда ямища занимала всю дорогу, нырял и выныривал... «Москвич» кряхтел рессорами, Динка свалилась на пол и, уже не пытаясь залезть обратно на сиденье, свернулась калачиком. В нескольких местах на асфальте отчетливо виднелись следы гусеничных тракторов. А почти у самого Сбитнева он уперся в медленно ползущий трелевочник с прицепленными стволами мачтовых сосен с опиленными верхушками. Герман полз следом, пока водитель трелевочника не заметил в зеркальце его москвичок и не принял чуть в сторону к обочине. Герман, круша оставшиеся от верхушек щепки, ринулся на обгон. Деревню он не помнил, но они не похожи друг на друга. Сбитнево, в отличие от кирпичного более чем наполовину Матурова, было сплошь деревянным. Огромные двухэтажные терема и низенькие избушки, заборы от достатка, низенький штакетничек или высоченный дощатый, с массивными воротами. Асфальт только до центральной усадьбы, дальше раскисшая от дождей глина.

Приметив около усадьбы курящего мужичка, Герман подошел. Мужичок вопросительно поднял глаза. Герман поздоровался.

– И вам не болеть, – ответил тот.

– Как мне к озеру проехать?

– Никак к нему не проехать, – ответил мужичок. – Вчера дождь прошел, дороги нет. Вот подсохнет, тогда можно попытаться по просеке, сколько получится. Но она заросла.

– А куда ж мне машину девать? – Герман озадачился. Тащить все барахло на себе ему не улыбалось.

– Можно тут вот поставить, а если опасаетесь чего, так можно и ко мне во двор загнать.

А вам, если не секрет, зачем на озеро?

– Да какой секрет? У меня там жена с дочерью живут.

– Вот, значит, как? – Мужичок привстал, протянул руку. – Будем знакомы. Воробьев Михаил Матвеевич.

Герман представился. Воробьев, уважительно глядя, спросил:

– А что ж они там? Дочка-то ваша вроде как беременная?

– Беременная, – ответил Герман и впервые пожалел, что не начал курить. Очень ему сейчас не мешало в разговоре так же делать паузы, затягиваясь.

Мужичок помолчал, а потом снова спросил:

– А муж-то где, или в разводе?

– Муж погиб, – ответил Герман, – осенью.

– Ох ты, – посочувствовал Воробьев, – в Афганистане?

– Нет. В аварии, он врачом работал на скорой. – Герман сам не понимал, к чему весь этот разговор, но не отвечать не мог. Воробьев-то расспрашивал, понятно, от праздного любопытства, но сочувствовал, и за то было ему спасибо.

– А то у нас в деревне двое уже не вернутся с войны. – Воробьев плюнул в ладошку, загасил окурочек и спрятал его в карман, а ладонь вытер о штаны. – Такие вот дела. Ну что ж, давайте машинку ко мне во двор, а сами идите к озеру.

– Так у меня ж еще вещи. – Герман озабоченно нахмурился.

– Ну так и что ж, что вещи. Васька вечером приедет и на мотоцикле перевезет к вам все. Так что можете не беспокоиться. Мотоцикл не машина. – Герман удивленно смотрел на Михаила Матвеевича. С чего бы это такое участие? – Так вы езжайте за мной, тут недалеко.

Герман загнал показавшийся сразу маленьким «москвич» на широкий воробьевский двор, открыл багажник, упаковал в рюкзак самое необходимое, оставив в узле постельное белье да ящик мясных консервов в багажнике. И, закинув на одно плечо рюкзак, попрощался с хозяином, предложив денег за постой машины.

Воробьев отказался, а вместо этого сказал:

– Супруге вашей благодарность передайте. Так что денег с вас я не возьму.

– Да за что же? – Удивлению Германа не было предела.

– Ну это вы у нее узнаете, – засмутился Михаил Матвеевич, – а только спасла она весь колхоз. А остальное вечером Васька привезет, – перевел он тему.

– Васька – это сын? – спросил Герман уже у калитки.

– Почти. Жених моей Любочки. Ей еще шестнадцатый год идет, но они уж сговорились, обормоты. Ваське осенью в армию. Как вернется – поженит их.

Герман шагнул через лес, что начинался сразу за деревней. Динка держалась поблизости, иногда отбегая, чтобы понюхать то там, то сям. Хорошо, догадался взять резиновые сапоги, подумал Герман. Они помесили глину изрядно, пока не вышли на относительно сухую просеку, потом вместе ополоснули сапоги и лапы в неглубокой луже, из которой Динка сразу же нахлебалась мутной воды.

Герман пожалел, что не взял корзину под грибы. То тут, то там виднелись шляпки подберезовиков и белых. Он не удержался и несколько штук срезал в полиэтиленовую сумку. Он снял и засунул под клапан рюкзака кожанку, оставшись в одной рубашке и джинсах. И, пока шел к просеке, чертыхался: одолевали комары и слепни. Но чем ближе он подходил к озеру, тем меньше становилось и тех и других. Герман удивлялся: ну слепни понятно, деревня далеко, а они все-таки держатся поближе к скоту, но комары? Ведь вот и болотца, и ручьи, и само озеро с заболоченным дальним берегом, уж тут-то комарья должно быть вдоволь! Герман присел на поваленное дерево, вытащил из кармана рюкзака транзистор, покрутил настройку, выловил «Маяк». Динка устроилась рядом, тяжело дыша и свесив набок длинный плоский язык.

Герман повесил на грудь играющий приемник и, как заправский турист, закинул рюкзак за спину, расправил лямки и, чуть согнувшись, пошагал дальше под музыку.

Солнышко пробивалось через кроны, щебетали птицы, где-то вдалеке долбил дятел,

над головой трещала сорока, а если остановиться и замереть, выключив приемник, то уши сразу наполняются разнообразным звоном, писком, гамом и шорохом.

Озеро показалось внезапно. Лес расступился, огромная ровная поляна. Избушка и шест, врытый в землю, от шеста к избушке натянута веревка с вывешенным для просушки бельем. Динка, увидев Машу, с оглушительным лаем припустила здороваться.

Маша сидела на пенке у стола и чистила грибы, а Вилечка, придерживая животик рукой, шла им навстречу.

– Мам! Папа приехал! – крикнула она. – И Динка! Маша оставила грибы и побежала навстречу.

Они вместе повисли на шее у Германа. Динка скакала вокруг, и за ее лаем ничего не было слышно. А Герман и радовался и удивлялся. Вилечка вся кругленькая, глазищи горят, щечки хомяковые, загорела. Ходит в шортах на бедрах и в маечке. Маша от Вилечки не отстает, но кажется, похудела немного, совсем чуть-чуть, в самый раз! Он их расцеловал.

– Ну как вы тут? – И, не слушая ответов, сразу сам пожаловался: – А я по вас соскучился очень. Бабушка тревожится.

– Мы тут хорошо, – сказала Вилечка. – Мама грибы собирает, рыбу ловит, а еще у нас тут огород, правда, его свиньи испортили, а еще нам два раза в неделю молоко привозят и хлеб, вот. – Она не давала Марии Ивановне слово вставить.

– Чадо как? – Герман скосил глаза на животик Вилены.

– Нормально, – уклончиво ответила Маша, – как положено на восемь месяцев.

– Толкается, – пожаловалась Вилечка.

– Ты почти к столу, – сказала Маша, – я сейчас грибы дочищу, будем жарить.

Герман протянул свой пакетик:

– Вот еще – почисть!

Вилечка занялась с Динкой. Та скакала вокруг нее и громко лаяла. Потом отбежала к лесу, вернулась с палкой, сунула ее Вилечке в руку – покидай.

Пока Маша чистила грибы, Герман сидел рядом и расспрашивал:

– Ну как оно было?

– Как я и предполагала, – негромко отвечала Маша. – Еще в прошлом году Вилечка подарила фотографию Виктору. А тот ее потерял. Как она оказалась у Людки, не знаю, но это не важно. – Герман слушал внимательно. – А потом, в марте, Людка приехала и навела порчу на Вилечку.

Герман поперхнулся:

– Но зачем?

– Ты не понимаешь. Сколько я себя помню, она мне страшно завидовала, хотя за что? У нее мать жива была. Но больше всего ее точила зависть, что я за тебя замуж вышла. Все эти годы она копила злость.

– Как же так можно? – Герман был поражен. – Вы же сестры! А ненависть, как к чужой.

Маша усмехнулась:

– Ты не прав! Самые страшные и непримиримые войны, как правило, между родственниками. Ты представить не можешь, сколько ненависти у моих родственничков накопилось. – Она рассказала, как сняла порчу с Вилечки и что это стоило тетке Евдокии глаза. Как Людка начала гадить соседней деревне, пытаясь поднять ее против Маши с Вилечкой, но сейчас не прошлый век, народ пограмотней чуток, и Маше удалось все нагаженное Людкой исправить. Герман вспомнил слова Воробьева. Вот, значит, как Маша спасла колхоз. А потом история с кабанами. Угадать, почему вдруг стадо приперлось, Маша не могла, но на всякий случай обвела вокруг избушки круг ивовым прутиком и набормотала заговор стены, от которого не только кабаны бежали подальше, но и мыши, и комары, и слепни, и даже рыба отошла. Приходилось теперь метров за двести уходить по берегу донки закидывать.

Маша копнула на огороде пару кустиков, помыла молоденькой картошки, повесила вариться в котелке над костром. В избушке на буржуйке шкварчали в сковородке грибы.

Герман разобрал рюкзак, сказал:

- Остальное вечером Васька привезет.
- О! Ты с Воробьевым познакомился? – догадалась Маша. – Ну, как он тебе?
- Нормально, – ответил Герман. – Правильный мужик.
- Да, на редкость порядочный человек, – серьезно подтвердила Маша.

Герман вытащил из рюкзака палатку:

- Натянем?
- А зачем? Нам что, в избушке места мало?
- Честно? Маловато будет!

Они растянули маленькую двухместную палатку, потом сходили наломали лапника, постелили под палатку, а Герман ртом накачал матрац, отдышался и сказал:

– Все мое ношу с собой – *omnia mea tecum porto!* – добавил по-латыни. – Я тут буду... – Он обнял Машу, притянул к себе за талию, заглянув в глаза, спросил, понижая голос: – Придешь?

– Обязательно!

Вилечка, вернувшись с Динкой от леса, так и застала их обнимавшимися у палатки.

– Mam, pap, грибы сгорят!

Не сгорели.

Ночью в палатке Герман сказал:

– У тебя шершавые руки. Я отвык.

– Так ведь все на мне, и дрова и огород. Кстати, ты скажи Виленке, чтоб она бандаж носила, а то хорохорится, а потом будет мучиться с растяжками.

– А что, не хочет?

– Не понимаю, стыдится чего-то. А с голым пузом бегать не стыдится.

Герман покрутился, устраиваясь поудобнее, после московской постели надувной матрац на лапнике – это далеко не перина. Маша устроилась на волосатом плече. Луна светила сквозь палаточный брезент и щели в клапане, шерсть на груди Германа серебрилась.

– А ты поседел, – сказала Маша, пальцем шевеля волосы на его груди.

– Как тут не поседеешь, столько забот?!

Полог откинулся, и внутрь влезла Динкина голова, лизнула Германа в босую пятку. Герман хихикнул, дернул ногой.

– Уйди, животное! Что ты делаешь?!

– Кто там? – спросила Маша.

– Ну кто может быть? Псина наша. От большой любви пятки щекочет. Уйди, кому сказал!

Динка улезла на улицу. Долго ходила кругами вокруг палатки, топталась, шумно нюхала воздух, потом, найдя траву помягче, упала, вздохнув.

Они проснулись оттого, что Вилечка сидела в ногах на корточках и, как маленькая девочка, теребила Машу.

– Mam, пойдём со мной.

– А что случилось?

– Мне страшно.

– Боже мой! Ну пойдём.

Маша оставила полусонного Германа и ушла в избушку. Край неба над лесом еле заметно поглубел.

Со дня приезда Германа установилась жара и безветрие. По радио мрачно обещали сухую жаркую погоду. Спасало озеро. Маша рассказала, что оно невероятно глубокое, а со дна бьют холодные ключи, и даже в самую жаркую погоду от озера веет прохладой. Герман с Вилечкой рванули было искупаться, но Маша настрого им запретила:

– Тут глубина от берега, а теплые только верхние полметра. Ногу сведет, и квакнуть не успеешь, как на дне окажешься.

– Mam, ты ещё скажи, что водяной утащит или русалки...

– Врать не буду. Но вы и сами посмотрите, кто-нибудь из деревенских тут купается? Нет. У них недалеко и помельче другое озеро есть, туда и ходят.

Пришлось Герману с Вилечкой обойтись обливаниями из ведра на берегу.

Герман подступил к Маше:

– А может, уедем, раз с Вилечкой все нормально. Родит она в роддоме. А?

– Нам десять километров трюхать до Сбитнева, как ты себе представляешь это? Сейчас, конечно, подсохло, но на машине ты сможешь проехать не больше половины дороги. А в мотоцикл я Вилечку не посажу, сразу родит. Что тебя беспокоит?

Герман признался:

– Я роды принимал раз пять всего. А если осложненные будут?

– Ты ее осматривал? Плаценту выслушал? Сердцебиение плода? С чего они должны осложниться? Она на санаторном режиме, воздух – чище не бывает! Питание здоровое, не переедает. Мы с тобой отлично примем ребенка. А самое главное – я тут закрою нас всех, а в городе не смогу. И в отличие от тебя я роды принимала. И не пять раз, а десять и еще шесть.

– Это как?

– А в училище нам зачет по акушерству не ставили, если десять родов сами не примем, вместе с акушеркой. А я потом еще шесть раз принимала, попросилась. Так что не переживай.

Маша была спокойна. От ее уверенности и Герман успокоился. А что? Вилечка девочка здоровая, ни отеков, никаких других осложнений беременности нет. Образуется все.

Герман облизнул сухие губы. Жара. Как же печет! Он ходил повязав на голову майку и время от времени мочил ее в озере.

Вилечка таяла в избушке на лежанке, книжка – сборник детективов – в ее руке безвольно висела над полом.

Герман вошел в избушку:

– Хватит дрыхнуть! Подъем! Ночи тебе мало? Пошли водичкой ополосну! Погуляем.

– Ну, пап! Я поспать хочу.

– А вот я тебе! – Герман тормошил ее. – Пошли в лесу погуляем, все не так жарко!

Когда они вышли на полянку, увидели, что Маша, оставив огород, занималась странным делом: она обходила по кругу избушку и палатку и саперной лопаткой выкапывала неглубокие ямки, выбирала из них траву, перемалывала в пальцах сухую землю, шептала, плевала и высыпала землю обратно. В полуметре она снова копнула ямку, и все повторилось, еще в полуметре опять...

Вилечка, увидев маму за этим странным занятием, припала к отцовскому плечу и прошептала:

– Мама колдует. Обалдеть!

Маша высыпала землю в ямку, отряхнула пальцы и, разогнувшись, сказала:

– Вы куда-то шли? Ну и идите, не мешайте.

Динка увязалась за ними. Сначала она металась между Германом с Вилечкой и Машей, лаяла, требуя немедленно сбиться в кучу и не отрываться, но в конце концов пошла в лес, оставив Машу в покое за своим необычным занятием.

В лесу Вилечка спросила:

– Пап, скажи, а ты веришь, что наша мама умеет колдовать? И вообще в *это* веришь?

Герман улыбнулся:

– Какая разница – верю, не верю? Я видел своими глазами, как наша мама, еще когда была младше тебя, за несколько секунд загипнотизировала пятерых парней, внушив им, что у них ноги горят. Я видел, как она, встретив человека на улице, говорит мне, чем этот человек болеет. Причем никогда не ставит диагноз, а называет болезненное место или орган. Мне иногда с ней страшно. Такое впечатление, что живешь с рентгеновским аппаратом. И еще, ты обратила внимание, что мы никогда не болеем, даже зимой? Но она старается этой своей способностью не злоупотреблять.

Динка, услышав последний слог, строго облаяла Германа – матом ругаться нельзя!

- Ты вот веришь или нет? – Он хитро посмотрел на Вилечку.
– Я не знаю, – сказала Вилечка растерянно, – глаза верят, а ум не хочет.
Они брели вдоль границы леса по берегу.

Потом свернули в лес и пробирались кустами, Герман придерживал Вилечку, чтобы не споткнулась ненароком. Они лесом прошли к поляне и вернулись к избушке. Маша закончила свое необычное дело и сидела в избушке. Вилечка никогда не видела такой странной картины: мама сидела сложив ноги кренделем, руки расслабленно лежали на ступнях, большие и указательные пальцы сложены в кольца и монотонное гудение наполняло избушку. Вилечка сначала подумала, что гудят стены, но потом догадалась: звук исходил от мамы. Герман стоял сзади. Маша, казалось, не слышала их шагов. Герман взял Вилечку за плечи и вывел из избушки.

- Что это?
– Медитация, – ответил Герман. – А я и не знал, что Маша медитирует.
– А зачем?
– Давай, она закончит, ты спросишь.
– А ее всему этому бабушка Марфа научила?
– Мама рассказывала, что способности врожденные, а бабушка их только развивала и учила ее. – Герман присел за столик, Вилечка, держась за поясницу, развалилась на единственном стуле. – Но мама не распространялась об этом. Ты понимаешь, ей никогда не хотелось быть исключительной.

Медитация закончилась. Маша вышла из избушки, пригладила и закрутила резинкой волосы в хвостик. Запахнула халатик. Герман и не заметил, что жена медитировала в купальнике. А при чем тут это? – мелькнула мысль. Какая разница, в чем она была? В такую жару удивительно, что они с Виленой вообще нагишом не ходят. Герман вдруг почувствовал не просто жару, воздух стал вязким и липким, словно кисель. Он никак не мог надышаться, Вилечка закрыла глаза и сползала медленно со стула на землю. Маша подошла к Герману и прокричала на ухо:

- Помоги мне! Возьми Вилену, и пошли в дом!

Герман медленно прошел к лежащей Вилечке, поднял ее и повел, безвольную, раскисшую, в избушку. Как только они вошли в дом, почувствовали прохладу, будто здесь работал кондиционер. Маша вошла следом и закрыла дверь. Вилечка пришла в себя. Герман вздохнул полной грудью.

- Что случилось? – спросил он. – Такая духота!
Маша присела на лежанку. Герман в ожидании ответа прислонился к стене.
– Из дома не выходить, – сказала Мария Ивановна строго. – Во всяком случае, Вилену пусть сидит тут.
– А Динка? – Герман вдруг вспомнил, что колли улеглась возле палатки, тяжело дыша.
– С ней ничего не случится, в крайнем случае убежит в лес.
– А чего мы ждем?
– Увидишь, – уклончиво ответила Мария Ивановна, – хочешь, ложись, это надолго.
– А в туалет?
Маша открыла дверь:
– У тебя несколько минут!

Герман снова вышел во влажный стоящий воздух. Он заметил, что, пересекая сделанное Машей кольцо вокруг избушки, он будто окунается в горячий пар. Бросив мимолетный взгляд на воду, он застыл в изумлении: при кажущемся безветрии вся поверхность озера была покрыта остроконечными зубчиками. Герман вспомнил: на море такое явление называется мертвая зыбь и предвещало шторм. Он сделал, зачем вышел, и вернулся в дом. Включил приемник, покрутил настройку, сквозь сплошные трески помех он отловил программу.

- Маша смотрела на него. Герман поставил на полочку хрипящий приемник и спросил:
– Мы ждем бурю?

- Ждем, – сказала Маша, а Вилечка лежа спросила:
- Мам, а зачем ты медитировала?
- Захотелось.
- Нет, я не в смысле – зачем, а в смысле – для чего?
- Для того чтобы подтвердить или не подтвердить догадки.
- И что? Подтвердила?
- Да.

Герману и Вилечке очень хотелось спросить: а что это были за догадки? Но они удержались.

Время растянулось. В избушке было поразительно тихо. Из лесу не доносилось ни звука. Замолчали птицы. Мертво обвисла марлевая занавеска у дощатой двери. Мария Ивановна выглянула за дверь и внесла два ведра чистой, но уже теплой воды. Повернулась к Герману:

- Собака где?
- Я видел, как она залезла в палатку.
- Хорошо, если не ударится в панику, все будет нормально.

В этот момент избушка озарилась ярким свечением, Вилечка втянула голову. И почти сразу же ударил гром. Из палатки донесся лай. Герман подскочил к окошку, выглянул. Вилечке показалось, что он загородил свет, но стемнело мгновенно. Черная туча закрыла небо и полосовала молниями поляну и озеро. Окошечко выходило к лесу, и Герман не видел, как забурлила вода и из глубины стала подниматься мертвая рыба. За грохотом ничего не было слышно. Вилечка сидела на полу, зажав руками уши.

Маша что-то говорила, но Герман видел только шевелящиеся губы.

- Что? – Он наклонился к Машиному лицу.
- Приемник выключи!
- А! Сейчас.
- Дождя нет?
- Сухо пока.

– Скоро придет. – И как только Маша произнесла эти слова, молнии прекратились, будто отключили рубильник, и оглохший Герман почувствовал, как от атмосферного электричества волосы поднимаются. Маша тоже выглядела взъерошенной.

Динка, пока били молнии, бесновалась в палатке, ей хватало ума не выбежать наружу. Она спрятала голову под надувной матрац и утробно выла от страха при каждом ударе грома.

Маша приподнялась к Герману:

- Окно прикрой.
 - А что?
 - Опасно, может шаровая молния влететь.
- Герман, пораженный, оглянулся на Машу.
- Ты думаешь?
 - Чувствую.

Герман послушно отошел и прикрыл окошечко. Он уже две недели тут, и тогда, в начале шестидесятых, живя в сельской местности три года, он ни разу не видел такой грозы. Судя по звуку, молнии сместились за лес дальше, гром был все тише... Герман взглянул на часы: четыре ровно. Он снова включил приемник.

«...скорость ветра достигнет восьмидесяти – ста метров в секунду...» За треском и шипением слова терялись.

Герман задумался, считая.

- Это примерно триста километров в час!
- Вилечка подняла глаза на Марию Ивановну.
- Мам, что это? – Под ней растекалась лужица.
 - Воды! Герман!

Герман с Машей подняли Вилечку с пола и положили на постель. Герман ощупал плод, правой рукой определяя спинку, ягодицы вверх и головку, спустившуюся к лону.

– Головное предлежание, позиция первая. – Он достал из сумки фонендоскоп и выслушал сердцебиение. Животик у Вилечки уменьшился и уплотнился. Герман положил руку, почувствовал, как по матке пробежала еще слабая судорожная волна.

Вилечка поморщилась и сказала:

– Вот. Начинается...

– Еще только начинается, – сказала Маша. – Не торопись.

Она наклонилась к Герману, и в этот момент избушка содрогнулась от удара ветра. Герман опять подскочил к окну. Лес будто причесывали гигантской гребенкой, огромные сосны гнулись, трясая верхушками и напрягая корни. Герман увидел, как бревно, служившее им скамейкой, сорвалось с подпирающих колышков и покатилося в сторону избушки, набирая скорость. Герман ждал удара, однако, докатившись до обозначенного Машей круга, оно изменило траекторию и укатилось в сторону озера. Присмотревшись, Герман увидел, что травинки, щепочки и песок, будто натываясь на невидимую стену, оползают в стороны. Он оглянулся на Машу, та готовила на столике, на стерильной одноразовой простыне инструменты, шприцы и упакованные иглы с шовным материалом. И снова его поразила собственная жена. Двадцать лет вместе прожили, а о таких способностях и не подозревал. Это вам не пятерых пьяных парней загипнотизировать!

– Маша, откуда это?

– В хирургии взяла, – ответила Маша. – Там у старшей много всякого добра накопилось. Я и сама не подозревала. Пришла кетгут просить да иглы с держателями, а она вот что выложила. Ты шить умеешь?

– Умел. А ты боишься разрывов?

– А ты не боишься?

Избушка больше не дрожала, ветер посвистывал в щелях. Маша приоткрыла дверь, выставила мусорное ведро. Герман подумал – унесет, однако за дверью было спокойно. В сгущавшихся сумерках он увидел, что склоненная над озером ива на дальнем берегу упала ветвями в воду и тлела. Молния ударила, догадался Герман. На середине озера плавал какой-то непонятный рогатый предмет, с трудом Герман узнал вывернутый из земли уличный столик.

– Можно выходить? – спросил он жену.

– Не советую. Ветер еще не стих.

– У нас стол унесло.

– Завтра поймает. Но ты, если хочешь, выйди, только далеко от дома не отходи. Я пока обработаю Вилечку.

Дочь лежала на спине и периодически постанывала. Герман засек периодичность схваток – каждые пятнадцать минут, еще не скоро – и вышел, притворив дверь. Его обдувал легкий ветерок. Со стороны леса вокруг избушки трава стояла дыбом, а дальше по поляне стелилась. Некоторые из деревьев на опушке лежали вывернутые с корнем, в дальней дубраве с треском отломился и рухнул на землю огромный сук. До Германа донесся шум. Он сделал шаг вперед, и тут же ему запорошило песком глаза, раздуло ноздри, потянуло к воде. Он качнулся назад. Тихо. Хочешь – верь, хочешь – не верь, подумал Герман. Рассказать кому – не поверят. А с чего это он будет рассказывать? Темнело все быстрее.

Дверь избушки приоткрылась, Маша выглянула:

– Заходи! – и, сильно размахнувшись, выплеснула ведро.

Будто по команде, с неба полило. Маша зажгла керосиновую лампу, повесила ее на стену. Герман обеспокоился:

– Не сгорим?

– Не каркай, – одернула его Мария Ивановна, – и не сгорим.

Вилечка сосредоточилась на схватках. Герман, подсвечивая фонариком, осмотрел ее еще раз, головка спустилась в малый таз. Он сказал об этом Маше.

– Я знаю, раскрытие на три пальца, – ответила та. Вилечка стонала, Маша держала ее за руку и говорила: – Не кричи, дыши, вдох ртом, выдох носом. И не тужься!

Вилечка кивала и тут же кричала натужно.

Маша пошлепала ее по щекам.

– Ты слышишь меня? Это вредно! Нельзя сейчас тужиться! Ты ребенка толкаешь в закрытую дверь!

Не смей! Терпи и дыши! Еще рано! – Она повернулась к Герману. – Сколько прошло после отхождения вод?

Тот глянул на часы:

– Четыре часа! Ого!

– Нормально, стимулировать все равно нечем, – сказала Маша. И снова к Вилечке: – Девочка моя, терпи, дыши и терпи!

Вилечка разожмурилась, она перевела глаза на маму:

– А Витя где?

Герману показалось, что он ослышался.

– Рядом! Терпи! Дыши носом, – твердо сказала Маша, – Виктор рядом! Он с тобой. Терпи. Не позорься!

– Не буду, – простонала Вилечка. – Витенька.

Германа бросило в озноб. Ему на мгновение показалось, что в изголовье над Вилечкой склонился Виктор Носов. Он зажмурился, а когда открыл глаза, видение пропало. Он взял марлевую салфетку и вытер пот на лбу у дочери.

– Терпи, девочка, терпи. – Герман перехватил ее руку у Маши. – Посмотри раскрытие.

– Четыре пальца, – сказала Маша, – моих.

– Мало, будем ждать.

Дождь молотил по крыше. Потрескивал фитиль лампы. Вилечка старательно дышала, схватки уже шли через каждые десять секунд, иногда сливаясь в длинную волну. Изредка у Вилечки на выдохе через нос вырывался стон.

Герман еще раз прослушал сердцебиение плода, но за стоном не смог услышать.

– Виля, помолчи. Я не слышу. – Она задышала ровнее. – Все нормально, сто пятьдесят в минуту! Маша, посмотри, голова вся уже там.

– Четыре-пять твоих пальцев, я вижу головку. – Маша подсвечивала фонарем.

– Потуги пошли, – сказал Герман и скомандовал Вилечке: – А вот теперь тужься, девочка! Тужься! Вниз тужься! Вниз! – закричал он, и Маше: – Предохраняй промежность!

– А я что делаю? – откликнулась та, принимая выскочившую головку, затем подтягивая сначала одно плечико, затем другое и выкладывая целиком розово-красное тельце с крепко зажмуренными глазами на живот дочери. Желтая пуповина петлями свисала. – Обвития нет, – сказала Маша. – Мальчик.

Детеныш приоткрыл один глаз, затем другой, вдохнул и пронзительно заорал.

Герман двумя шелковыми петлями перетянул пуповину и ножницами рассек желатинообразную трубку, соединяющую новорожденного и Вилечку.

Маша положила ребенка на столик у окна, зачерпывая ладонью слегка подогретую воду, обмыла первородную смазку со спины и попки. Маленькой спринцовкой отсосала попавшие в рот и нос малыша околоплодные воды. Капнула в каждый глаз по капельке альбуксиды. Ребенок заорал громче. Она быстро, будто только вчера занималась этим, запеленала его.

Герман принял послед в большую миску и под фонарем внимательно осматривал его.

– Все нормально, плацента цела.

Вилечка лежала молча, слезы катились из глаз, она повернула голову набок и смотрела на орущего сына.

Маша посмотрела на Германа, спросила:

– Сколько времени?

– Полдесятого.

– Пять с половиной часов. Нормально. – Маша улыбнулась. – Я забыла, как там у акушеров, быстрые или нормальные роды?

Герман, уставший, будто сам рожал, сел на пол.

– Пес их знает, я уже не помню. Посмотри ее на предмет разрывов, а я, если что, зашью.

Маша взяла фонарь и стала внимательно изучать родовые пути. Вилечка попросила:

– Мам, а можно я его возьму?

Герман взял кулечек с оружием внуком со стола, передал его дочери и снова сел на пол, сложив ноги по-турецки. Потом проговорил медленно:

– Ну что, Маша, вот мы и стали дедом и бабкой. Свершилось.

– Нет у нее никаких разрывов, – вставая с колен, сказала Маша. Она прикрыла Вилечку стерильной одноразовой пеленкой. – Отдыхаем. – И села рядом с Германом.

Детеныш утомился орать и уснул. Вместе с ним заснули все и вместе с ним проснулись через два часа. Вилечка привстала на лежанке, позвала:

– Мам! Мама! – Вся рубашка на груди и простыня были мокрыми. – Мам! Молоко!

– Ну так и что? – Маша помогла ей освободиться от мокрой рубашки, надела свежую, под правую грудь подложила пеленку, а к левой приложила чмокающее от запаха молока чад. – Корми!

На Вилечку вдруг накатило такое невыразимое чувство нежности, она чувствовала нежные пухлые губки, еще мягкие десны, сжимавшие сосок, и уже требовательную силу всасывания. «Вот он, наш с Витей сын. Виктор Викторович». Молоко она давала легко, новорожденный почти не сосал, струйка сама стекала ему в рот, он проглатывал, пуская пузыри, но через десять минут устал и уснул.

– Мам, что делать? Оно еще течет.

Мама подставила ей пол-литровую чистую баночку:

– Сцеживай.

– А как же? Он, может, потом еще поест?

– Сцеживай, – требовательно сказала Маша, – покормишь с другой груди. Сцеживай, – повторила она, – а то молоко пропадет.

Она смотрела, как дочь несколько минут мучилась над баночкой, молоко никак не хотело сцеживаться, наконец села рядом, обняла Вилечку со спины и одновременно, держа в своих руках руки Вилечки, показала, как правильно сцеживать молоко.

Полчаса длилась эта процедура, затем Вилечка спросила:

– А куда его?

– Поставь на стол. – Маша, словно фокусник, достала из кармашка сумки стеклянную мерную бутылочку, а к ней резиновую соску, упакованную в чистую салфетку. – В твоём сегодняшнем молоке-молозиве вся польза для малыша. Выливать его жалко.

Вилечка положила ребенка на свою подушку и подошла к Герману, спящему сидя на полу.

– Пап! Может, ты пойдешь в палатку? Ну чего ты мучаешься?

Герман протер глаза.

– Что? Да. Сейчас пойду. – Он открыл дверь. Дождь кончился. От ободранной земли поднимался пар, с озера напал туман. Герман взял фонарь, пошел к палатке, откинув полог, и увидел лежащую на животе Динку. Палатка стояла, ни один колышек не выскочил. Ай да Маша!

– Сегодня могла быть наша последняя ночь, – сказала вышедшая следом за ним Маша. – Но не будем об этом. Все прошло. – Она посмотрела на восток, небо голубело. Туча разошлась, будто ее и не было. Звезды тускнели и гасли. Маша показала на поваленные деревья, разбитую иву, сказала:

– При таком урагане мы со своей избушкой давно бы плавали в озере. – Она оглянулась на Вилечку:

– Иди в дом, прохладно!

– Но что же было?

– Не важно, – сказала Маша, – я все равно не смогу объяснить, а ты понять. Ладно, потом поговорим, иди спать.

Герман влез в палатку, сдвинул дремлющую Динку к краю матраса и отключился. Проснулся от настырного пиханья лапами в бок и еще от солнечного зайчика, что пролез сквозь щелку в клапане палатки.

Солнышко поднималось над озером. Герман осматривал разрушения. Бревно и столик унесло далеко, к другому берегу. Несколько сосен с опушки лежали на земле, выставив на обозрение мосластые корни. Присмотревшись, Герман увидел, что в лесу будто вторая просека образовалась.словно какой-то великан большой дубиной прочесал в лесу пробор. Высоченные сосны были сломаны посередине. Герман прошелся по берегу, раздумывая, как бы донкой дотянуться до плавающего вверх ногами столика.

К десяти часам из леса вывернулся Васькин мотоцикл, по самый бензобак в рыжей глине, в коляске сидел Воробьев. Он выбрался на твердую землю и, шагая навстречу Герману, протянул руку:

– Ну, как вас тут – не смыло?

– Как видите, Михаил Матвеич, – откликнулся Герман.

– Удивительно! А у нас смерч прошел. Ох и злой! – Воробьев увидел поваленные деревья. – Да и вас тут тоже погладил!

– Смерч? – удивился Герман. В этот момент народившееся ночью чадо завопило на всю поляну, требуя еды и сухого белья!

– С прибавлением вас!!! Разродилась? – Воробьев хлопнул себя по бокам. – Да как же, вы сами, что ли, роды принимали?

– Принимали, – сказал Герман. – Внук родился. А что ж смерч натворил?

– Да уж натворил, точно. – Воробьев загибал пальцы: – Провода порвал, шифер с фермы весь подчистую снял и мелко покрошил да все в поле и высеял. От теперь работы! С трех домов чуть крыши не снял, но сдвинул. Все яблоки в садах обобрал... А как в вашу сторону пошел, через лес, мы решили – все... Тут же, как в тазу... Избушка-то ваша что спичечный коробок. Я ехал, думал в озере вас вылавливать.

– Видно, мимо прошел.

– То-то и оно, что прошел.

Герман пошел к дому, Воробьев следом. Вилечка сидела на лежанке, кормила малыша. Мария Ивановна, в шортах и купальнике, укладывала сумку. Мужчины встали в дверях. Герман удивленно спросил:

– Мы что, уезжаем?

– Думаю, пора. – Маша укладывалась быстро и решительно. – Главное дело сделано.

– Но ты так боялась... – сказал Герман.

Маша разогнулась, держа в руках белье.

– Больше нечего бояться. Все кончено, и мы можем ехать домой.

– Маш, я на тебя не устаю удивляться. То мы запираемся в этой избушке на всю ночь и сидим у озера как проклятые, то собираемся и мотаем. Может, проживем еще недельку? У меня отпуск не кончился.

Воробьев, не смущаясь, стоял в дверях.

– Если решили съехать, то женщин сейчас в мотоцикл посадим с дитем и вещами, а мы сзади пойдем и подтолкнем, если что.

Вилечка подняла глазки:

– Я могу еще пожить.

– Нет уж, – решительно сказала Маша, – все. Наша эпопея на этом заканчивается.

– Чего ж ты хочешь? Вилечка вон вчера только родила. Дай ей хоть отдохнуть. – Герману не столько в самом деле хотелось остаться, сколько обыкновенное упрямство говорило. Ну чего Машка все сама решает? А при Воробьеве начинать серьезный разговор, да и при Вилечке, не хотелось. Он подошел, мягко отобрал у Марии Ивановны сумку и, взяв

за руку, сказал: – Пойдем прогуляемся, поговорить надо.

Мария Ивановна нехотя поставила почти собранную сумку.

– Ну пойдем.

Воробьев посторонился, пропуская их. Он деликатно помалкивал, понимая: супругам надо решить важную проблему.

Они отошли к лесу, и Герман спросил:

– Тебе не кажется, что пора хоть что-нибудь объяснить?

Маша молчала.

– Я понимаю, что твои сверхъестественные штуки объяснить невозможно или сложно, но отчего мы так быстро начали собираться? Объясни, наконец, мы прячемся неизвестно от чего в это столетней халупе! В абсолютно антисептических условиях принимаем роды у собственной дочери! Слава богу, без осложнений! Я не знаю, что бы мы делали, если бы началось кровотечение?! – Его начало трясти. – Безумие какое-то! А сейчас, когда все благополучно прошло, мы внезапно собираемся уезжать? Зачем?

– Извини, – сказала Маша, – я должна была с тобой посоветоваться. Я понимаю тебя. Но за Вилечку я не переживала. Ты можешь не верить, но я была на все сто в ней уверена. И прятались мы тут не от непонятной угрозы. Я не виновата, что эта угроза понятна только мне. И я тоже никак не отойду от прошедшей ночи.

– От чего же?

– От всего. – Она поежилась. – Ты просто представить не можешь, через что мы вчера ночью прошли. – Маша, как всегда, когда надо было рассказывать о мистических вещах, становилась немногословна.

– Наверное, не понимаю, – сказал Герман. – Воробьев говорит: смерч был, но я когда выглядывал, никакого смерча не было.

– Ты его не увидел, потому что в тот момент мы были в нем.

– Что?! – Маша не ответила, а Герман продолжал: – Ты хочешь сказать, что смерч прошел через нас, когда Вилечка рожала?

– Именно.

– И то, что ты вчера что-то такое вокруг избушки делала, уберегло нас?

– Уберегло. – Маша озаботилась, свела брови. – Герман, если б это был обычный смерч, нам ничто бы не помогло.

– Как это понять? – Герман приготовился выслушать историю о заговорах, колдовстве, но Маша сказала:

– Я вчера поставила зеркало, это такое заклинание, когда любое действие, направленное против нас, вернется к тому, кто его инициировал. – Она медленно, почти по слогам выговорила это слово.

– Опять сестренка? – догадываясь, спросил Герман.

– Я не знаю точно, вчера я только и смогла убедиться, что над нашей головой собираются тучи, вызванные чужой недоброй волей. А кто? Ну вероятнее всего, что это Людка с Евдокией, но убежденно сказать не могу. Герман, не ломай голову. Я не хочу выглядеть в твоих глазах – хотя, может быть, и так уже выгляжу – суеверной дурой... Тебе придется доверять мне, хотя бы потому, что я в настоящий момент понимаю больше и могу больше, чем ты. Просто поверь и не мешай.

– Ну хорошо, – сказал Герман, – но почему так срочно?

– Ну, хотя бы потому, что у меня не много гигиенических пакетов и ваты для Вилечки. И еще потому, что надо бы ее провести через роддом, зафиксировать роды. – Маша, казалось, успокоилась. – Да и Воробьев очень кстати приехал. Давай сегодня отвезем Вилечку с ребенком в роддом в Солотче, сами переждем два-три дня в Матурове и потом вернемся домой?

Герман задумался. Они с Машей медленно двигались в сторону избушки. Воробьев стоял на берегу озера, рядом переминалась Динка и поддавала носом под руку. Вилечка в блузке, не сходящейся на груди, вышла из избушки и пошла навстречу родителям.

– Ладно, – сказал Герман, глядя на нее, – поедem. Ты права.

– Мам! – поддержала Вилена, – поехали, а? Мне надеть нечего, – она выставила увеличившуюся грудь, – теперь что, так и останется?

Маша рассмеялась:

– Нет, но, пока кормишь, придется походить так!

– Собираемся! – крикнул Герман, чтобы и Воробьев услышал.

Васька развернул мотоцикл в сторону просеки. Герман скатал еще влажную палатку, про себя думая: не забыть бы просушить, сгниет, сложил рюкзак, вдвоем с Машей они очень аккуратно зарыли весь мусор.

Погрузились в мотоцикл. Вилена в коляску, с ребенком на руках, Маша верхом на заднее сиденье. Герман закинул похудевший рюкзак за спину, а Воробьев, отобрав у него сумку, затолкал ее Вилене под ноги в коляску. Маша прибралась в избушке. Спрятала в тайное место лампу, ножи, посуду и, оставив приоткрытой дверь, поклонилась дому, давшему приют на последние два месяца. У мотоцикла она спросила Германа:

– Какое сегодня число?

Тот глянул на часы:

– Двадцать второе.

Маша удовлетворенно кивнула и сказала:

– Лев. Ну, поехали!

Мотоцикл сразу ушел вперед, и Динка, страшными собачьими словами ругая его, припустила следом. Однако через полчаса Герман с Воробьевым догнали их. Вилечку укачало. Они постояли, Воробьев перекурил, погрузились снова, и мотоцикл опять ушел вперед, брызгаясь глиной, но на этот раз Динка осталась с Германом. Она только полаяла вслед вонючему и трескучему агрегату, потом оглянулась на Германа и ему погавкала: ты что стоишь? они же уезжают!

В конце концов от привала до привала и мотоцикл с женщинами, и Герман с Воробьевым вышли к Сбитневу. Видок у села и в самом деле был плачевный: поваленные заборы, обломанные антенны, голые яблони, водонапорная башня со свернутым набекрень баком.

Герман присвистнул, глядя на разрушения. Он шел к воробьевскому двору и гадал: а цел ли москвичок?

Воробьев предложил зайти в дом, пообедать на прощание, он, чувствуется, рассчитывал на повод пропустить маленькую, а может, надеялся, что у Маши или Германа сохранилась где-нибудь заначенная бутылочка? Однако они поблагодарили Воробьева сердечно, Вилечка только отлучилась ненадолго по своим делам, и, загрузив все вещи в багажник, посадив Вилечку с младенцем назад, а Машу с Динкой вперед, Герман выкатился со двора. Он сразу остановил машину и, выйдя, вернулся к Воробьеву, закрывающему ворота, достал из кармана кошелек.

– Михаил Матвеевич, спасибо вам! Возьмите деньги. – Он протянул двадцать пять рублей.

Воробьев смотрел на протянутую бумажку, но не брал. Потом сказал:

– Слишком много. Давайте десять.

Герман удивился:

– Но почему? Берите эти.

– Не, – сказал Воробьев и, когда Герман заменил четвертной на червонец, взял бумажку и сказал: – Давно хотел купить бутылочку за восемь двенадцать, да жалко было. А теперь отведаю. – Он с таким предвкушением произнес «отведаю», что Герман понял: Воробьев будет ценителем. Но чтоб дожить до пятидесяти, а меньше ему никак нельзя было дать, и не попробовать коньяк? Этого Герман понять не мог. Ну вот, теперь сбылась мечта. Или сбудется. Он аккуратно выкатил машину на асфальтовую дорогу и медленно, чтобы не трясти кормящую на заднем сиденье Вилечку, покатылся между лужами. Он помнил, что в некоторых ямах торчали арматурные прутья, которых теперь не было видно в воде. Вот так

напорешься – и каюк. Он петлял от ямы к яме и, время от времени бросая взгляды на склонившуюся к малышу Вилечкину головку в косынке, думал. И вдруг его осенило. Он повернулся к Маше, притормаживая, и сказал:

– Слушай-ка, Маш! Мне тут вон какая мысль в голову пришла! – Герман старался все выдавать в шутливо-веселой манере.

Маша повернулась к нему:

– Ты говори, но смотри на дорогу. И какая же мысль?

Герман продолжил:

– Ну мы с тобой ребята еще не старые, а ты у нас так и вообще девушка. А Виленке еще жить да жить, да замуж выходить!

Маша смотрела на него, не понимая, как реагировать на его слова.

– Я к чему веду? А что, если ребенка оформить не на Вилечку, а на тебя? Будто это ты родила! Будет у Виленки брат! Мы-то будем знать, что это сын, но это, как говорится, информация для внутреннего пользования.

Маша раскрыла глаза еще шире, чтоб не видела Вилечка, покрутила пальцем у виска, а Герман, подмигнув, продолжал:

– Ну в самом деле?! Виленк, сын будет с тобой, живи, люби, воспитывай, но на тебе не будет ярлыка матери-одиночки. Официально. А неофициально это никого не касается.

Вилена подняла глаза:

– Пап, ты что, серьезно? Мне кажется, ты шутишь...

– Да какие шутки? – Герман снова подмигнул Маше. – Сейчас в роддом завезем Машу с ребенком и тобой, с гинекологом договоримся, не последняя бестолочь, надеюсь! Документы у нас с собой. Все паспорта. В конце концов, можно и через главврача оформить, пишем заявления, и дело сделано. Ребенок живет в семье, только официально его матерью и отцом считаемся мы с Машей! А ты будешь его старшая сестра. – Германа захватила эта идея. Она и в самом деле показалась ему гениальной.

Маша повернулась к Вилечке и, увидев недоумение в глазах и нерешительность, спросила:

– Тебе нравится?

– Я не знаю, – растерянно сказала Вилечка. – Как же это? Я все понимаю, вы обо мне печетесь, о моем будущем... Я не знаю.

Пока медленно ехали, Герман опустил окно, Маша, не выдержав жары, – тоже. Маша спросила обеспокоенно:

– Ребенка не простудим?

– Я еду с черепашей скоростью, – сказал Герман, переваливаясь от ямы к яме. – Когда ж кончится этот полигон? А как на нормальную дорогу выйдем, закроем. – Он снова качнул головой в сторону Вилены: – Ну так что? Понравилась идея? А тебе, Маш?

Мария Ивановна покачала головой:

– Неожиданная какая-то. А вообще не лишняя смысла. В конце концов, кому какое дело? Я уволилась, роды домашние... Виленка, ты в консультации была?

Вилечка покачала головой.

– Не была. Значит, официально беременность не зарегистрирована... Другое дело, что для меня беременность поздняя, роды могли пройти с осложнениями... – Она задумалась, подыгрывая Герману. Думая, только бы не перейти ту грань, когда еще можно все свести в шутку.

Вилена, положив рядом с собой и придерживая рукой, чтобы не скатился, малыша, задумчиво смотрела вперед. В какое-то мгновение она подумала: «А что, в самом деле? Мой сын, останется моим... даже если будет записан на маму». На мгновение появилось чувство омерзения. «Кого мы хотим обмануть, себя? Вероятного в будущем жениха? Зачем вообще все это?» И в то же время идея подкупала и простотой, и формально чистым паспортом. «Буду я выходить замуж?» Вот об этом Вилечке меньше всего хотелось думать... После родов в голове сохранялся какой-то эйфорический туман, когда все вокруг казалось

малореальным, все слова доходили медленно, собственные мысли созревали тоже медленно, и вся жизнь вокруг проходила словно за аквариумным стеклом. Она усмехнулась и, включаясь в игру, предложенную отцом, сказала:

– Я подумаю, идея необычная.

Герман оживился.

– Думай, но поскорее! – Он подъезжал к тракторному остову и повороту на Матурово. Он притормозил, пропуская велосипедиста. На багажнике того лежал привязанный магнитофон, из которого доносилась знакомая и в то же время какая-то незнакомая мелодия. До Вилечки словно сквозь вату донеслись слова: «Подойди скорей поближе, чтобы лучше слышать... если ты еще не слишком пьян... о несчастных и счастливых, о добре и зле, о лютой ненависти и святой любви...» Вилечка вдруг ощутила себя на диванчике в холле подстанции, за новогодним столом... Виктор отложил гитару и сказал кому-то: «Никольский, Константин Никольский».

Вилечка закрыла лицо руками и зарыдала, она вдруг сквозь слезы закричала:

– Как вы могли? Это же предательство! Никогда! Никогда! Это Витин сын! Витин и мой! Вы понимаете? Как ты мог, папа?

Маша повернулась к ошарашенному этими словами Герману и выразительно постучала пальцем по лбу. Она развернулась назад и стала успокаивать Вилечку:

– Девочка, успокойся. Папа просто пошутил, мы все пошутили...

– Глупая шутка, – глотая слезы и всхлипывая, сказала Вилечка. – Я Витю не брошу, – непонятно о ком сказала она.

– Глупая, – согласилась Мария Ивановна, – прости нас.

Велосипедист уехал. Герман, с трудом выходя из оцепенения от Вилечкиных слов, выкатился следом, они с Машей закрыли окна.

Вилена успокоилась, взяла у Маши носовой платок, вытирала набухший носик. Они ехали меж полей, тут тоже были видны следы урагана и смерча. Хлеба легли. Герман включил радио. Диктор объявлял:

«...прошедший ночью ураган в Рязанской области произвел разрушения в ряде сел, отмечены смерчи, скорость ветра местами достигала ста двадцати – ста пятидесяти метров в секунду. По многолетним наблюдениям, подобные явления и природные катаклизмы в окрестностях Рязани не наблюдались уже более двухсот лет...»

Герман удивленно поднял брови.

«К счастью, смерч прошел по прямой через леса и поля более тридцати километров, после чего самоликвидировался... – сменился голос диктора голосом репортера на фоне уличного шума, – фактически, по наблюдениям очевидцев, смерч зародился на границе атмосферных фронтов в окрестностях села Сбитнева и, произведя незначительные разрушения, через лес и поля прошел до села Матурова, где в настоящий момент и находится передвижная радиостанция нашей редакции...»

Герман прокомментировал:

– Значит, мы их скоро увидим. А что ж они так поздно? – Он глянул на часы на приборной доске. – Скоро три, а ураган прошел ночью.

«...Мы видели полегшие хлеба на полях, поваленные телеграфные столбы и линии электропередач...» – продолжал журналист.

– А куда им спешить? – сказала Маша. – Это в Америке сейчас репортер летел бы верхом на смерче, делая репортаж с места событий, а у нас удивительно, что вообще рассказывают.

Герман двигался не быстро, мешали разбросанные по дороге наломанные сучья и ветки, куски шифера, и чем ближе они подъезжали к селу, тем больше их было.

«Позже мы продолжим рассказ об урагане, прокатившемся в Рязанской области, – сменил дикторский голос шипящего репортера, – а сейчас послушайте легкую музыку».

Герман сказал:

– Подъезжаем, – и, качнув головой в сторону Маши: – В дом заходить будем?

– Давай, – сказала Мария Ивановна, – мне надо кое-что забрать.

Герман проехал мимо небольшой кучки людей, стоявших у дома Людки и тетки Евдокии. Через спины он увидел, что весь двор и крыша дома завалены яблоками, сучьями, кусками шифера и содранного рубероида. Он спросил Машу:

– Как это?

– Это зеркало, – ответила Маша. – Кто вызвал, к тому и пришло.

Герман проехал еще метров пятьдесят и притормозил у своего дома. Рядом с «москвичом» стоял зеленый уазик с антеннами на крыше. На борту надпись «Радио Рязани».

Деревенские зеваки то подходили к Людкиному забору, то отходили подальше, но зайти никто не решался.

Неподалеку от уазика двое орали друг на друга:

– А я знаю отчего? Что вы ко мне со своими вопросами? Звоните в Рязань, вызывайте ученых или прям сразу в Москву в Академию наук!

– Да вы понимаете, что это природный феномен? – орал молодой парень с магнитофоном на боку.

А мужчина в годах, в брезентовой куртке и сапогах, отвечал ему:

– Да хрен с пробором я положил на твой феномен! У меня хлеба полегли на полторы сотни гектаров! А ты мне про феномен?!

– Что вы говорите? Хлеба полегли не только у вас, по всей области полегли! А смерч только у вас прошел!

– Слушай, парень, отойди от греха! Мне сейчас электричество восстанавливать, крыши с ферм снесло! Уйди!

Герман заслушался, не выходя из машины. Маша пошла отпирать калитку, стояла, возилась с замком. Одна Вилечка смотрела на странный дом.

И вдруг крыша его просела посередине, и, будто карточный домик, стены пошли внутрь, раскатываясь на бревна. Изумленная толпа брызнула в стороны, пыль поднялась выше забора и деревьев. Треск и грохот накрыл всех.

В толпе ахнули, кто-то запричитал, потом притих. В тишине раздался стонущий голос:

– Помогите!

Вилечка вышла из машины, оглянулась на спящего на заднем сиденье малыша и вдруг, будто подхваченная ветром, помчалась к развалившемуся дому. Кроссовки прохрустели по рубероиду и шиферу, малина хлестнула по голым коленкам. Из дома снова донеслось дребезжащее:

– Помогите!

От дома и с дороги кричали:

– Назад!

– Виля, не смей! – донесся мамин голос.

Вилена подняла черенок лопаты, засунув между дверью и косяком, надавила всем телом. Дверь приоткрылась, только чтобы пролезть. Она проскользнула внутрь. Еще одна дверь, эта была открыта. Внутри в пыльном облаке она разглядела поваленный шкаф, сверху придавленный бревнами, и торчащие из-под него ноги с грубыми мозолями на пальцах и пятках. А совсем неподалеку, придавленная поперек спины балкой, тянула к ней руки старуха:

– Помоги!

Вилечка подскочила и попыталась приподнять балку. Тяжело. Старуха повернула к ней голову.

– За руки, дай руку, – попросила она.

Вилечка пробормотала:

– Сейчас, сейчас, – и взялась за сухие морщинистые пальцы.

– Спасибо, – сказала старуха и с костяным стуком уронила голову на пол.

Вилечка присела рядом, потрогала сонную артерию на шее, тихо. Сзади ворвался Герман:

– Ты что? С ума сошла? Пошли отсюда!

Бревна, сложившиеся домиком, потрескивали.

– Пошли, – спокойно сказала Вилечка, – все кончено.

Маша стояла у поваленного забора, с первого взгляда она поняла, что произошло. Обняв дочь за плечики, по пути к машине спросила:

– И что тебя понесло?

– Я слышала крик о помощи, – сказала Вилечка спокойно, – я должна была помочь.

– Никому ты ничего не должна, кроме своего сына, – сгоряча сказала Маша. – А уж тем более им!

Вилечка прислонилась к горячей крыше «москвича», постояла. Мысли роились в голове... просыпались неведомые доселе чувства.

– Ладно, мам, пап, поехали в Москву. Я по бабушке соскучилась.

Через пять часов они были дома. Войдя в квартиру, Вилечка будто пересекла невидимый рубеж. Все, что было до, осталось там, а впереди все, что еще только будет. До двенадцати ночи мылись, рассказывали, как жили, как рожали, как доехали. Ольга Яковлевна радовалась благополучному завершению и удивлялась, удивлялась... Вилечка покормила сына, перепеленала, сцедила и, заведя будильник на два ночи, легла. Первый день Виктора Викторовича закончился, и он, спеленатый до плотности батона, смотрел свои новорожденные сны... что же его ждет дальше? Что их всех ждет? «Ладно, будет день, будут и мысли, – подумала Вилечка. – Главное – будем жить!» И уснула.

Эпилог **(Или кое-что от автора)**

Она позвонила около трех. Мы как раз уже заканчивали разбор полетов за день, оставляли напутствие дежуранту, чтобы много не пил, чтобы экономил дефицитный неон, не лил что зря. Ну и что, что гуманитарка? Даром досталось, не значит, что надо обязательно все вылить в унитаз... Думай, Вася, что и кому лить! И уже переодетые стояли в дверях, вдруг – звонок! Трубку снял Вася и почти сразу протянул мне.

– Это вас!

Я припал ухом к потертой пластмассе старенького аппарата:

– Слушаю!

– Привет, Андрюша! – услышал знакомый почти детский голосок, в котором уже давно не хватало того веселого звона, который так радовал меня в восьмидесятых годах.

– Привет, Вилечка! Привет! Какими судьбами? Что-то случилось?

– Да ничего, – спокойно ответила она и, как мне показалось, чуть обиженно, – обязательно должно что-то случиться, чтобы я позвонила? Просто соскучилась.

– Это хорошо, – сам не знаю почему, сказал я.

– Я тебя год не видела, заедешь на чай?

Сколько я ждал этого приглашения? Двенадцать – тринадцать лет. Долгий срок. Достаточно долгий, чтобы, мягко сославшись на дела, отказаться. А вдруг ей все-таки я очень нужен? И только в теплой личной беседе она выложит свои проблемы, похлопает носиком, пожалуется на сына или на коварное и мстительное начальство? Да нет. Витя ее не расстраивает, дай бог всем такого сына двенадцати лет, а с начальством Вилечка сама может разобраться. С некоторых пор ее обижать опасно... Она меня позвала, значит – я нужен.

– Приеду. Когда?

– Сегодня. Сейчас, – Вилечка поправилась, – через час-полтора.

– Нет проблем. Выезжаю. Что-нибудь к чаю взять?

– На твой вкус.

Я выехал. День был теплый, движок моей «четверочки» мягко рыкнул и пошел разогреваться. Надо заскочить в кондитерскую. Взять любимый Вилечкин желейный

мармелад, зеленые ромбики она называла лягушки, или коробку конфет. Нет, денег кот наплакал, аванс был, зарплата через неделю, халтуры не случилось. Или заправиться, или коробку краснооктябрьских конфет... выбор. Так, давай подумаем: она говорит – соскучилась. Возможно. С тех пор как я ушел со скорой, прошло двенадцать лет, и впервые после этого я с ней встретился в прошлом году, спустя одиннадцать лет, вручил пластиковую папку с рукописью «Золотого сечения», извинился за некоторые отступления от реалий и, наоборот, за грустные подробности, о которых не хотелось бы вспоминать. Тогда же познакомился с Виктором Викторовичем – двенадцатилетним очень серьезным пареньком, очень похожим на Витю Носова, но неувовимо принявшим черты семейства Стахис. Вся наша прошлогодняя встреча длилась меньше часа. Я разыскал Вилену Германовну – врача-эндокринолога одной из поликлиник Москвы – по своим каналам. Она не ожидала меня встретить. Все получилось экспромтом, немножко комкано, она спешила, а я, не зная, как меня встретит реальная героиня повести, волновался. Но мы расстались хорошо, Вилечка обрадовалась, и мы распрощались довольные возобновившимся знакомством. Я ей оставил свои телефоны, записал ее, но, видимо, каждый из нас ждал, кто позвонит первым. Она. Значит, с меня коробка конфет и еще неплохо бы цветы. Взял букет астр, ассорти, мармелад – все. Я пуст. Бензина в баке как раз к Вилечке, и домой, где заначено пятьдесят рублей американских денег – от щедрот, отваленных родственником больного. Придется разменять. Судьба. Можно еще побомбить на обратном пути, прихватить голосующих граждан, как раз на заправку накачается. Но это уж – как повезет.

Вилечка живет там же, недалеко от «Войковской», а я за долгий срок перебрался на другой конец Москвы, поближе к Южному порту, в когда-то стоящее обособленным островком Курьяново – между Люблином и большой водой Москвы-реки. Там же и работал.

Куда ни рыпнись – на Кожуховскую или на Волгоградский проспект, все одно – приедешь к Таганке, а там автомобильный водоворот, толчея, из которой выжимают на Садовое кольцо, вниз под эстакаду, там светофор, и уже вверх к другому мосту через Язуз почти у Курского вокзала. Пробка. Уже четыре часа – пятый. На Красных воротах – опять толчея, держись левее, а то утащат к Трем вокзалам, и придется или разворачиваться у Ярославского вокзала и через Каланчевку выруливать обратно на Садовое у старого здания института Склифосовского, по нашему – Склифа, или в попытке всех перехитрить дернуть через площадь в сторону Сокольников и там на Русаковке увернуться налево и через Рижскую эстакаду над проспектом Мира влиться в плотный поток на Сушевском Валу. Перед развязкой у Савеловского вокзала надо решать, ехать через Масловку до Ленинградского пропекта и у «Динамо» выйти все-таки на финишную прямую или огородами через Дмитровское шоссе и Большую Академическую улицу добраться до Вилечкиного дома? Ремонт моста на Савеловской развязке решил за меня – огородами. Нормальные герои всегда идут в обход! Небольшая, минут на пятнадцать, колбаса у Лихобор – и я вывернул наконец на Большую Академическую. Долго ли, коротко, я пересек трамвайные пути у плотины и, проезжая мимо стадиона «Наука», посигналил. Место памяти. Наверное, кроме меня уже никто не сигналил. Висевший около двух лет венок давно исчез, и никто уже не вспоминает, что в ноябре восемьдесят пятого стоял обернувшись, будто скомканная сигаретная пачка, именно вокруг этого столба Витин рафик. Было, было...

Эта авария произошла почти на моих глазах. Я занимался вождением с отцом, на этой самой «четверочке», мы уже заканчивали тренировки, я возвращался к дому, и вдруг эта авария. И катающийся на асфальте водитель – Риф Сагидуллин. Отец отвез его на подстанцию, а я пытался через разбитое лобовое стекло выдернуть Витю, но он уже умирал, а Володьку я даже не видел в расплюсненном салоне. А потом все полетело в бешеном ритме: машины, водители, вернулся отец и силой увез меня домой, и мы с ним сели на кухне – мама уже спала – и помянули погибших.

И с тех пор засело в сердце что-то, будто я задолжал этим ребятам. Не все мы, а лично я. И долга уже не отдать, потому что – некому. Но долг от этого не исчез, он лишь перешел в категорию невозвратимых. Это было мучительно. Ни посещения кладбища, ни свечки в

церкви – ничто не могло погасить его. И только когда я закончил «Сутки через двое», поставил точку, вывесил текст в Интернете, разыскал Вилечку и вручил рукопись, мне стало полегче. Большую часть долга я отдал.

Она открыла дверь сразу, будто стояла в прихожей и ждала звонка. За тринадцать лет обстановка в квартире сменилась, что неудивительно, да и Вилена изменилась, на первый взгляд совсем немного и в то же время – весьма заметно. Во-первых, она чуть-чуть осветлила волосы, превратив их из каштановых в рыжеватые, но все такой же вьющейся гривой они рассыпались по плечам. Чуть больше косметики, чуть больше морщинок у глаз и складочка на переносице. Это складочка появилась в девяносто первом. Она училась в ординатуре. Август девяносто первого – двадцатое. Один из врачей в конференц-зале подстанции перед утренней конференцией развесил самодельный лозунг: «ДОЛОЙ ГКЧП!» Герман приказал снять. Врач отказался, в ярости крича и обзывая звезду коммунистическим прихвостнем и жидомасоном. Тогда Герман сам влез на стул и снял полотнище, спокойно объясняя, что мы – медики, политика не наше дело. И если доктору хочется помитинговать, то пусть он едет к Белому дому и там митингует сколько угодно. Врач забрал плакат и убежал на улицу. Ничего не подозревающий Герман провел пятиминутку, отпустил медиков – кого домой, кого работать – и ушел к себе в кабинет. Минут через десять туда же вошел взбешенный доктор и со словами «Вот тебе!» воткнул в грудь заведующего автомобильную отвертку и вышел довольный собой. Герман вышел следом, спустился осторожно, стараясь сильно не дышать на первый этаж, вошел в диспетчерскую. Увидев пластмассовую рукоятку, торчащую из груди, и кровь меж пальцев, диспетчеры выкрикнули реанимационную бригаду, благо она сидела в тот момент на подстанции, и Германа помчали в ближайшую больницу, но не довезли. Доктора посадили. Но человека не вернешь. Через два года Ольга Яковлевна уехала в Израиль. Поселилась в Хайфе, пишет письма, звонит.

Вилечка повела в большую комнату, стол накрыт, я вручил астры, конфеты и мармелад. Она приняла пакетик, улыбнулась:

– Ты помнишь?

– Конечно. Я тебя стажировал, мы заехали в булочную, и ты купила такой же мармелад, он был весь зеленый, а ты сказала – я люблю этих лягушков. – Я тоже улыбнулся, она тогда любила коверкать слова, по-детски.

– А еще что помнишь?

Я ничего не забыл. Она что – играет? Намеки.

– Я все помню, Вилечка. И нашу последнюю встречу. Не прошлогоднюю, а тогда весной восемьдесят пятого, на твой день рождения.

Я ей привез духи «Нина Риччи» с целующимися голубками на крышечках в подарок. В доме был Виктор, и я тогда понял – мне здесь не светит. Вилечка приняла подарок довольно сдержанно, но пощелкала язычком для приличия: в те годы такие духи были редкостью. Но по ее глазам было видно: я – третий лишний! На Носова я не смотрел, он же меня терпел. Месяц назад он на подстанции в столовой тихо процедил: тебе не светит, не трать время. Я не внял. И видно, зря. Да я тогда кипел, от обиды оделся и, не попрощавшись, ушел. На кого я обиделся? На Витю, на Вилечку? Не знаю. Наверное, на свою судьбу. Зачем она сейчас вытягивает из меня эти воспоминания?

Мы поужинали и пили чай с конфетами и мармеладом. Виктор Викторович допил свой и, вылезая из-за стола, сказал:

– Спасибо, мам. Я пойду, мне надо уроки доделать.

– Иди, конечно. – Вилечка проводила его взглядом, подождала, пока закроется дверь в детскую. – Он меня порой пугает.

– Чем же?

– Слишком взрослый. Двенадцатилетние мальчишки себя так не ведут.

– Как «так»?

Вилечка сцепила ручки и, опершись на пальцы подбородком, сказала:

– После смерти отца мама сильно изменилась. Ты ее не знал ведь, но она так

замкнулась, и я понимала: она отчего-то винит себя. И бабушка очень неожиданно уехала. Она нам объявила, что улетает, буквально за сутки. Витя пошел в школу. Я уже работала. Я так надеялась, что она нам поможет... хотя бы до конца школы... и вот на тебе, улетела! Но дело не в этом, я подозреваю, что ее отлет спровоцировал один поступок Виктора. – Я вопросительно приподнял брови. – Да, мы не ожидали. Он пришел в воскресенье домой и объявил, что окрестился. Оказывается, он уже давно собирался это сделать. Мы думали, что Витя гуляет на улице, а он ездил в храм. В тот день он принес икону и поставил на книжный шкаф в своей комнате. Бабушка Оля очень изменилась с того дня. Сильно охладела и к маме, и ко мне, и к Вите.

– Сколько ж ему было?

– Девять лет, десятый.

– Сколько?! – Я удивился.

– Ты понял. – Вилечка не стала повторять. – Зайди к нему в комнату.

Я не решился. Она настойчиво повторила:

– Загляни.

– Да ладно, парень занимается. Не стоит мешать. Я верю.

– Я понимаю, что веришь, но этого мало. Это надо видеть!

Я послушно пошел к комнате Виктора. Здесь было необыкновенно. Это не мальчишеская комната с разбросанными книгами, радиодетальями или спортивными снарядами, это келья. Огромный иконостас, мерцающая лампада и тонкий запах ладана и еще чего-то неуловимого, нежного... На той же стене с иконостасом, над письменным столом в рамке увеличенная черно-белая фотография Вити Носова в халате с ящиком в руке и фонендоскопом на шее на фоне скоропомощного рафика.

Витя-младший поднял на меня глаза, оторвался от тетради. Перехватив мой взгляд, спросил:

– Дядя Андрей, а вы хорошо знали моего папу? Я читал вашу рукопись.

– Мама дала?

– Я спросил, она разрешила.

– Неплохо знал, мы порой с ним вместе работали, до появления на подстанции твоей мамы.

– А потом?

– Потом – редко.

– Вы с ним дружили?

– Да как сказать... – Парень задавал вопросы не в бровь, а в глаз... – Опять же до прихода твоей мамы.

Виктор Викторович повернулся к столу, проговорил:

– Значит, папа у вас ее отбил?

Я чуть не рассмеялся. А ведь и вправду – отбил. Я так и сказал:

– Отбил. А разве можно отбить, если без желания?

– Нет, конечно, – серьезно сказал Носов-младший. – Она его любила.

Да уж, любила. Как дай нам Бог быть так любимыми!..

Я спросил:

– А чем это у тебя так пахнет?

– Не нравится? – спросил он чуть ревниво.

– Отчего же, очень приятно, я один запах узнал – ладан, а вот другой никак не пойму.

– Мироточит, – довольно сказал Витя, – я сам сначала не знал, а у меня одна икона мироточит.

Вот даже как!

Он встал и показал мне небольшую икону с изображением воина в доспехах. Я такой никогда не видел. По нижнему краю иконы блестили бисерные капельки маслянистого вещества – миро.

– А кто это?

– Святой мученик – Уар, – серьезно объяснил мальчик, – ему можно молиться за некрещеных. Я за папу молюсь, и за бабу Олю, и за маму.

От этих слов у меня перехватило горло. Мальчик. Милый Витя, Виктор Викторович... А как же детство? Беготня и игры, приключения и фантастика?! За что ты себя так ограничиваешь? Зачем тебе все это? Я не удержался и спросил:

– Зачем тебе все это?

Он пожал плечами. И просто сказал:

– Мне однажды сон приснился. Я его запомнил. Там такая старушка была, очень добрая, она мне сказала: «Сходи в церковь, окрестись и молись за папу мученику Уару». Я тогда этот сон бабушке Маше рассказал, она так плакала, я даже подумал, что это плохой сон, а она все повторяла: «Спасибо тебе, баба Марфа, спасибо...» Ну, я и пошел.

Потрясенный, вышел я из комнаты.

Вилечка ждала за столом.

– И как он тебе?

– Это... у меня нет слов. – Я налил себе полчашки уже остывающего чая, отпил. – Ну и сын у тебя!

– А у тебя как? Женился?

– Было.

– Разошлись?

Эх, Вилечка, Вилечка... А если б ты тогда не Витю выбрала, а меня? Как бы сложилась наша жизнь? Не знаю. Да и глупо это – абы да кабы... Чтобы сменить тему, я спросил:

– А где Мария Ивановна?

– Ах да, я ж тебе не говорила, точнее, не договорила... Мама после смерти папы очень сильно изменилась. – Вилечка налила нам еще по чашечке чаю. – И бабушка, и мама, и я, мы старались поддерживать друг друга, но маме это мало помогало... В общем, после отлета бабушки в Израиль мама прожила с нами всего год...

– Она умерла?!

– Да что ты. Не дай бог! Я б этого не вынесла. – Вилечка почесала носик. – Нет, жива, слава богу, просто ушла в монастырь.

– Куда?! – Вот тебе номер! Да что с ними? Сын, мама... я задал вопрос чисто риторически, но Вилечка совершенно серьезно ответила:

– Уехала в Эстонию, в Пюхту. Пюхтинская женская обитель. Она теперь – матушка Мария, травница. Мы с Витей ездили к ней этим летом. Мне показалось – она счастлива. По-своему. Теперь мы с Витей живем вдвоем. – Она усмехнулась грустно.

Такого поворота я не ожидал. И что теперь? Она осталась вдвоем с сыном, который на вопрос, кого ты больше всех любишь – папу или маму, отвечает: «Бога». И вспомнила обо мне. Случайность? Или я теперь – запасной вариант? Но кажется, Вилечка почувствовала мое настроение, она сказала:

– Что мы все чай да чай, давай-ка выпьем! – Вот так Вилечка-тихоня! – Ты что будешь – водку, коньяк или вино?

– Я за рулем, Вилечка, если только немного вина... – Выпить мне хотелось, но то, что гаишники периодически устраивают ночные рейды, отлавливая таких вот любителей тяпнуть за рулем, отбивало всякую охоту. Домой приеду – выпью.

– Я хотела предложить тебе помянуть Витю с Володей и папу, а с вином поминать как-то не принято.

– Тогда неси водку.

Вилечка принесла ледяную водку и две стопочки, поставила передо мной. Я налил. Выпили. Помолчали. Значит, Мария Ивановна считает себя виновной во всех семейных бедах? Мысль внезапно возникла. Ну да, Вилечка ведь именно это объясняла мне. Как странно, с тридцати граммов я так захмелел? Да и у нее щеки порозовели, глазки заблестели. Ого. Вот что значит бессонная ночь и еще полсуток дневной работы...

– Виленк! Ну что ты наделала? Как я домой поеду?

Вилечка посмотрела на настенные часы – восемь тридцать.

– А ты спешишь?

– Да нет.

– Ну тогда все еще выветрится.

– Мне надо маме позвонить, – сказал я, – я ее не предупредил, что задержусь.

Вилечка протянула трубку радиотелефона:

– Звони.

Несколько длинных гудков.

– Ма. Я задержусь.

– Хорошо. Во сколько будешь?

Вот вопросик! Знать бы! И уезжать не хочется, и остаться не могу. Я посмотрел на Вилечку, но она лукаво щурилась и молчала.

– Как выйдет.

– Постарайся до полуночи, ты же знаешь, как я волнуюсь, когда ты ночью едешь!

– Знаю. – Да, с моим астигматизмом только по ночам и ездить... – Я буду осторожен.

Я отключил телефон. Вилечка все так же смотрела на меня.

– Твоя мама все еще обижается на меня?

Я пожал плечами:

– Не знаю.

– Врешь ты все. Если бы не обижалась, ты б ей сказал, что сейчас у меня. Она читала твою повесть?

– Да.

– И как ей?

– Сказала, что понравилось.

Вилечка опустила глаза:

– Значит, похвалила?..

Да. Похвалила, но я не стал говорить, что мама прочитала только первую часть. Ни к чему. Она читала и вспоминала то время, когда я работал на скорой, учился в институте, пытался ухаживать за Виленой... Наверное, ее старая обида все-таки вспомнилась.

Странное дело. Я так ждал такой встречи. Но после гибели Носова снова искать взаимности было выше моих сил. А потом женился сам, жили вроде мирно, потом разошлись без скандалов и ссор. Потом мы остались вдвоем с мамой. И как я мог ей сейчас сказать, что задержусь у Вилены?

Мне так хотелось просто смотреть на нее и сравнивать с той глазастой девчонкой, которая весной восемьдесят четвертого месяц каталась на нашей «восьмерке». А Виленка все время отвлекала меня вопросами. Я не видел тридцатипятилетнюю женщину, память услужливо подсовывала образ той двадцатилетней Вилечки, немного тихой, немного озорной, про таких говорят – в тихом омуте черти водятся. Водка мало-помалу переваривалась, хмель проходил. Но видно, медленно, потому что я вдруг спросил:

– А правда, что тебе от той бабки колдовская сила досталась?

Она сразу не ответила. А во взгляде почерневших глаз появился загадочный и уже совсем не озорной блеск. Стала собирать посуду, включила телевизор – новости, ушла на кухню и там минут десять плескалась, потом вернулась и, сев напротив меня, очень серьезно, глядя мне в глаза, сказала:

– Правда.

Ответ застал меня врасплох. Я ожидал усмешки, хохмочки, укоризненного покачивания головкой и слов вроде: «Большой уже, а все в сказки веришь...» Что еще спросить? Дурацкий вопрос: «И как оно?» – сам собой напросился на язык. Хотелось свести все к шутке, но Виленка ответила:

– Плохо.

О как! А чего я ждал? Что она начнет весело рассказывать о своих способностях? Ну, не знаю... Что-то я дурак сегодня. Вот увидел Вилечку, и сразу – дурак. Как это Витя Рыбин

поет – «бывают мужики, как женщину увидят, так сразу – дураки». Вот и я так же. Надо исправляться.

– Извини, Вилечка, я несу какую-то чушь.

А она совершенно серьезно сказала:

– Не то чтобы чушь, но разговор малоприятный. Ты ведь все верно написал. Только это невозможно рассказать, что когда я почувствовала в себе силы рассчитаться за Витину смерть, как меня мама уговаривала ничего не делать.

– А что ты могла сделать, кому?

– Тому пьяному водителю – Сергею Васильевичу Афонину, тридцатитрехлетнему придурку, который отсидел четыре года из пяти, вернулся домой и растит двоих детей с женой и родителями и в ус до сих пор не дует... – В голосе ее зазвенели металлические нотки. – А сделать могла много чего. Надо объяснять? Я могла бы отыгаться на его детях, жене, родителях... я могла оставить его бомжом, сгноить в дерьме... а он не знает, что благодарить за спокойную жизнь должен мою маму. Он вообще ничего не знает, кроме того, что спьяну убил бригаду скорой помощи.

– Ты не простила, – не спросил, а констатировал я.

– А за что его прощать или не прощать? За то, что он выхлебал бутылку водки и сел в свой грузовик, который только что загнал в гараж до утра? Он ничего не помнил, не знал даже, откуда взялась та бутылка! Куда он ехал? Почему его выпустили с автобазы? Мстить... Зачем? Правильно сказала мама – легче от этого никому не станет, а горя прибавится. Но, правда, нет худа без добра – дар бабкин в работе помогает.

– Неплохо, – сказал я. – Значит, не без пользы.

Открылась дверь детской комнаты, и Носов-младший в трусах и майке прошествовал в ванную. На часах девять пятнадцать. И в самом деле – серьезный молодой человек. Мы проводили его взглядом, я заметил:

– Ты его дисциплинировала?

– Он сам себя дисциплинирует, – улыбнулась Вилечка. – У меня с ним проблем нет. – Она немного убавила громкость у телевизора. – Я удивляюсь, мне порой кажется, что, родившись, он уже был взрослым. – Я приподнял брови: что она хочет сказать? – Да, не удивляйся, у меня с ним не было трудностей ни когда он был грудным, ни в детском саду, ни сейчас – в школе... Знаешь, детей надо воспитывать, применять всякие педагогические приемы, а с ним все идет само собой, будто он с рождения знает, что ему надо. Я уже не удивляюсь.

Хлопнула дверь ванной. Виктор Викторович, проходя через гостиную, спокойно и ясно произнес:

– Спокойной ночи, мама, дядя Андрей.

– Спокойной ночи, Витя.

У самой двери он повернулся и спокойно спросил:

– Вы у нас останетесь? – В голосе его была не скрытая ревность, а забота и участие. Двенадцатилетний мальчик спрашивает у чужого мужчины, останется ли он в их доме на ночь? Вилена кашлянула.

– Не думаю, Витя. – Я говорил совершенно искренне. – Меня дома ждут.

– До свидания, – сказал серьезный мальчик и ушел спать.

– До свидания, – пробормотал я уже в закрытую дверь.

Вилена расположилась на диване, сидела опершись на подлокотник, закинув ногу на ногу. Соблазнительная женщина. Я, несмотря на немое приглашение сесть рядом, не мог заставить себя выбраться из-за стола. Прикрытые ресницами глаза, загадочная улыбка, поза, все говорило: «Иди сюда. Ты же хотел этого. Ну, иди ко мне».

Раздался телефонный звонок. Вилена взяла трубку:

– Алло! Да, это я, добрый вечер. – Голос ее дрожал, будто она нашкодничала, а ее уличили. Протянула трубку мне. – Тебя, твоя мама!

Какой же я осел! Я забыл, что у меня определитель номера.

– Да, мама. Слушаю.
– Ты у нее? Я сердцем чувствовала.
– Мама! Я уже не ребенок! Ну, сколько можно? – Мне так не хотелось при Вилечке выяснять с мамой отношения.

– Да. Ты – не ребенок. Ты мужчина. Ты обещал сегодня до полуночи быть дома. Я не лягу, пока ты не приедешь.

Вот попал!

– Хорошо, мама, я выезжаю.

Я поднялся и пошел в прихожую.

– Мне пора, Вилечка. Уже десять. Пока доеду, будет полночь.

– Подожди. – Она явно не ожидала, что я так легко решусь уйти. – Подожди, – повторила она.

«Не уходи, побудь со мною...» – романс Пойгина, звучавший в моих ушах с новогодней ночи восемьдесят пятого года. Может быть... может быть, я и останусь, но не сегодня. Слишком много воды утекло... Я любил и помнил мою Вилечку – дочь заведующего. Двухлетнюю девчонку – выпускницу медучилища, которая предпочла фельдшеру доктора, которую я не видел потом двенадцать лет. Да, черт возьми! Если я сейчас поддамся, я себя как мужчину уважать не смогу. Надо уходить. Я обещал маме.

– Извини, я должен.

Ее эти слова снесли с дивана, она подошла ко мне вплотную, взялась за концы шарфа.

– Я прошу, не уходи, побудь еще хоть час.

– Что изменит час?

– Ты знаешь, я могу вынудить тебя остаться.

– Я верю, что можешь.

В глазах Вилечки сверкали маленькие молнии.

– Но будет ли такая победа в радость?

Она отпустила шарф. Видно было, что в душе ее происходила борьба.

– Давай мы с тобой лучше еще раз встретимся? А?

– Другого раза не будет, – грустно сказала Вилечка. – Неужели ты думаешь, что я тебя опять приглашу? Если сейчас уйдешь, то насовсем.

Это удар ниже пояса. За что она так? Я не хочу уходить насовсем и не могу остаться... Да. Она стала заметно жестче, моя Вилечка. В ней ощущался стержень железной воли. Нет. Я не сдамся. Я надел плащ. Затянул пояс. Надо еще побомбить немного... и мама ждет. Я обещал. Хотел поцеловать ее в щечку на прощание, но она довольно резко отстранилась.

– Ну, прощай, Вилечка. Я действительно рад был тебя видеть.

– И я была бы рада, – личико ее вдруг раскисло, нос набух, и губки задрожали, – я тебя очень прошу, не уходи.

Еще один удар. Да что ж такое? Ну не могу я. Не могу. И я снова, как тогда, обуваю ботинки, подцепив задник рожком, снятым с того же гвоздика. Только сейчас она стоит рядом. А тогда даже не вышла из комнаты, где обнималась с Носовым...

– Прости, Вилена, – прошептал я и заставил себя выскочить на лестничную площадку.

На часах пол-одиннадцатого. Машина завелась, хотя и не сразу. Пришлось подергать стартер. Остыл движок. Наконец завелся. Я выехал на Ленинградское шоссе, надо определиться с маршрутом. Прокатился мимо «Войковской», как назло, ни одного голосующего! Так, теперь к «Соколу», но не через тоннель, а мимо бывшего НИИ «Гидропроект» налево и по боковой дороге вдоль тротуара, опять – никого. Тут даже стоят такси. Когда переезжал через трамвайные пути, машина дернулась и заглохла. Руками откатил ее к бордюру, поднял капот. Вроде все нормально. Подергал свечные провода. Поправил – нормально, провод от катушки зажигания свободно вышел из гнезда. Вот зараза! Воткнул на место. Повернул ключ зажигания. Движок завелся. Ну, слава богу. Еду. Через десять минут, когда у Белорусского вокзала стал выезжать на Ленинградский проспект и на мост, опять мой «пепелац» заглох. Ну чего ему не хватает? Машина так чудесно работала с

утра, а сейчас словно чужая. Снова подергал высоковольтный провод от катушки. Сидит как влитой. А вот четвертая свеча отчего-то выкрутилась из гнезда и лежит на кожухе мотора, подвиснув на проводе. Вот это да! Ее и руками-то с трудом открутишь, а тут сама вывинтилась! Я отсоединил провод, и свеча аккуратно развалилась на составные части – металл отдельно, керамика отдельно. Я такого никогда не видел. Пришлось искать в багажнике старую, но рабочую свечу, вкрутил, завел. Ну, родимая! До дому-то доеду? Дерьмовенькая свечка, движок подтраивал.

Десять минут двенадцатого, а еще только подъезжаю к Лубянской площади, мимо Политехнического музея, вниз по проезду Серова к Китайскому проезду. Ёпрст! Захлопало правое заднее. Я выложил в его адрес все тяжелые слова, какие знал. Когда я его снимал в последний раз? Около года назад, когда менял тормозные колодки. Да, тяжелая это работа – из болота тащить бегемота! Полчаса на одно колесо. Еду. Без пятнадцати двенадцать свернул с Волгоградки на мою дорожку. Ну вот, почти дома. Налево, направо, еще несколько поворотов, и вот моя улица Гурьянова. Мне к семнадцатому дому. Вдоль подъездов ровным рядком цепочка машин. Знакомая картина. Мое местечко у девятнадцатого, там есть кармашек. Ну елки-палки! Мое место заняла зеленая «Ауди-80». Пришлось несолоно хлебавши протащиться мимо всего дома и снова выехать на улицу. Хоть где-нибудь я найду себе местечко для ночлега? Очень уж не хочется оставлять машину на проезжей части. На часах стрелки сошлись на двенадцати. Что-то хлопнуло. Машину качнуло и заметно протащило боком по асфальту. Сверху посыпался мусор, и я увидел, как на зеленую «ауди», планируя будто лист бумаги, опустилась бетонная плита. И еще камни, камни... Грохот. В девятиэтажке исчезли два подъезда, а на их месте и на припаркованных около дома машинах разлеглась чудовищная гора бетонных обломков. Я выскочил из машины. Еще слышался треск. Что-то ломалось, дымилось и падало... раздавались редкие крики застывших в открытых окнах людей.

Наступило девятое сентября девяносто девятого года – четверг.